Ямвлих

О ПИФАГОРОВОЙ ЖИЗНИ

Вступительная статья и перевод
И.Ю. Мельниковой

Москва
АЛЕТЕЙА
2002

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)32
Я55

Ямвлих

Я55 О Пифагоровой жизни / Пер. с древнегреч. И.Ю. Мельниковой. — М.: Алетейа, 2002. — 192 с.

ISBN 5-89321-093-X

Книга знаменитого философа-неоплатоника Ямвлиха (ок. 242–306 гг.) посвящена жизни и учению Пифагора — одного из самых загадочных философов, мистиков и мудрецов Древней Греции. Ямвлих — автор трактата «О египетских мистериях», многих трудов, посвященных символике богов, и комментариев к работам Платона и Аристотеля.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)32

ISBN 5-89321-093-X

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЯМВЛИХ И ЕГО КНИГА

Пифагорейская школа занимает важное место в истории античной философии. История пифагореизма начинается с деятельности его основателя Пифагора в VI веке до н.э. Интерес к пифагореизму не ослабевал на протяжении всей античности. После разгрома древней пифагорейской школы сочинения ее последователей продолжали привлекать внимание, и в I веке до н.э. произошло возрождение пифагорейской школы, образовалось направление неопифагореизма. Неопифагореизм как философское направление отвечал общественным запросам времени социального кризиса и гражданских войн. В неопифагореизме слились два течения: народная, низовая философская литература и сочинения ученых-эрудитов, опиравшихся на философскую традицию. Во время поздней империи пифагорейская проблематика продолжала вызывать интерес, в пифагорейском учении представители неоплатонизма находили параллели неоплатонической философии — этому синтезу античной философской мысли.

Личность Пифагора, его учение и древняя пифагорейская школа на протяжении последующих столетий вызывали большой интерес. Прежде всего, обращает на себя внимание боль-

шой общественный резонанс, который получила деятельность Пифагора, а также сам факт наличия организационных структур в созданной им школе. Реконструкция древнего пифагореизма позволяет сказать, что общество, созданное Пифагором, преследовало не только политические цели. Истинным смыслом пифагорейского союза был тайный культ. Пифагор проповедовал тайное учение, источником которого являлись греческие мистические учения его времени. Пифагорейский союз был, прежде всего, одной из форм мистерий этого времени, и главным в его содержании было учение о переселении душ, заимствованное из орфизма. Как и у орфиков, целью пифагорейцев было освобождение путем очищений от круга рождений и возвращение в божественное состояние, однако отличие пифагорейцев состояло в том, что они понимали этот путь не как очищение души от влияния тела, а как очищение души наукой и музыкой и очищение тела упражнениями и врачебным искусством. Переселение душ состояло в том, что душа совершала падение из высшего мира и потом вновь возвращалась в него. Но прежде чем вернуться в высший мир, душа переживала несколько человеческих жизней, причем различие делалось не только между праведной и неправедной жизнью, но и между разными рангами человеческих воплощений. С учением о переселении душ была связана идея иерархии душ, прошедших разные стадии очистительного процесса, и представление о воздаянии после смерти. Такая религиозная мотивировка этики не имеет ничего общего с ее научным обоснованием. Житейские правила и предписания пифагорейцев, содержащиеся в символических изречениях, также лишены этического обоснования и отражают древние религиозные верования. Таким образом, хотя

пифагорейский союз имел этическое направление, вклад пифагорейцев в учение о нравственности незначителен. Отличие же пифагорейского учения состояло в этико-реформаторском направлении, сообщенном мистическому учению его основателем. Существовала не пифагорейская философия, а пифагорейский образ жизни, и пифагорейцы были не столько философы, сколько мудрецы. Пифагор с этой точки зрения предстает не как философ, а как один из религиозных деятелей рубежа VII–VI веков до н.э. Его учение, содержащееся в акусматах, то есть изречениях, заключается не в философии, разработанной последующими пифагорейцами, например, Филолаем, а в религиозных и обрядовых наставлениях: о метемпсихозе, жертвоприношениях, погребениях. В акусматах еще не содержится пифагорейского учения о числах, и числа рассматриваются с точки зрения религиозного суеверия.

Таким образом, деятельность Пифагора можно понимать двояко: с одной стороны, ему приписывается религиозно-мистическая мудрость, с другой стороны, он положил начало научным знаниям. Достоверно о Пифагоре известно лишь следующее: что он заимствовал у орфиков идею о переселении душ, что он предпринял научные занятия и что он основал общество, построенное на религиозных и этических принципах.

Первоначально, благодаря авторитету Пифагора, его школа сохраняла единство, но уже в первой половине V века до н.э. она разделилась на два направления. Математики представляли научное направление в пифагореизме, с которым были связаны Филолай и Гиппас, а направление акусматиков, к которым принадлежал Аристоксен, развивало религиозную и мистическую часть пифагорейского учения. Следует

различать ранний пифагореизм, просуществовавший до гонений на пифагорейцев в середине V века до н.э., и следующее поколение пифагорейцев начала IV века до н.э., наиболее значительным представителем которых был Архит из Тарента, с которыми связано развитие в пифагорейской школе научных знаний. Нельзя отрицать научные занятия пифагорейцев, и пифагорейский союз может называться ученым обществом. Религия служила основой, математика и музыка связью всей ученой деятельности пифагорейцев. К научным взглядам древних пифагорейцев относится также учение о гармонии, применяемое к космологии (учение о гармонии сфер) и к учению о душе (душа как гармония ее тела). С другой стороны, душу и ум пифагорейцы сводили к числам, и еще в древней пифагорейской школе появляется учение о свойствах чисел.

Таким образом, все, что известно о древнем пифагорейском учении до конца IV века до н.э., сводится к трем вопросам: к учению о переселении душ, бытовым заповедям, куда относится большая часть акусмат, и космологическим теориям, связанным с учением «все есть число».

Научная деятельность древней пифагорейской школы не получила развития. Пифагорейская наука и философия пережили период преследований и просуществовали до начала IV века до н.э., до деятельности Архита в Таренте, после чего пифагорейская философия утратила всякое значение. В отличие от этого религиозное направление пифагореизма, пифагорейские мистерии, сохранились и получили дальнейшее развитие в неопифагореизме.

Под термином «неопифагореизм» подразумевается пифагорейская философия эллинистического времени и вре-

мени Римской империи. Этот термин появился в начале XIX века вместо прежнего обозначения пифагорейской философии любого времени как пифагореизма. Выделение пифагорейской философии эллинистического и императорского времени в особый этап было обусловлено свидетельствами античных авторов о прекращении существования древнего пифагореизма и возрождении пифагореизма в Риме в I веке до н.э. Выделению неопифагореизма в отдельный этап длительное время препятствовало то обстоятельство, что большая часть пифагорейской литературы представляет собой подложные сочинения, приписываемые Пифагору или другим представителям древнего пифагореизма, которые сохранились в отрывках или известны из упоминаний других авторов. Важным этапом в этом отношении явилось издание Платона Ф. Шлейермахером, вышедшее в 1804 году, который доказал, что суть платоновского учения можно уяснить только из изучения самого Платона и что неоплатоническая интерпретация Платона представляет собой искажение его философии. Шлейермахер придал новый смысл термину «неоплатонизм» — не просто новый, но также и измененный. По аналогии с эти появляется термин «неопифагореизм», вошедший в научный язык после многократного употребления его Гегелем, отделявшим древний пифагореизм от того, что относится к неоплатоникам и неопифагорейцам.

Итак, древняя пифагорейская школа прекратила существование в IV веке до н.э., но пифагорейские мистерии, напротив, получают значительное распространение. Именно мистический пифагореизм стал той средой, из которой вышли под именем Пифагора мистические сочинения, распро-

странившиеся во II веке до н.э. Такой пифагореизм, как форма религиозного культа, сохранялся также и в эллинистическое время. Что же касается пифагорейской философии, то для этого времени нет оснований говорить о существовании научной школы или живой философской традиции. Псевдопифагорейские сочинения эллинистического времени были эклектическим сочетанием платоновско-аристотелевской философии и эллинистической науки. Таким образом, эллинистический период, к которому относятся многие пифагорейские сочинения, был связующим звеном между древними пифагорейцам и неопифагореизмом, возродившимся в I веке до н.э.

Пифагорейская литература эллинистического времени включает две группы сочинений: сочинения, приписываемые Пифагору или связанные с Пифагором, и сочинения, приписываемые другим пифагорейцам. Сочинения второй группы, датируемые III веком до н.э., происходят из Южной Италии, где центром пифагорейских занятий был Тарент, а сочинения первой группы восточного происхождения — из Александрии, Афин и других мест, и они появились после 200 года до н.э. Характерным представителем восточного пифагореизма был Аполлоний Тианский, олицетворявший пифагорейский идеал мудреца. В это время формируется представление о пифагорейском образе жизни, которое затем нашло отражение в биографиях Пифагора у Диогена Лаэртского, Порфирия и Ямвлиха, и этот образ Пифагора стал примером для Аполлония Тианского в первой половине I века н.э. Среди источников неопифагореизма преобладали академические сочинения, влияние перипатетиков и стоиков было менее значительным. Соединяя разнородные

элементы, неопифагореизм содержал множество противоречий. По сравнению с платонизмом времени империи, представлявшим изложение философских взглядов, неопифагореизм преследовал религиозные цели. Псевдопифагорейские сочинения эллинистического времени были написаны с целью распространения учения определенной школы и представляли своего рода учебники философии. Большая их часть — это сознательные фальсификации, их авторы использовали чужие имена исходя из представления, что сам Пифагор не записывал свое учение и что, следовательно, это учение излагали его ученики. В целом эти сочинения относятся к до-философскому уровню: они носят дидактический характер, не претендуют на доказательство своих положений и обращаются в большей степени к вере, чем к разуму. Восточное направление неопифагореизма, первоначально независимое от западного, постепенно сближается с ним. Свидетельством их взаимного проникновения являются сочинения Ямвлиха.

Сочинение Ямвлиха «О Пифагоровой жизни» — самое большое по объему и наиболее сложное из всех сохранившихся трудов о Пифагоре. Первоначально оно представляло введение к «Своду пифагорейского учения» в 10 книгах. В отличие от двух других сохранившихся сочинений о Пифагоре — Диогена Лаэртского и Порфирия — книга Ямвлиха выходит за рамки жизнеописания. Это не просто биография Пифагора, а систематическое изложение пифагорейского образа жизни и учения, которое Пифагор проповедовал в своей школе. Сочинение «О Пифагоровой жизни» представляет интерес не только для истории пифагореизма, но также и для понимания неоплатонизма Ямвлиха, в системе которого

философия и религия были тесно связаны. Это сочинение выражает суть этической традиции греческой философии, где философия была не только ученой доктриной, но и содержанием целого образа жизни. Это тем более показательно, что сочинение было написано в условиях, когда другой тип мировоззрения, христианский, завоевывал позиции и вытеснял ценности классической античности.

Античные авторы, писавшие о Пифагоре, часто рассматривали его с точки зрения собственных художественных, философских и религиозных взглядов и были во многом зависимы от своих фрагментарных и зачастую непоследовательных источников. Ямвлих использовал работы многих предшественников, но информация, извлекаемая им из этих работ, характеризует его собственную художественную и философскую позицию.

Автором, к которому восходят все жизнеописания Пифагора, был ученик Аристотеля Аристоксен (2 пол. IV века до н.э.). Интерес Аристоксена не ограничивался личностью Пифагора: помимо «Жизни Пифагора» (или «О Пифагоре и его последователях») ему приписывали сочинения «Пифагорейские афоризмы» и «О пифагорейском образе жизни». Сохранившиеся отрывки этих сочинений позволяют сказать, что Пифагор предстает у Аристоксена как мудрец, далекий от сверхъестественных способностей. Аристоксен стал источником для последующих авторов, писавших о Пифагоре, и цитируется Порфирием, Диогеном Лаэртским и Ямвлихом.

Дикеарх, ученик Аристотеля, был автором жизнеописаний Платона и других философов и сочинения «О греческом образе жизни», которое представляло свод греческой культу-

ры до конца IV века до н.э. В этих сочинениях он критически отзывался о прежних воплощениях Пифагора и изобразил Пифагора как образец практической жизни.

Тимей из Тавромения (конец IV — начало III века до н.э.) в своей объемной «Истории» в 38 книгах, посвященной главным образом Сицилии, Италии и Ливии, уделил внимание Пифагору и его школе. К нему восходят сведения о том, что дочь Пифагора была первой в хороводе девушек и после замужества первой в хороводе женщин, а также о том, что жители Метапонта превратили дом Пифагора в храм. Однако эти разрозненные детали не дают достаточно информации, чтобы судить об оценке Тимеем Пифагора и его школы.

После Аристоксена, Дикеарха и Тимея в числе историков, писавших о Пифагоре, следует упомянуть Неанта, автора предположительно III века до н.э., родом из Кизика. Неант сообщил интересные сведения о происхождении и образовании Пифагора. Согласно Неанту, отец Пифагора был по происхождению тириец, а не самосец, и он отправил своего сына в Тир, где он учился у халдеев. Вероятно, Неант был первым историком, связавшим Пифагора с Финикией. Его рассказ о восстании Килона также отличается от других источников: согласно Неанту, Пифагор скончался со своими спутниками (кроме Лисия и Архиппа, которым удалось бежать), когда был подожжен дом, в котором происходило собрание пифагорейцев.

Андокид, автор сочинения «О пифагорейских символах», был главным источником для последующих сочинений о пифагорейских изречениях. Он жил предположительно в IV веке до н.э., его сочинение пользовалось известностью в I веке до н.э.

Александр Полигистор был главным источником Диогена Лаэртского в изложении пифагорейского учения. Сочинение Александра Полигистора «Записки» датируется предположительно II веком до н.э. Пифагор предстает в этом сочинении как своеобразный философ, излагавший свою философию посредством символов.

В I веке до н.э. возрождается интерес к пифагореизму, и в пифагорейской литературе этого времени важное место занимает сочинение Аполлония. Он считается одним из главных источников биографий Пифагора и цитируется Порфирием (гл. 2) и Ямвлихом (254). Не исключена возможность идентификации источника Порфирия и Ямвлиха с чудотворцем Аполлонием Тианским, ярким последователем пифагорейского учения, биография которого написана во II веке н.э. Флавием Филостратом. К Аполлонию предположительно восходят следующие сообщения: рассказ о жизни Пифагора от рождения до отъезда с Самоса (3–25 и 28), рассказы о некоторых событиях в Италии, в частности о встрече с рыбаками (36) и о том, как он проповедовал свое учение в Кротоне (37–57), рассказ об общении Пифагора с Абаридом и Фаларидом (215), рассказ о восстании против Пифагора и его сторонников (254–264).

Современник Аполлония Никомах из Геразы (ок. 50–150 гг. н.э.), как представляется, опирался в своем сочинении на Аристоксена. Никомаха упоминает Порфирий (гл. 20 и 59), а Ямвлих сообщает (254), что рассказы о Пифагоре Никомаха и Аристоксена совпадают.

Самые ранние сохранившиеся сочинения о Пифагоре принадлежат Диогену Лаэртскому, Порфирию и Ямвлиху. Все они датируются III веком н.э. и имеют в основе более ранние

источники. Описание пифагореизма у Диогена Лаэртского ближе к Порфирию, чем к Ямвлиху. Диоген Лаэртский располагает материал в определенном порядке: рождение, образование, включая путешествия, основание школы, нравы и привычки, иллюстрированные анекдотами, важные события в жизни, смерть, сочинения, учение. Диоген Лаэртский изначально различает два направления греческой философии: ионийскую, или восточную, школу, которая начинается с Анаксимандра, и италийскую, или западную, школу, которую он начинает с Пифагора. Последователями Пифагора оказываются у него Эмпедокл и Эпихарм.

«Жизнь Пифагора» Порфирия сходна по своему изложению с рассказом Диогена Лаэртского. Она представляла первую книгу его «Истории философии», написанной предположительно до того, как он стал учеником Плотина. «История философии» в четырех книгах представляла очерк греческой мысли от милетской школы до Платона. Порфирий использовал множество источников: в «Жизни Пифагора» он упоминает 31 автора. Как и Диоген Лаэртский, Порфирий часто подходит к своим источникам некритически и не пытается дать оценку содержащихся в них расхождений. Расположение материала у Порфирия также во многом напоминает сочинение Диогена Лаэртского. В русле традиции Платона и Плотина Порфирий представляет Пифагора как образец мудреца, и его сочинение можно отнести к жанру агиографии. Учитывая антихристианские взгляды Порфирия, жизнеописание Пифагора предстает как антитеза евангелиям, и, как и в евангелиях, «Жизнь Пифагора» у Порфирия заканчивается смертью Пифагора и возрождением его учения у его последователей. В этом отношении он отличается от Диогена

2 – 6132

Лаэртского, который не оставил указаний, позволяющих судить о его собственных философских взглядах.

О жизни Ямвлиха, автора жизнеописания Пифагора, мало достоверной информации. Единственным источником биографических сведений о нем является сочинение Евнапия из Сард «Жизнеописания философов и софистов». Евнапий сообщает, что Ямвлих родился в городе Халкида в Полой Сирии. Идентификация места рождения Ямвлиха спорна. Согласно одной версии, этот город находился к востоку от Антиохии на дороге из Алеппо в Апамею, согласно другому предположению, Халкида находилась в Ливане. Традиционная дата рождения Ямвлиха — около 265 года н.э., но существует предположение, что он родился не позже 240 года. Таким образом, он мог быть ненамного моложе Порфирия, родившегося в 232 году, который считается его учителем и философские взгляды которого он критиковал. Согласно Евнапию, Ямвлих происходил из известной семьи и принадлежал к состоятельной части общества. Это имя, семитского происхождения, восходило к семейству жрецов-правителей Эмесы и путем династических браков могло оказаться в Халкиде. Происхождение Ямвлиха оказало влияние на его философские взгляды. В философии он стремился связать платоновское учение с более древней мудростью, которую представляли халдеи, и внутри платоновского учения ему принадлежит разработка иерархии уровней бытия, которую сравнивали с иерархией богов и низших божеств, унаследованной впоследствии афинским платонизмом Прокла. У Ямвлиха платонизм сделал шаг в сторону религии. Ямвлих учился у Порфирия, но затем оставил его, вернулся в Сирию и основал собственную школу. Согласно Евнапию, в Апамее они имел

земельную собственность, и его окружала группа последователей. Ямвлих симпатизировал пифагорейскому учению, и его сочинение «О Пифагоровой жизни» могло в большей степени отражать нравы этого кружка. Сочинение Ямвлиха о пифагореизме в 10 книгах, озаглавленное «Свод пифагорейских учений», первой частью которого была книга «О Пифагоровой жизни», вероятно, представляло учебник этой школы. Известно, что помимо пифагорейцев в этом кружке изучали Аристотеля: прежде всего его сочинения по логике (Ямвлих написал комментарий к «Категориям», находящийся под сильным влиянием Порфирия), а также сочинение «О душе» и «Метафизику». Из Платона предпочтение отдавалось изучению «Тимея», включая комментарий к этому диалогу Прокла. Ямвлих продолжал руководить своим кружком в Апамее до своей смерти предположительно после 320 года. Сочинения Ямвлиха, помимо уже указанных, включают многочисленные комментарии к Платону и Аристотелю, трактат «О душе», фрагмент которого сохранен в «Антологии» Стобея, несохранившееся сочинение «О богах». От Ямвлиха сохранились пять книг «Свода пифагорейских учений», в том числе «Протрептик, или Побуждение к философии», основанный на утраченном сочинении Аристотеля, «Об общих принципах математики», «Об арифметике Никомаха», «Теологические принципы арифметики». Ямвлиху также приписывается сочинение «О мистериях». Под влиянием Ямвлиха находились Сириан и Прокл, представители афинского неоплатонизма. С него начинается схоластическая традиция неоплатонизма, которую унаследовали поздние византийские авторы, такие как Михаим Пселл, и которая через посредство переводов Марсилио Фичино перешла в западную философию.

Сочинение Ямвлиха «О Пифагоровой жизни» по замыслу шире, чем биография Пифагора, и этим отличается от аналогичных сочинений Порфирия и Диогена Лаэртского. В центре внимания Ямвлиха — пифагорейская община в целом, и поэтому Ямвлих часто отступает от хронологического порядка изложения.

Анализируя структуру сочинения «О Пифагоровой жизни», можно выделить следующие его части:

1. Вступление — гл. 1.
2. Рассказ о ранних годах Пифагора — гл. 2–5.
3. Начало его деятельности — гл. 6–8.
4. Несколько речей, содержащих изложение его учения, — гл. 8–11.
5. Центральная часть: очерк пифагорейской философии и пифагорейского образа жизни — гл. 12–27.
6. Описание пифагорейских добродетелей — гл. 28–33.
7. Заключение, включающее список известных пифагорейцев, — гл. 34–36.

Сочинение Ямвлиха включает многочисленные повторы: в части, содержащей описание пифагорейских добродетелей, он повторяет многие подробности, уже изложенные в биографическом очерке Пифагора. Предположение о небрежности автора, зависимого от своих источников, не выдерживает критики, и эта особенность его сочинения скорее объясняется его педагогическими и популяризаторскими целями. В новом контексте Ямвлих стремится подать уже известный материал с новой точки зрения. С этих позиций его сочинение можно рассматривать не как чисто литературное произведение, а скорее как методическую работу, связанную

с преподавательской деятельностью Ямвлиха в его школе. Его сочинение находится в русле генеральной линии греческой философии, общей для всех ее школ, согласно которой философия не является чисто ученой доктриной, но представляет квинтэссенцию целого образа жизни. И Пифагор был в числе тех, кто положил начало этой традиции.

И.Ю. Мельникова

Ямвлих

О ПИФАГОРОВОЙ ЖИЗНИ

ГЛАВА I

(1) Приступая к изучению любой философии, все здравомыслящие люди обычно обращаются к богу, приступая же к философии Пифагора, справедливо считающегося божественным, это тем более следует делать. Если люди получили ее изначально от богов, то ее невозможно постичь без божественной помощи. Более того, ее красота и величие превосходят человеческие способности, так что постичь ее сразу невозможно, и только постепенно продвигаясь при благоволении какого-либо бога можно воспринять что-либо из нее. (2) Поэтому, с помощью богов, поручив им себя и это сочинение, последуем за ними, куда бы они нас ни повели, не смущаясь тем, что эта школа давно находится в небрежении, сокрыта чуждыми учениями и тайными символами, затемнена подложными сочинениями и связана со многими другими трудностями такого рода.[1] Заручившись благоволением богов, мы сможем преодолеть еще и большие трудности. Возьмем в руководители вслед за богами родоначальника и отца божественной философии, сказав несколько предварительных слов о его роде и отечестве.

ГЛАВА II

(3) Рассказывают, что Анкей[2], житель города Самы на острове Кефалении[3], родился от Зевса. Распространилась ли эта молва из-за его добродетели или из-за величия его души, во всяком случае здравомыслием и славой он превосходил прочих кефаленийцев. Он получил оракул от Пифии вывести колонию из Кефалении, Аркадии и Фессалии, присоединить жителей Афин, Эпидавра и Халкиды и, возглавив их всех, заселить остров, называемый за полодородие почвы и благополучие этой страны Меламфиллом[4] (Черные листья), и назвать город Самосом в память Самы на Кефалении. (4) Оракул был таков:

Повелеваю, Анкей, чтобы Самос, остров морской, ты
Вместо Самы теперь заселил, его имя — Филлида.

Подтверждением тому, что колония была выведена из вышеназванных мест, служат не только обряды почитания богов и ритуал жертвоприношений (эти обряды происходят из тех мест, откуда пришла большая часть мужей), но и родственные связи и группировки, возникшие у самосцев. Предание гласит, что Мнемарх[5] и Пифаида, родители Пифагора, происходили из семьи и родственного союза, ведущего происхождение от Анкея, основателя колонии.[6] (5) Хотя граждане Самоса признавали такое происхождение Пифагора, некий самосский поэт утверждал, что Пифагор был сыном Аполлона, в таких словах:

Фебу, Зевесову сыну, рожден Пифагор Пифаидой,
Той, что в самосской земле всех затмевала красой.[7]

Как возобладало это предание, следует рассказать подробнее. Когда самосец Мнемарх был по торговым делам в Дельфах вместе с женой, беременность которой еще не была заметна, и спросил оракул относительно предстоящей поездки в Сирию, Пифия предсказала, что это плавание будет очень приятным и прибыльным и что его жена, которая уже беременна, родит ребенка, который будет выделяться среди всех когда-либо живших красотой и мудростью и своим образом жизни принесет огромную пользу человеческому роду. (6) Мнемарх решил, что раз он не спрашивал о ребенке, то бог не стал бы ничего пророчить о нем, если бы не собирался сделать его избранным и божественно одаренным, и тотчас дал своей жене имя Пифаида вместо имени Партенида, в честь сына и предсказательницы. (7) Когда же она в Сидоне финикийском родила, он назвал сына Пифагором, потому что Пифия предсказала ему его рождение.[8] Здесь следует отклонить мнение Эпименида, Эвдокса и Ксенократа, утверждавших, что Аполлон вступил в связь с Партенидой, сделал ее беременной и предсказал через Пифию рождение Пифагора.[9] Эта точка зрения не заслуживает одобрения. (8) Но никто не сомневается в том, что душа Пифагора была ниспослана людям по воле Аполлона как его спутница[10] или находясь в еще более близкой связи с этим богом, если принять во внимание обстоятельства его рождения и всеобъемлющую мудрость его жизни. Вот что можно сказать о рождении Пифагора.

(9) Возвратившись из Сирии на Самос с огромной прибылью и многим богатством, Мнемарх воздвиг святилище Аполлону, назвав святилище Пифийским, а сына учил разнообразным и достойным предметам, отдавая его в обучение то к Креофилу, то к Ферекиду с Сироса[11], то почти ко всем

сведущим в божественных делах, чтобы он, в меру своих сил, достаточно обучился и божественным предметам. Он рос красивейшим из всех известных в истории людей и подобным богу (10), после смерти отца он стал самым почтенным и благоразумным, и, будучи еще юным, он удостаивался всяческого почтения и уважения со стороны старших. При встрече и беседе он располагал к себе всех. Кто бы ни взглянул на него, он всем казался удивительным, так что многие естественно утвердились во мнении, что он — сын бога. Он же, ободряемый такой репутацией, начатым с младенчества воспитанием и богоподобной внешностью, все больше стремился проявлять себя достойным этих преимуществ и держал себя в дисциплине религиозными обрядами, учеными занятиями и особым образом жизни. Благодаря спокойствию души и сдержанности в поведении все, что он говорил и делал, было полно спокойствия и неподражаемой безмятежности. Не поддаваясь ни гневу, ни смеху, ни зависти, ни соперничеству, ни какому-либо другому волнению или торопливости, он жил на Самосе как добрый демон[12]. (11) Поэтому еще в бытность его эфебом великая слава о нем достигла мудрецов Фалеса в Милете и Бианта в Приене[13], распространилась по окрестным с ними городам, и многие, повсюду передавая рассказы о длинноволосом самосском юноше, ставшем притчей во языцех[14], обоготворяли и прославляли его. Когда стала утверждаться тирания Поликрата[15], Пифагор, которому тогда было около восемнадцати лет, предвидя, к чему она приведет и насколько она будет препятствовать его цели и стремлению к знаниям, которое он ставил превыше всего, ночью тайно от всех бежал. Вместе с Гермодамантом, прозвище которого было Креофилей, потому

что он, как говорили, был потомком Креофила, гостеприимца поэта Гомера (Пифагор стал, как представляется, другом и учителем Гермодаманта во всех вещах), он переправился к Ферекиду, физику Анаксимандру[16] и Фалесу в Милет. (12) Он пробыл у каждого из них некоторое время, и в результате общения все они его полюбили, удивлялись его одаренности и сделали соучастником своих бесед. И более того, Фалес радушно его принял и, удивившись его отличию от других юношей, которое оказалось больше и превосходило молву о нем, передал ему все знания, какие смог, и, ссылаясь на свою старость и слабость, побудил его плыть в Египет и самое главное — общаться в Мемфисе и Диосполе[17] со жрецами, ибо у них он сам получил то, за что большинство людей считало его мудрым. Фалес сказал, что он не получил ни от природы, ни в результате выучки стольких достоинств, сколькими обладает Пифагор, так что он предвещает ему только хорошее: если Пифагор сблизится со жрецами, он станет самым близким к богу и мудрейшим из людей.

ГЛАВА III

(13) Итак, он получил от Фалеса и другие советы, в том числе совет дорожить временем, и ради этого он стал воздерживаться от питья вина, употребления в пищу мяса и в особенности избегал переедания. Он ограничил себя легкой и хорошо усваиваемой пищей, обрел в результате этого малую потребность в сне, бодрость, душевное здоровье и устойчивое и прочное телесное здоровье и отплыл в Сидон, узнав, что этот город — его родина по рождению,[18] и справедливо полагая, что оттуда легче будет путь в Египет. (14) В Сидоне

он встретился с потомками натурфилософа и прорицателя Моха[19] и другими финикийскими жрецами и был посвящен во все мистерии, совершаемые главным образом в Библе и Тире и во многих местах Сирии[20], подвергая себя этому не из-за суеверия, как может показаться неосведомленному человеку, но в большей степени из страсти и стремления к умозрительному знанию и из опасения упустить что-либо достойное изучения в божественных таинствах и обрядах. Он узнал также, что сирийские мистерии в некотором роде происходили от священных обрядов Египта, и поэтому обрел надежду стать участником более благородных, более божественных и чистых мистерий в Египте. Восхищенный ими, как и говорил ему Фалес, Пифагор без промедления переправился туда с помощью каких-то египетских моряков, кстати причаливших к берегу близ финикийской горы Кармел[21], где он подолгу уединялся для религиозных целей. Они охотно взяли его, надеясь продать юношу в рабство за большую цену. (15) Но в пути, видя его сдержанность и достоинство, как это было обычно ему свойственно, они стали относиться к нему лучше и увидели в его совершенных манерах нечто большее человеческой природы. Они вспомнили, как, когда они причалили, он появился перед ними, сойдя с вершины горы Кармел (а они знали, что эта гора считается самой священной и недоступной для обычных людей), и он шествовал спокойно и безмятежно, и никакой обрыв и никакая скала не преграждали ему путь. Подойдя к кораблю, он спросил только: «Вы плывете в Египет?» Когда они ответили утвердительно, он взошел на корабль и молча сел там, где не мог мешать морякам, (16) и в продолжение всего плавания оставался в одной и той же позе две ночи и три дня, без пищи,

питья и сна (по крайней мере, никто не заметил, чтобы он, сидя в этом безмятежном бездействии, заснул хоть на короткое время), и при этом плавание было беспрепятственным и быстрым, корабль двигался, вопреки ожиданию, прямым курсом, словно на нем был некий бог. Сопоставив все эти обстоятельства и сделав выводы, они пришли к убеждению, что с ними из Сирии в Египет действительно плывет божественный демон, и проделали оставшуюся часть пути в величайшем благоговении, причем их слова и поступки как в отношении друг друга, так и в отношении Пифагора стали более почтительными, чем обычно, вплоть до исключительно благополучного окончания плавания и успешного прибытия судна на египетский берег. (17) Там при сходе на берег все с благоговением поддерживали его, поочередно помогали ему и усадили его на чистейший песок. Соорудив на скорую руку перед ним алтарь, моряки собрали все плоды, какие у них были, положили их перед ним как некое подношение и затем отплыли и направились по своему назначению. Он же, ослабев телом от такого длительного отсутствия пищи, не противился ни тогда, когда моряки сводили его с корабля, ни тогда, когда они, поддерживая, вели его под руки, и, когда они отплыли, не стал долго отказываться от разложенных перед ним плодов. Отведав их и подкрепив силы, он благополучно пришел в ближайшее поселение, оставаясь в том же расположении духа — спокойным и благоразумным.

ГЛАВА IV

(18) Оттуда он обошел все святилища с большим усердием и желанием все тщательно осмотреть, вызывая удивление

и симпатию у жрецов и прорицателей, с которыми он общался, и ревностно всему учился, не пропуская ни наставлений, рекомендуемых для обучения в это время, ни мужей, известных своим знанием, ни обрядов, где-либо и когда-либо почитаемых. Он не оставил без внимания ни одно место, где, по его мнению, он мог узнать что-нибудь новое. Поэтому он посетил всех жрецов и пообщался с ними с пользой соответственно мудрости каждого из них.[22] (19) Двадцать два года он провел в святынях Египта, изучая астрономию и геометрию и приняв посвящение во все мистерии, занимаясь этим глубоко и вдумчиво, пока, попав в плен к Камбису[23], не был уведен в Вавилон. Там он общался с магами[24], и их общение было взаимовыгодным, и, изучив детально их священные обряды, он узнал от них совершенное почитание богов и овладел в совершенстве наукой о числах, музыкой и другими предметами и, проведя таким образом еще двенадцать лет, вернулся на Самос в возрасте приблизительно пятидесяти шести лет.

ГЛАВА V

(20) Узнанный некоторыми людьми старшего поколения, он вызвал не меньшее, чем прежде, удивление, ибо он показался им еще более прекрасным, мудрым и еще более подобным богу. Когда отечество всенародно призвало его приносить пользу всем согражданам и поделиться своими знаниями, он не отказался и постарался представить свой способ обучения с помощью символов, подобный тому способу, которым обучали в Египте его самого, хотя самосцам была не по душе такая манера обучения и они не усвоили ее с

пониманием и так, как должно.[25] (21) Поскольку никто не пришел к нему и не проявил стремления к наукам, которые он всячески пытался насадить среди эллинов, и поскольку он не испытывал презрения или пренебрежения к Самосу — ведь это была его родина — и всей душой желал, чтобы соотечественники почувствовали вкус к его учению если не по доброй воле, то хотя бы хитростью, он придумал план: он стал наблюдать в гимнасии за одним юношей, который ловко и умело играл в мяч. Юноша был из числа тех, кто любит физические упражнения и тренировки, но, с другой стороны, был бедным и нуждающимся. Пифагор решил, что его легко удастся привлечь к учению, если предоставить ему в изобилии содержание и избавить от заботы о заработке. После того как юноша совершил омовение, Пифагор подозвал его и пообещал ему достаточное содержание и постоянную поддержку, если тот воспримет от него постепенно, без напряжения и не торопясь, чтобы сразу не перенапрячься, некоторые знания, приобретенные им у варваров еще в молодости, а теперь утрачиваемые из-за старости и забывчивости. (22) Когда юноша согласился в надежде на содержание, он попытался обучить его числам и геометрии, все рисуя на доске, и после объяснения каждой геометрической фигуры, то есть после каждого чертежа, он выплачивал юноше каждый раз вознаграждение по три обола. (23) Он продолжал делать это длительное время, ревностно и наилучшим методом вводя в науку усердного ученика, и давал ему три обола за изучение каждой геометрической фигуры. Когда же юноша, ведомый мудрым путем, уже начал ощущать и пользу, и удовольствие от этих занятий, мудрец, понимая происходящее и то, что ученик его теперь самовольно не уйдет и в любом

3 – 6132

случае не прекратит учение, стал притворно ссылаться на свою бедность и недостаток денег. (24) Когда же тот сказал: «Я могу и без этого учиться и усваивать уроки», Пифагор добавил: «Но я даже для себя самого не имею необходимых средств. Поскольку нужно сделать перерыв, чтобы обеспечить нас ежедневным пропитанием, то нехорошо отвлекаться на задачи за счетной доской и на бесполезные занятия». Юноша, не желая прерывать занятия, сказал: «Я тебе в будущем все это доставлю и отплачу заботой: за каждую геометрическую фигуру теперь я тебе буду платить по три обола». (25) И с той поры он так увлекся занятиями, что единственный из всех самосцев уехал с Пифагором. Он назывался тем же именем, но был сыном Эратокла. Ему приписывают сочинения по умащению и предписания атлетам того времени есть мясо вместо сушеных смокв. Эти предписания неверно относят к Пифагору, сыну Мнемарха.

Говорят, что в это время Пифагор побывал на Делосе у так называемого бескровного алтаря[26] Аполлона-Родителя и совершил там обряды, став предметом удивления. Оттуда он отправился ко всем оракулам. Он также побывал на Крите и в Спарте для изучения их законов[27]. Изучив их все, он вернулся домой и вновь обратился к прерванным исследованиям. (26) Сначала он оборудовал в городе помещение для бесед, называемое еще и поныне «Пифагоровым полукругом», в котором самосцы до сих пор обсуждают общественные дела, ибо они полагают, что о прекрасном, справедливом и полезном следует совещаться именно в этом месте, которое обустроил человек, проявивший себя в этих отношениях. (27) За городом Пифагор устроил себе жилище для философствования в пещере и проводил в нем большую часть дня и ночи.

Он исследовал то, что было полезным в науках, будучи одного мнения в этом с Миносом, сыном Зевса. И он значительно превосходил тех, кто позже занимался его учением: они гордились незначительными исследованиями, Пифагор же постиг целиком все небесные явления и усвоил это посредством совокупности арифметических и геометрических доказательств.

ГЛАВА VI

(28) Однако деяния, совершенные Пифагором впоследствии, вызывают еще большее удивление. Его философия распространилась, вся Эллада стала восхищаться им, и лучшие и мудрейшие мужи приезжали к нему на Самос, желая слушать его учение. Сограждане, однако, принуждали его участвовать во всех посольствах и общественных делах. Пифагор чувствовал, как тяжело, подчиняясь законам отечества, одновременно заниматься философией, и видел, что все прежние философы прожили жизнь на чужбине. Обдумав все это, отойдя от общественных дел и, как говорят некоторые, считая недостаточной невысокую оценку самосцами его учения, он уехал в Италию, считая своим отечеством страну, где больше способных к обучению людей. (29) Поначалу он поселился в прославленном городе Кротоне, где нашел много последователей. (Рассказывают, что их было шестьсот человек, их привлекала не только философия, которую он излагал, но и предписываемый им совместный образ жизни, (30) они были философами, а прочие слушателями — их называют акусматиками[28].) На одной только самой первой беседе, которую, как говорят, он провел перед широкой аудиторией сразу после

приезда в Италию, он настолько увлек своим учением более двух тысяч человек, что они уже не ушли домой, но вместе с женами и детьми построили огромный дом для совместного слушания и организовали общину в той земле, которую все называют Великой Грецией[29]. Приняв от Пифагора законы и предписания, словно божественные установления, они неукоснительно им следовали и сохраняли этот образ мыслей вместе с множеством учеников. Все сообщество, прославляемое и считавшееся в глазах окружающих счастливым, имело, как уже было сказано, общую собственность и причисляло Пифагора к богам как благого и человеколюбивого демона. Одни считали его Пифийцем, другие — Аполлоном из страны гиперборейцев[30], третьи — Пеаном[31], четвертые — одним из демонов, населяющих Луну[32], пятые — одним из Олимпийских богов, говоря, что он явился людям в человеческом облике для пользы и исправления смертного рода, чтобы одарить смертную природу спасительной искрой счастья и философии. Никогда не было и не будет большего блага, чем то, которое было даровано богами через Пифагора. Поэтому до сих пор в поговорке с большим уважением говорится о длинноволосом самосце[33]. (31) И Аристотель в своем сочинении о пифагорейской философии[34] сообщает, что в глубокой тайне его ученики соблюдали такое разделение разумных живых существ — бог, человек и такое существо, как Пифагор. И совершенно понятно, что они его воспринимали именно так, ибо он предложил верное, соответствующее существу и не противоречащее ни явлениям, ни умственным понятиям представление о богах, демонах и героях[35], о космосе и всевозможных видах движения небесных сфер и светил, о заграждениях одних небесных тел другими, о затмениях, об

отклонениях от правильного движения, об эксцентриситетах и эпициклах[36], обо всем в космосе, о небе и земле и о находящихся между ними видимых и невидимых творениях. Он положил у эллинов начало математике, философскому умозрению и наукам, которые делают душу истинно зрячей и исцеляют ум от слепоты, являющейся следствием других занятий[37]. И он дал эллинам возможность понять истинные начала и причины всего. (32) Наилучшее гражданское устройство общины, совместное проживание, принцип «у друзей все общее», служение богам и почитание умерших, законодательство и воспитание, обет молчания и непричинение вреда другим живым существам, сдержанность и благоразумие, проницательность, религиозность и другие добродетели, — одним словом, все это благодаря Пифагору стало желанным и достойным стремления для жаждущих учения. Поэтому справедливо за все то, о чем я сейчас говорил, они почитали Пифагора столь высоко.

ГЛАВА VII

(33) Теперь следует рассказать о том, как он приехал, у кого он сначала остановился, что за речи были им произнесены, на какие темы и к кому он с ними обращался. Так нам проще будет понять содержание его занятий и его образ жизни. Итак, говорят, что по прибытии в Италию он увидел, какие города подчиняются другим городам, в течение многих лет или недавно. Он привил им свободомыслие через своих учеников, уроженцев этих городов, избавил от зависимости и сделал свободными. Это Кротон, Сибарис, Катана, Регий, Гимера, Акрагант, Тавромений[38] и некоторые другие.

Он дал им законы через Харонда из Катаны и Залевка-локрийца[39], благодаря чему эти города надолго обрели прекраснейшее законодательство и стали предметом зависти для соседей. (34) Как рассказывают, он совершенно устранил смуту, разногласия и даже просто различие мнений не только среди своих учеников и их потомков на много поколений, но и вообще во всех городах Италии и Сицилии, как внутри них самих, так и в их отношениях друг с другом. Он часто произносил повсюду одно изречение, обращался ли он ко многим или к немногим слушателям, подобное наставляющему оракулу бога, своего рода квинтэссенцию его мыслей: «Любым способом следует избегать и отсекать огнем, железом и всеми другими средствами от тела болезнь, от души — невежество, от желудка — излишество, от города — смуту, от дома — раздор, от всего в целом — неумеренность». Этим изречением он напоминал всем о самом ценном в своем учении. (35) Таковы были в то время общие черты его жизни в словах и в поступках.

ГЛАВА VIII

Если же мы беремся излагать детально, что делал и говорил Пифагор, то следует сказать, что прибыл он в Италию в шестьдесят вторую Олимпиаду, когда победителем в беге был Эриксий из Халкиды[40]. Пифагор сразу стал вызывать восхищение и привлекать к себе людей как и раньше, когда плавал на Делос, где он, помолившись у одного только алтаря Аполлона-Родителя — единственного, на который приносили бескровные жертвы, — вызвал удивление у жителей острова. (36) В это время, направляясь из Сибариды в Кротон, он остано-

вился на берегу около рыбаков и, пока они тянули из глубины тяжелую сеть, сказал им, какой будет улов, и назвал число рыб. Когда рыбаки решили делать то, что он им скажет, если так и окажется, он приказал пересчитать рыб и отпустить живыми. И еще более удивительно то, что, пока он был рядом, ни одна рыба, находясь вне воды, пока велся подсчет, не задохнулась. Заплатив за рыбу рыбакам, он отправился в Кротон. Рыбаки повсюду рассказали о происшествии и, узнав его имя от слуг, поведали всем. Услышавшие пожелали видеть чужеземца, который с готовностью явился. Его внешность поражала каждого и позволяла понять, что это за человек.

Через несколько дней он пришел в гимнасий. (37) Когда юноши обступили его, рассказывают, что он обратился к ним с речью, в которой призывал их почитать старших, показывая, что в мире и в жизни, в городах и в природе вызывает большее почтение то, что предшествует по времени: восход почитают больше, чем закат, утро — больше, чем вечер, начало — больше, чем конец, рождение — больше, чем смерть, и точно так же исконные жители предпочтительнее пришельцев, и то же касается основателей поселений и вождей колоний. В целом боги почитаются больше демонов, демоны — больше героев, герои — больше людей, а среди людей больше почитают прародителей, чем потомков. (38) Так говорил он для того, чтобы убедить юношей почитать родителей больше, чем самих себя. Как он сказал, они обязаны им так же, как был бы обязан умерший тому, кто смог бы опять вернуть его на свет. Далее, справедливо было бы любить и ничем не огорчать предков и тех, кто сделал нам множество добрых дел. Родители предшествуют рождению своего потомства

добрыми делами, и предки являются причиной всех хороших дел своих потомков, и нельзя грешить против богов, признавая, что потомки в благих делах не обязаны никому. И поэтому справедливо, что боги прощают тех, кто ничуть не меньше, чем богов, чтит отцов, ибо почитанию богов мы научились от отцов. (39) Поэтому и Гомер величает этим именем царя богов, называя его «отцом богов и смертных», и многие сочинители мифов говорят, что верховные боги честолюбиво стремились к тому, чтобы любовь, которую дети делят между двумя родителями, они переносили на одного родителя, и поэтому брали на себя функции и отца, и матери и родили Зевс — Афину, Гера — Гефеста, каждый обладая природой противоположного пола, чтобы рассчитывать на большую любовь своего отпрыска. (40) Когда все присутствующие согласились, что приговор бессмертных самый твердый, Пифагор на примере Геракла, который был покровителем колонии[41], объяснил кротонцам, почему нужно с готовностью подчиняться родительской воле, ибо у них было предание, что он, сам будучи богом, подчинялся старшему богу, претерпел труды и учредил в память о своих деяниях игры, назвав их в честь отца Олимпийскими. Пифагор показал также, что в общении друг с другом нужно вести себя так, чтобы никогда не становиться врагами друзей и как можно скорее становиться друзьями врагов. Они должны стараться проявлять доброжелательство в отношении отцов, в качестве благопристойности в отношении старших, и участие в отношении братьев, в качестве человеколюбия по отношению к остальным.

(41) Затем он говорил о благоразумии, отметив, что молодой возраст испытывает природу юно́шей, ибо именно в

это время их страсти достигают высшей степени. Вслед за этим он предложил им рассмотреть ту добродетель, к которой следует стремиться и юноше, и девушке, и женщине, и всем людям старшего возраста, но особенно молодым. Кроме того, он заявил, что только эта добродетель включает и телесные, и душевные качества, ибо она сохраняет здоровое стремление к лучшему образу жизни. (42) Это ясно и из противоположного примера: как с варварами, так и с эллинами, воевавшими друг с другом под Троей, величайшие несчастья приключились из-за несдержанности одного человека, с одними — во время войны, с другими — во время возвращения домой. И лишь за одну эту обиду бог назначил возмездие на десять и на тысячу лет и предрек и взятие Трои, и отправление локрийцами девушек в храм Афины Илионской[42]. Пифагор также напутствовал юношей в отношении образования, показав, что глупо признавать главным разум и с этим мнением принимать решения о прочих предметах, а на его развитие не тратить ни времени, ни усилий. Так, забота о теле подобна худшим друзьям и быстро нас оставляет, в то время как образование, подобно прекрасным и благородным людям, остается нам верным до нашей смерти, а некоторых одаривает бессмертной славой после смерти. (43) И он привел другие примеры: одни — из истории, другие — из философских учений, показав, что образование есть общий плод одаренности тех людей, которые первенствовали в каждом отдельном поколении, ибо их открытия стали образованием для других. Ценность этого такова: одни похвальные качества, например силу, красоту, здоровье, храбрость, невозможно разделить с другим человеком, другие же, такие как богатство, власть и многое другое, чего мы не перечисляем,

расточающий утрачивает сам, но образование можно и разделить с другим человеком, и, дав его другому, самому не утратить его. (44) Точно так же не во власти человека приобрести определенные вещи, но можно получить образование по собственному выбору, чтобы, приступая к государственным делам, проявлять не бесстыдство, но образованность. Вообще именно образованием отличаются люди от животных, эллины — от варваров, свободнорожденные — от рабов, философы — от простых людей. Вообще мера этого превосходства такова, что самых быстрых бегунов на Олимпийских играх оказалось семь из одного города, и людей, выдающихся мудростью, насчитывается на всей населенной части земли тоже семь[43]. В последнее же время, когда жил он сам, только один человек превзошел всех в философии, и он называл себя именем «философ» вместо имени «мудрец»[44]. Вот что он сказал в гимнасии юношам.[45]

ГЛАВА IX

(45) Когда юноши рассказали своим отцам о том, что он говорил, совет тысячи пригласил Пифагора на заседание. Сначала они похвалили его за то, что он сказал их сыновьям, и попросили его, если он хотел сказать что-нибудь полезное для кротонцев, сделать это перед высшими должностными лицами города. Он сначала посоветовал им воздвигнуть храм Музам, дабы они охраняли царящее гражданское согласие, ведь эти богини одинаково называются музами, предание всегда говорит о них вместе, и они особенно радуются общим для всех них почестям. Вообще хоровод Муз всегда один и тот же, охватывающий звук, гармонию, ритм — все,

что ведет к согласию. Он показал, что власть Муз распространяется не только на прекраснейшие учения, но также и на созвучие и гармонию существующих вещей. (46) Затем он сказал должностным лицам, что им следует понять, что они владеют своим отечеством как общим достоянием, вверенным им большинством граждан, поэтому управлять им следует так, как будто они собираются передать обязательства потомкам. Так несомненно и будет, если они будут справедливы со всеми гражданами и никому не дадут больше, чем по справедливости. Ведь люди, понимая, что всякое место в мире нуждается в справедливости, создали миф о том, что одно и то же место занимает при Зевсе — Фемида, при Плутоне — Дике[46], а в городах — закон, чтобы тот, кто поступает несправедливо по отношению к установлениям, оказывался тем самым нарушителем всего миропорядка. (47) Члены совета не должны злоупотреблять именами богов в клятве, но следует употреблять такие слова, которые и без клятвы вызывают доверие[47]. Домашнее хозяйство им следует вести так, чтобы можно было ссылаться на это в их политике. К своим детям им следует относиться благожелательно, ибо это единственное общее качество всех живых существ. И с женой, разделяющей с мужем жизнь, следует общаться исходя из того соображения, что как договоры с другими людьми бывают записаны или высечены на камне, так договоры с женщинами состоят в детях. Следует стараться, чтобы дети любили нас не из-за родства, за которое они не ответственны, а по собственной воле, ведь это благодеяние добровольно. (48) Они должны заботиться также и вот о чем: чтобы жить лишь с законными женами и чтобы женщины не имели внебрачного потомства из-за пренебрежения и порочности своих

мужей. А также им следует считать, что жена как просительница перед богами взята с симпатией от очага и введена в новый дом[48]. Дисциплиной и благоразумием они должны стать примером для домочадцев и сограждан и должны заботиться о том, чтобы никто ни в чем не погрешил, так, чтобы не злоумышленники скрывались из страха перед наказанием, но чтобы люди, руководствуясь совестью в достойном образе жизни, сами стремились к справедливости. (49) Он также советовал им оставить нерадивость в делах, ибо нет ничего лучше, чем мера в каждом деле. Самой большой несправедливостью он считал разлучать детей и родителей друг с другом. Самым могущественным он считал того, кто сам может предвидеть, что ему полезно, вторым — того, кто на примере случившегося с другим понял, что полезно ему самому, а самым плохим — того, кто на собственном опыте испытав неудачи, выбирает правильное решение. Он сказал, что не ошибется, если уподобит желающих снискать почести победителям в беге, ведь они не делают зла соперникам, но стремятся добиться победы сами по себе. Участвующим в политической жизни не следует выражать недовольство противниками, но, выслушивая, извлекать пользу. Он призвал всех, кто дорожит добрым именем, быть такими, какими они хотят казаться в глазах других, ведь для городского совета нет ничего столь священного, как похвальная речь, потому что совет нужен только людям, а похвала больше нужна богам. (50) Потом он рассказал всем, что, по преданию, их город основал Геракл, когда гнал стадо быков через Италию и ему нанес обиду Лакиний. Геракл, приняв ночью по ошибке Кротона, помогавшего ему, за одного из врагов, убил его. После этого на его могиле он обещал основать город и назвать его

тем же именем, а сам Геракл причастен бессмертию. Пифагор сказал, что они должны вести дела справедливо, воздавая Гераклу благодарностью за благодеяние. Они же, выслушав его, основали храм Муз и отпустили наложниц, держать которых было у них в обычае, а также попросили Пифагора побеседовать отдельно с мальчиками в храме Аполлона, а с женщинами — в храме Геры.

ГЛАВА X

(51) Он же, выполнив их просьбу, как говорят, внушил мальчикам ссор не начинать и не защищаться от тех, кто хочет начать их, и советовал им заботиться о воспитании, давшем название их возрасту[49]. Еще он наставил их в том, что мальчику, который ведет себя так, как следует, легко вести себя достойно на протяжении всей остальной жизни, тому же мальчику, который в этом возрасте ведет себя плохо, потом будет тяжело, если вообще возможно хорошо прийти к концу при плохом старте. Кроме того, он сказал, что дети более всего любезны богам и поэтому, как он сказал, в засуху города посылают просить богов о дожде именно их, так как божество лучше всего внимает им, которые одни, сохраняя совершенную чистоту, имеют право проводить время в храмах. (52) По этой же причине и наиболее человеколюбивых богов, Аполлона и Эрота, все художники и скульпторы изображают в облике детей. Он прибавил, что даже некоторые состязания за победные венки установили в честь детей: Пифийские — после того, как Пифон был побежден ребенком[50], и в честь детей были учреждены также Немейские и Истмийские игры после смерти Архемора и Меликерта[51].

Кроме того, при основании города Кротона Аполлон обещал, что предводитель поселенцев не останется бездетным, если выведет колонию в Италию. (53) Заключая из этого, что рождение им дал промысел Аполлона, а об их взрослении пекутся все боги, они достойны любви богов и должны привыкнуть слушать, чтобы научиться говорить. Еще же они должны устремиться сразу на ту дорогу, по которой они собираются идти до старости, следуя за предшественниками, и не перечить старшим, ибо тогда они не будут встречать неповиновение со стороны младших. Из-за этих увещаний Пифагора было единодушно решено не называть его по имени, и все стали звать его «божественный».

ГЛАВА XI

(54) Женщинам он, как говорят, рассказал сначала о жертвоприношениях, и поскольку они хотят, чтобы тот, кто молит за них богов, был прекрасным и благонравным человеком[52] (ведь боги обращают внимание именно на таких), то и сами они, со своей стороны, должны выше всего ставить благонравие, чтобы боги были расположены выслушать их мольбы. Затем, то, что они собираются принести в дар богам, им следует делать самим, своими руками, и приносить на алтарь без помощи рабов, а именно: лепешки, жертвенный пирог, соты, ладан. Не следует чтить божество смертью и убийством и за один раз не следует приносить в жертву столько, будто они уже никогда не придут к алтарю. Он призвал их задуматься об их отношении к мужьям, потому что даже отцам случалось, уступая их женской природе, позволять им больше любить мужей, чем своих родителей. Поэтому хорошо не про-

тивиться мужьям и, уступая, считать себя победившей. (55) А еще в этом собрании Пифагор высказал мысль, ставшую широко известной: «После законного мужа не будет богопротивным посещение храма в тот же день, а после сожителя этого никогда не следует делать». Пифагор советовал женщинам всю жизнь не говорить дурного и следить за тем, чтобы другие не говорили дурного в отношении их самих, а также не разрушать доставшуюся от предков славу и не подрывать доверие к авторам мифов, которые признавали справедливость женщин, отдававших без свидетелей наряды и украшения всякий раз, когда это было нужно, и их верность не породила тяжб и возражений, и отсюда сочинили миф о трех женщинах, которые, пользуясь одним общим глазом, с легкостью уступали его друг другу[53]. Но если бы такой миф сочинили о мужчинах, будто бы один с легкостью отдал приобретенное и поделился личным имуществом, никто бы не поверил, так как это не соответствует мужской природе. (56) Кроме того, тот, кто считается мудрейшим, кто упорядочил речь людей и дал имена вещам, будь то бог, или демон, или богоподобный человек, понимая, что к благочестию более всего склонна женская природа, дал каждому возрасту их жизни имя какого-либо божества и назвал незамужнюю женщину Корой, невесту — нимфой, родившую детей — матерью, а ту, у детей которой есть свои дети, на дорийском говоре — «майей».[54] С этим согласуется и то, что оракулы в Додоне[55] и Дельфах провозглашаются через женщин. Передают, что похвалой благочестию Пифагор произвел такую перемену в сторону простоты в одежде, что ни одна из них уже не осмеливалась надевать роскошные одеяния, и все сложили огромное количество одежды в храме Геры. (57) Говорят, что он рассказал

им вот что: в округе Кротона верность мужчины женщине прославилась, когда Одиссей не принял бессмертия от Калипсо на том условии, что он оставит Пенелопу[56], поэтому, возможно, и женщинам остается являть перед мужьями благонравие, чтобы установить равенство. Вообще сообщают, что за эти беседы Пифагор удостоился безмерного почитания и внимания людей в Кротоне и благодаря Кротону — в Италии.

ГЛАВА XII

(58) Говорят, что Пифагор первый стал называть себя философом, не только придумав новое слово, но и прекрасно обучая тому, что оно обозначает. Он говорил, что приход людей в жизнь подобен толпе на празднике: там суетятся разные люди, пришедшие каждый со своей целью (один стремится продать товар подороже, другой — показать телесную силу и добиться славы; но есть и третий, причем самый свободный, род людей, которые собираются ради зрелищ, прекрасных предметов, замечательных слов и деяний, которые обычно показывают на праздниках). Так и в жизни всевозможные люди собираются в одном месте, движимые различными интересами: одних обуревает жажда денег и роскоши, других привлекает власть, лидерство, соперничество и честолюбие. Но самый чистый образ жизни у того, кто занимается созерцанием прекрасного, и такой образ жизни называется философским. (59) Прекрасно зрелище всего небосвода и движущихся по нему звезд, если в этом движении виден порядок. Конечно, это возможно посредством причастности первичному и умопостигаемому. А первичным является при-

рода чисел и пропорций[57], пронизывающая все, в соответствии с которой все гармонично соединено и подобающим образом украшено. И мудрость поистине есть знание прекрасного, первичного, божественного и чистого, всегда неизменного и действующего так, что все прочее, причастное ему, также может быть названо прекрасным. Философия же есть ревностное стремление к такому созерцанию. Итак, прекрасна была эта его забота о воспитании, имеющая целью исправление людей.

ГЛАВА XIII

(60) Если верить многим древним и замечательным рассказам о нем, Пифагор обладал способностью успокаивать и убеждать словами, распространявшейся даже на животных. Он учил, что обладающие разумом могут воздействовать на все обучением, даже когда они имеют дело с дикими, лишенными разума существами. Ведь говорят, что, поймав давнийскую медведицу[58], причинявшую огромный вред жителям, он долго гладил ее и, покормив хлебом и орехами, отпустил, взяв с нее обещание никогда больше не касаться живых существ. Она тотчас ушла в горы и леса, и с той поры никогда не видели, чтобы она вообще на кого-нибудь нападала, даже на животных. (61) Увидев в Таренте на лугу быка, жевавшего зеленые бобы, Пифагор, подойдя к пастуху, посоветовал ему сказать быку, чтобы он не ел бобов[59]. Когда пастух посмеялся над его предложением поговорить с быком и сказал, что не умеет говорить по-бычьи, а если умеет он, то не нужно обращаться к пастуху, а лучше поговорить прямо с быком, Пифагор, подойдя к быку, что-то шептал ему

4 – 6132

долгое время на ухо, и бык не только сразу отказался от бобов, но и потом, как говорят, не ел бобов и жил очень долго, состарившись в Таренте при храме Геры, где все называли его священным быком Пифагора, и питался человеческой пищей, которую подавали ему посетители храма. (62) Пифагор, как говорят, заставил спуститься к нему пролетавшего над ним орла, когда он беседовал с учениками на Олимпийских играх о гадании по полету птиц, о символах и небесных знамениях, говоря, что все это — послания от богов и видения орлов — предназначено для тех людей, которые наиболее любезны богам. Погладив орла, он отпустил его. Посредством этих и подобных случаев он показал, что обладает способностью Орфея повелевать дикими зверями, одновременно и очаровывая, и укрощая их силой своей речи.

ГЛАВА XIV

(63) За лучшую основу заботы о людях, которой должны овладеть те, кто собирается узнать истину также и о прочих предметах, он положил следующее. Он очень живо и ясно помнил многих людей, встречавшихся с ним в прежней жизни, которую прожила когда-то давно его душа перед тем, как была заключена в это тело, и он приводил доказательства того, что был Эвфорбом, сыном Панфоя, победителем Патрокла. Он особенно любил петь следующие стихи Гомера, мелодично аккомпанируя себе на лире, и часто повторял их, и эти стихи были его эпитафией:

Кровью власы оросилися, сродные девам Харитам,
Кудри, держимые пышно златой и серебряной связью.

Словно как маслина древо, которое муж возлелеял
В уединении, где искипает ручей многоводный,
Пышно кругом разрастается; зыблют ее, прохлаждая,
Все тиховейные ветры, покрытую цветом сребристым;
Но внезапная буря, нашедшая с вихрем могучим,
С корнем из ямины рвет и по черной земле простирает,
Сына такого Панфоева, гордого сердцем Эвфорба
Царь Менелай низложил и его обнажал от оружий.[60]

Рассказ о щите этого фригийца Эвфорба, который был пожертвован в храм Аргивской Геры в Микенах в числе троянской добычи, мы опускаем, так как он слишком хорошо известен. Но мы хотим показать всеми этими расказами, что он знал свои прежние жизни и на этом построил заботу о других людях, напоминая им о тех жизнях, которые они прожили прежде.

ГЛАВА XV

(64) Он считал, что воздействие на людей сначала осуществляется посредством чувств: если кто-либо видит прекрасные образы и формы или слушает прекрасные ритмы и песни, то такой человек начинает музыкальное образование с мелодий и ритмов, от которых излечиваются человеческие нравы и страсти и устанавливается первоначальная гармония душевных сил. Он также придумал средства сдерживать и исцелять болезни души и тела[61]. И, клянусь Зевсом, еще более достойно упоминания то, что он для своих учеников упорядочил и привел в систему так называемые настройки и аранжировки, с божественным искусством придумав сочетания

диатонических, хроматических и энгармонических созвучий[62]. С их помощью он легко изменял и приводил в противоположное состояние страсти души, если они только что беспорядочно возникли и усилились (печаль, гнев, жалость, глупую зависть, страх, различные влечения, приступы ярости, желания, чувство превосходства, приступы лени, горячность). Он направлял каждую из этих страстей к добродетели с помощью соответствующих мелодий, словно с помощью правильно подобранных лекарств. (65) Когда его ученики вечером засыпали, он освобождал их от дневных волнений и впечатлений, очищал смятенный ум, и они спали спокойно и хорошо, их сны становились вещими. Когда они просыпались, он освобождал их от сонного оцепенения, расслабленности и вялости особыми напевами и простыми мелодиями, исполняемыми на лире, либо сопровождая игру на лире пением. Но для самого себя он не предназначал и не устраивал такой процедуры с помощью инструментов или голоса, но, используя некую невыразимую и трудно постижимую божественную способность, напрягал слух и вперял ум в высшие созвучия космоса. Он один, по его словам, слышал и понимал всеобщую гармонию и созвучие сфер и движущихся по ним светил[63], которые издают пение более насыщенное и полнозвучное, чем любые смертные, происходящее от движения и обращения светил, мелодичного и прекрасного в своем разнообразии, и это движение слагается из их неодинаковых и разнообразных шумов, скоростей, величин и констелляций, которые расставлены в некой исключительно музыкальной пропорции. (66) Вдохновляясь этим движением, утвердившись в своих принципах и, если так можно выразиться, укрепив свое тело, он задумал открыть ученикам, на-

сколько возможно, подобия этих звуков, воспроизводя их инструментами или одним пением. Он думал, что ему одному на земле понятны и слышны космические звуки, и от этого природного источника и корня он считал себя способным учиться и учить других и уподобиться небесным существам соответственно стремлению и способности подражания, поскольку он один был так счастливо наделен породившим его божественным началом. Он верил, что другим людям достаточно смотреть на него и от этого получать пользу и исправляться от его дара посредством образом и знаков, если они не способны правильно воспринимать первичные и чистые первообразы.[64] (67) Он придумал все это точно так же, как мы для тех, кто не может прямо смотреть на солнце из-за слишком яркого света его лучей, придумываем показывать затмение солнца через толщу воды или через расплавленную смолу или с помощью темного зеркала, щадя слабость зрения этих людей и изобретая возможность равносильного восприятия для тех, кто должен довольствоваться им, даже если оно и не достоверно. Эмпедокл, как представляется, намекает на Пифагора, на его исключительные способности, данные от бога и превышающие обычные человеческие, когда говорит:

Жил среди них некий муж, умудренный безмерным познаньем,
Подлинно мыслей высоких владевший сокровищем ценным,
В разных искусствах премудрых свой ум глубоко изощривший,
Ибо как скоро всю силу ума напрягал он к познанью,
То без труда созерцал любое, что есть и что было,
За десять или за двадцать провидя людских поколений.[65]

Слова «безмерное познание», «созерцал любое, что есть и что было», «сокровище мыслей высоких» и тому подобные выразительно указывают на исключительную остроту зрения, слуха и ума Пифагора, превосходящую способности других людей.

ГЛАВА XVI

(68) Итак, вот какое воспитание душ он осуществлял посредством музыки[66]. Другое очищение разума и одновременно всей души он осуществлял всевозможными средствами следующим образом. Он считал, что усилия, направленные на познание и ученые занятия, следует рассматривать как благородные, а в отношении свойственной всем от природы невоздержанности и жадности он определял и испытания, и разнообразные способы сдерживания и подавления их, действующие огнем и железом, которые дурной человек не способен ни выдержать, ни стерпеть. Кроме того, он проповедовал среди учеников воздержание от любого мяса живых существ, а также от некоторых видов пищи, препятствующих бодрости и чистоте ума. Он требовал сдержанности и полного молчания, которые в течение многих лет помогали ему мастерски владеть речью, и напряженного и неустанного исследования и повторения сложнейших положений. (69) Поэтому он призывал к отказу от вина, к умеренности в пище и сне, к неподдельному презрению и отвращению к славе, богатству и подобным вещам, к непритворному уважению старших, а в отношениях со сверстниками — к искренней близости и благожелательности, к внимательному участию и поддержке младших без чувства зависти и к согласию всех со всеми: богов с

людьми — через благочестие и умелое им служение, основоположений — друг с другом, и вообще души с телом и разумной ее части с неразумными[67] — через философию и согласное с ней умозрение, людей — друг с другом: сограждан — через разумное соблюдение законов, иноплеменников — через соблюдение естественного права, мужа с женой или братьев с домочадцами — через неиспорченный дух единения, — одним словом, к дружескому согласию всех со всеми и, более того, с неразумными животными — через справедливость, природную взаимосвязь и обходительность, и к согласию смертного тела с самим собой путем умиротворения и примирения скрытых в нем противоборствующих сил — через здоровье и способствующие здоровью образ жизни и благоразумие в подражание согласию космических элементов[68]. (70) Все это вместе, взятое как единое целое, называется одним словом «дружба», и, по общему признанию, первым, кто придумал это и ввел в употребление, был Пифагор. И исключительно благодаря ему окружающие его ученики во сне и наяву имели полезное общение с богами, чего не может происходить с душой, замутненной гневом или искаженной печалью, наслаждением или какой-нибудь другой постыдной страстью или такой тяжелейшей, клянусь Зевсом, и самой нечестивой из всех этих страстей — невежеством! От всех этих страстей он с величайшим искусством излечивал и очищал душу, воспламенял и поддерживал в ней божественное начало и переводил божественный взгляд души на умопостигаемые предметы, ибо, согласно Платону[69], это орудие ее спасения лучше, чем десятки тысяч телесных очей. Ибо только этому пристальному взгляду, которому придает силы ясность его членения, открывается истина относительно всего существующего.

Учитывая это, он производил очищение ума, и таковы были у него принципы воспитания, и именно на это он обращал внимание.

ГЛАВА XVII

(71) Вот как он подготовился к воспитанию учеников. И когда молодые люди приходили к нему и выражали желание учиться у него, он соглашался не сразу, но лишь после того, как устраивал им проверку и испытание и прежде всего спрашивал, как они себя ведут с родителями и остальными родственниками. Затем он смотрел, смеются ли они не вовремя, или молчат, или слишком много разговаривают. Он также рассматривал некоторые их стремления, знакомых, с которыми они общались, и их отношения с этими знакомыми, и чем они большей частью занимались днем, и почему им случалось радоваться или огорчаться. Кроме того, он наблюдал их внешний вид, и походку, и все телодвижения в целом. Изучая черты, которые были выражением их характера, он принимал внешние проявления за признаки скрытого в душе нрава. (72) Того, кого он так экзаменовал, он держал в ожидании еще три года, проверяя, много ли в нем твердости и истинной любви к учению и достаточно ли он пренебрегает общественным мнением, чтобы презирать почести. После этого он предписывал пришедшим к нему пятилетнее молчание, испытывая их способность к самоконтролю, так как владение речью — наиболее трудный вид самоконтроля, как открыто нам теми, кто учредил мистерии. В это время то, что было у каждого, то есть имущество, переходило в общую собственность и передавалось специально

назначенным для этого ученикам, называвшимся «политиками», которые имели опыт в ведении хозяйства и были законодателями[70]. Если их признавали достойными стать причастными к учению на основании испытания их образа жизни и других нравственных качеств и после пятилетнего молчания, то они, наконец, становились эсотериками и, допущенные за занавес, слушали Пифагора, находясь рядом с ним, и смотрели на него.[71] До этого долгое время, пока их нравы были предметом испытания, они вникали в его учение, просто слушая Пифагора по другую сторону занавеса и не видя его. (73) Если же они не выдерживали испытания и изгонялись, то получали вдвое больше имущества, чем внесли, а «совместно слушающие» (так называли окружение Пифагора) насыпали им, как умершим, надгробный холм. Встречаясь с ними, они вели себя так, как будто перед ними кто-то другой, и говорили, что умерли те, которых они выдумали сами себе в надежде, что благодаря учению они станут прекрасными и добрыми. Неспособных к учению они считали неорганизованными и, так сказать, бесцельными и бесплодными. (74) Если же после вынесения суждения об ученике на основании его внешнего вида, походки, других его телодвижений и состояний, после того, как он уже подавал надежды, после пятилетнего молчания, после священнодействий в столь многих науках, после стольких важных посвящений и очищений души во многих науках, благодаря которым души у всех становились прозорливыми и исключительно чистыми, его все же признавали инертным и неспособным к учению, то поставив ему обелиск и могильный памятник там, где он учился (как говорят, они так поступили с Периллом из Фурий и Килоном — вождем из Сибариса,

которых признали негодными), его изгоняли из школы, наделив в изобилии золотом и серебром (ибо у них это было общим и находилось как общая собственность в распоряжении назначенных для этого людей, которых поэтому называли экономами). Если они потом по другому поводу встречали этого человека, они считали его совершенно не тем, кто в их глазах умер.

(75) Поэтому также Лисид[72], порицая некого Гиппарха, разгласившего учение Пифагора среди непосвященных и примкнувших к нему без изучения наук и умозрения, говорит следующее: «Рассказывают, что ты даже публично философствуешь перед случайными людьми, делая то, что Пифагор считал недостойным. Ты, Гиппарх, усвоил это с рвением, но не выполнил, и ты, друг, отведал сицилийской роскоши, которой тебе не следует больше предаваться. Если ты больше не будешь так поступать, я буду рад, если же нет, ты умер для нас». Затем он продолжает: «Благочестиво помнить его наставления относительно божественного и человеческого и не разглашать благ мудрости среди тех, кто еще не очистил душу от сна. Ведь несправедливо предлагать то, что добыто с трудом после стольких усилий, любому встречному или разглашать непосвященным мистерии элевсинских богинь[73]. И беззаконен и нечестив тот, кто так поступил. (76) Полезно вспомнить, как много времени мы потратили, чтобы очиститься от грязи, осевшей в наших сердцах, пока наконец по прошествии многих лет мы не сделались восприимчивы к его учению. Как красильщики, предварительно очищая ткань плаща, протравливают ее перед крашением, чтобы краску невозможно было смыть и чтобы она не обесцветилась, так же и этот божественный муж предва-

рительно готовил души любящих философию, чтобы не обмануться ни в ком из тех, которые, как он надеялся, станут прекрасными и добрыми. Он не блуждал среди ложных теорий и не черпал из родников, которыми многие софисты, которые не занимаются ничем хорошим, прельщают юношей, но обладал знанием о вещах божественных и человеческих. Софисты же, под предлогом изложения его учения, делают много скверного, улавливая молодых людей беспорядочно и даже не по случаю. (77) Поэтому их слушатели становятся недовольными и невнимательными. Они сообщают возбужденным и замутненным душам божественные теории и речи, словно вливают в глубокий колодец, полный грязи, чистую и прозрачную воду: они и грязь размешали в воде, и воду испортили. Вот каков метод такого преподавания и обучения. Ибо плотные и густые заросли окружают умы и сердца тех, кто, не пройдя очищения, посвящает себя наукам, и эти заросли скрывают в душах все цельное, кроткое и разумное и мешают открыто проявляться и выделяться разуму. Я бы хотел сразу назвать источники этого зла: невоздержанность и корыстолюбие, и эти пороки имеют большие последствия. (78) От невоздержанности происходят беззаконные браки, развращенность, пьянство, противоестественные удовольствия и некоторые необузданные желания, приводящие к пропасти и обрыву, так как некоторых эти желания заставили вступить в связь с матерью или дочерью и, подобно тирану, попрать общину и закон. Со связанными, как у пленников, руками и под принуждением эти люди были наконец приведены к гибели. От корыстолюбия же родились грабежи, разбой, отцеубийство, святотатство, составление ядов и прочие преступления

такого рода. Сначала нужно очистить почву, питающую эти страсти, огнем, железом и всеми средствами наук и, освободив разум от стольких бедствий, предложить ему что-либо полезное»[74].

(79) Пифагор считал, что в столь великом и таком необходимейшем попечении науки нуждаются больше философии, и он требовал, чтобы исключительное значение и особое внимание уделялось преподаванию и изложению его учения. И он испытывал и распознавал умонастроение поступающих в учение при помощи разнообразных педагогических приемов и обширных научных исследований.

ГЛАВА XVIII

(80) Теперь расскажем о том, как он разделил допущенных им к учению соответственно достоинству каждого. Ведь было бы несправедливо, чтобы все равно участвовали во всем, ибо природные данные у всех различны. Но также несправедливо, если бы одни были допущены на все самые важные беседы, а другие бы не были ни на одной из них; это противоречило бы духу совместной жизни и равенства. Сообщив каждой группе ту часть преподаваемого материала, которая ей была доступна, он каждому по возможности облегчил понимание и сохранил принцип справедливости, потому что каждой группе он предложил беседы, более всего для нее подходящие. И в соответствии с этим он назвал одних пифагорейцами, других — пифагористами[75], как мы называем одних аттическими авторами, а других — аттикистами[76]. Внеся необходимую ясность в названия, он определил, что первые являются его настоящими последователя-

ми, а вторые проявляют внешнее рвение. (81) Таким образом, он предписал, чтобы имущество пифагорейцев было общим и чтобы их совместная жизнь была постоянной, остальным он повелел сохранить собственность, но собираться вместе для занятий. Так эта традиция в отношении двух методов преподавания была установлена со времени Пифагора.

Но согласно другой точке зрения, существовало два вида пифагорейской философии, потому что было два вида тех, кто ею занимался: одни назывались акусматиками, другие — математиками[77]. В этом разделении некоторые не входившие в школу признавали математиков пифагорейцами, а акусматиков не признавали и науку их возводили не к Пифагору, а к Гиппасу[78]. О Гиппасе же одни говорят, что он был из Кротона, другие — что из Метапонта. (82) Философия акусматиков представляет собой изречения без доказательств и без объяснений, содержащие указания, как следует поступать, и включает остальные изречения Пифагора, которые они пытаются сохранять как божественные предписания. Они не претендуют на то, чтобы говорить самим за себя, и так и не должно быть, но сами они считают самыми мудрыми тех, кто усвоил больше всего подобных изречений. Все так называемые акусмы[79] (устные предписания) делятся на три вида: одни отвечают на вопрос, что это такое, другие — что является лучшим, третьи — что следует делать или не делать. Примеры первого вида: «Что такое острова блаженных?» — «Солнце и луна». «Что такое Дельфийский оракул?» — «Четверица, и этот оракул есть гармония, в которой заключены сирены»[80]. Акусмы второго вида: «Что самое праведное?» — «Жертвовать». «Что самое мудрое?» — «Число,

а на втором месте — то что дает имена вещам». «Что самое мудрое вокруг нас?» — «Искусство врачевания»[81]. «Что самое прекрасное?» — «Гармония». «Что самое могущественное?» — «Мысль». «Что самое лучшее?» — «Благополучие». «Какое высказывание самое правдивое?» — «Что люди порочны». Поэтому говорят, что Пифагор хвалил стихи поэта Гипподаманта с Саламина:

Боги, какие вы есть, и как вы стали такими?
Люди, какие вы есть, и как вы порочными стали?

(83) Вот что представляют собой акусмы второго рода. Каждая из них отвечает на вопрос, что обладает наибольшим качеством в этой категории. Мудрость этих акусм — та же, что и так называемая мудрость семи мудрецов. Ведь они рассматривали не что есть благо, но что является лучшим, не что трудно, но что самое трудное (а самое трудное — познать себя самого), не что легко, а что самое легкое (самое легкое — следовать обычаю). Такие акусмы, как представляется, следуют примеру семи мудрецов, ведь они жили раньше Пифагора. Вот акусмы, отвечающих на вопрос, что следует делать или не делать: «Следует обзавестись потомством (ибо следует оставить после себя тех, кто будет служить богу)», или «сначала следует надевать правую сандалию»[82], или «не ходить по многолюдным дорогам»[83], «не погружать руку в сосуд с очистительной водой», «не мыться в бане», (84) так как во всех этих случаях неизвестно, чисты ли соучастники. Вот другие акусмы: «Не облегчать ничью ношу (ибо нельзя становиться причиной чужого безделья), но, напротив, помочь поднять ее». «С женщиной, имеющей на себе золото, для деторождения не сходиться». «Не говорить

без света»[84]. «Ради хорошей приметы совершать возлияние богам через ручку сосуда, и не пить с этой стороны». «На перстне в качестве печати изображения божества не носить, чтобы не осквернять его, так как это образ, который нужно поместить в жилище»[85]. «Свою жену не прогонять, потому что она — просительница, поэтому приводим ее от очага и берем правой рукой». «Не приносить в жертву белого петуха, так как он — проситель и посвящен Луне, поэтому петухи указывают часы». «Спрашивающему совета отвечать только наилучшее, ибо совет священен»[86]. «Труды — благо, но наслаждения во всех отношениях — зло, и пришедшие для наказания должны быть наказаны». «Приносить жертву и подходить к храму необутым». «В храм не заходить по пути, ибо бог не должен быть второстепенным делом». «Смерть приносит славу, если стойко сражаешься и получил рану спереди, а если раны на спине, смерть позорна». «Душа человека не вселяется только в тех животных, которых приносят в жертву. Поэтому есть можно только таких животных, ибо они пригодны для еды, и нельзя есть других живых существ».Таковы некоторые акусмы. Другие, более длинные, говорят о жертвоприношениях (как следует совершать их в каждом отдельном случае), о других почестях богам, о переселении души из земной жизни, о погребении (как нужно предавать земле). (86) В некоторых акусмах поясняется, почему нужно так делать, например, нужно родить детей, чтобы оставить после себя тех, кто будет вместо тебя служить богам, в других акусмах нет объяснения причины. Некоторые пояснения, как представляется, существовали с самого начала, другие добавились позже, как, например, пояснение, что не нужно преломлять хлеб потому, что это не приносит пользы

человеку на суде в Аиде. Дополнения с такими объяснениями принадлежат не пифагорейцам и придуманы вне школы теми, кто пытался дать правдоподобное объяснение, как, например, то, о котором только что шла речь: почему не следует преломлять хлеб. Одни говорят, что не следует этого делать потому, что не нужно делить то, что объединяет людей (в древности у варваров все друзья ели от одного хлеба), другие — что не следует в начале еды совершать плохое предзнаменование преломлением и раздроблением. Но все такие предписания, определяющие, что нужно или не нужно делать, нацелены на божественное, и это главный принцип, и вся жизнь сводится к следованию богу, и таков же был смысл этой философии. (87) Ведь смешно поступают люди, когда ищут благо, не понимая, что оно исходит от богов, как если бы кто-нибудь в стране, где правит царь, стал служить начальнику над гражданами, подчиняющемуся царю, пренебрегая тем, кто начальствует над всеми. Пифагорейцы считают, что именно так и поступают люди. Ведь если есть бог и если он — господин всего, то, по единодушному мнению пифагорейцев, нужно просить благо у господина, потому что все дают блага тем, кого любят и кому рады, а с теми, к кому питают противоположные чувства, и поступают противоположным образом.

Такова мудрость акусматиков. Был некто Гиппомедон из Асины Арголидской, пифагореец из акусматиков, который утверждал, что Пифагор приводил причины и разъяснения всех этих предписаний, но так как они сохранились через посредство многих поколений, которые становились все более небрежными в их передаче, то объяснения были утрачены и остались только сами наставления. Те же пифагорей-

цы, которые занимаются науками (математики), единодушно признают акусматиков пифагорейцами и сами говорят еще больше, чем акусматики, и то, что они говорят, истинно. Причина же расхождения между ними, по их мнению, такова. (88) Когда Пифагор прибыл из Ионии и Самоса во время тирании Поликрата, во времена расцвета Италии, влиятельные люди полисов стали его друзьями. Со старейшими из них, которые были заняты общественными делами, он говорил просто, поскольку было трудно привлечь их науками и доказательствами, полагая, что ничуть не менее полезно для них и без знания причины делать то, что нужно, подобно тому как больные, не выясняя, почему им следует делать то или другое, тем не менее выздоравливают. Но более молодым ученикам, которые были способны к труду и учению, Пифагор объяснял науки и доказательства. От них происходят математики, а от старейшин — акусматики. Например, как в случае с Гиппасом: будучи пифагорейцем, он, разгласив тайну и первым изобразив шар, состоящий из двенадцати пятиугольников, погиб в море как нечестивец, хотя и приобрел славу первооткрывателя, однако все эти изобретения сделаны «тем мужем» (так пифагорейцы говорят о Пифагоре, не называя его по имени). (89) Пифагорейцы рассказывают, что геометрия стала известной следующим образом. Один пифагореец лишился имущества, и поскольку это случилось, ему позволили зарабатывать геометрией. Геометрия же называлась у Пифагора «исследованием». Итак, вот что мы выяснили о различии между двумя видами занятий и двумя видами учеников Пифагора: тех, которые слушали его по одну сторону завесы, и тех, которые слушали его, отделенные завесой от него, тех, которые

5 – 6132

слушали, видя его, и тех, которые слушали его без лицезрения, тех, которые подразделялись на «находящихся внутри» и «находящихся вовне», следует воспринимать не иначе, как две описанные нами разновидности, а политические, экономические и законодательные группы входят в эти две основные группы.

ГЛАВА XIX

(90) Вообще важно знать, что Пифагор нашел множество способов обучения и в соответствии с природой и способностями каждого человека передавал ему соответствующую долю мудрости. Самый яркий пример такой. Когда из страны гиперборейцев пришел скиф Абарид[87], не знакомый с эллинским образованием, не посвященный в таинства и уже достигший преклонного возраста, Пифагор ввел его в свое учение не с помощью разнообразных правил, но вместо пятилетнего молчания и слушания в это время лекций и других испытаний сразу подготовил его к слушанию основоположений и в кратчайший срок объяснил ему свое сочинение «О природе» и другое сочинение «О богах». (91) Ведь Абарид прибыл из страны гиперборейцев, где он был жрецом Аполлона, старшим по возрасту и самым опытным в богослужении, и он направлялся из Эллады в свою страну, чтобы собранное золото положить для бога в гиперборейский храм. Проезжая через Италию и увидев Пифагора, он тщательно сопоставил его с богом, которому служил, и убедился, что перед ним не человек, похожий на Аполлона, а действительно не кто иной как сам Аполлон. Поскольку он видел его величие и, имея жреческий опыт, еще раньше

обнаружил приметы, он отдал Пифагору стрелу, с которой отправился в путь из храма, надеясь, что она будет полезной при преодолении трудностей во время столь долгого путешествия. Если он ехал на ней, то он преодолевал непроходимые места — реки, озера, болота, горы и другие подобные места и, как передают, обращаясь к ней, производил очищения, изгонял чуму и отводил ветры от городов, которые обращались к нему за помощью.[88] (92) Действительно, мы знаем, что Лакедемон после произведенного им в этой земле очищения уже не заражался чумой, тогда как прежде эта болезнь часто поражала его из-за того, что он расположен в неудачном месте: над ним возвышаются Тайгетские горы, и стоит отметить, что это создает духоту. Абарид также очистил Кносс на Крите. Известны и другие свидетельства способности Абарида производить очищения. Пифагор же, приняв стрелу, не удивился и не спросил, почему он подарил ее, но ведя себя так, как будто он был действительно бог, по-дружески отвел Абарида в сторону и показал свое золотое бедро, дав свидетельство того, что он не ошибался. Он перечислил ему одно за другим все, что хранится в храме Аполлона у гиперборейцев, и дал тем самым достаточное подтверждение того, что Абарид догадался правильно. Он добавил, что он пришел для служения на благо людям, и поэтому принял человеческий облик, чтобы они, смутившись его превосходством, не чуждались его и не избегали обучения. Он велел Абариду остаться и помогать ему исправлять души учеников, золото же, которое тот собрал, приобщить к имуществу его учеников, которые так поступали из соображения, что они подкрепляли делом принцип, гласящий «у друзей все общее». (93) Таким образом, когда Абарид остался,

как мы сейчас сказали, Пифагор сжато изложил ему учение о природе и о богах. Вместо искусства наблюдения за внутренностями жертвенных животных он научил его предвидению с помощью науки чисел, полагая, что она более чистая, божественная и более родственная небесным числам богов. Пифагор также научил Абарида другим предметам соответстенно его интересам. Но вернемся к тому, для чего это говорилось: итак, Пифагор пытался исправлять других различными способами, в зависимости и от природы, и от способностей каждого человека. Подробности этого не сохранились для последующих поколений, и не просто рассказать о том, о чем сохранились упоминания. (94) Мы приведем лишь немногие и самые известные примеры пифагорейского метода обучения и некоторые сохранившиеся свидетельства об образе жизни этих мужей.

ГЛАВА XX

Итак, первое, на что он обращал внимание, проводя испытание, это могут ли поступающие в учение, как он выражался, «хранить молчание», и смотрел, способны ли учащиеся не разглашать и соблюдать все, что они услышат; затем, скромны ли они; и он прилагал больше старания к тому, чтобы молчать, чем к тому, чтобы говорить. Он также рассматривал все остальное — не возбуждались ли они чрезмерно страстью или желанием, и всегда обращал особое внимание на такие вещи: например, склонны ли они к гневу или к вожделению, любят ли они успехи и почести или склонны ли они к соперничеству или дружбе. Если после внимательного и всестороннего рассмотрения он приходил к выводу,

что они обладают хорошим нравом, то тогда он проверял их способности к учению и запоминанию: во-первых, могут ли они быстро и точно следовать его указаниям, во-вторых, питают ли они любовь и здравомыслие в отношении того, чему их учат. (95) Он рассматривал, как они предрасположены по природе к облагораживающему воздействию, и называл это дрессировкой. Дикость он считал враждебной такой манере обучения, потому что она влечет за собой дерзость, бесстыдство, распущенность, неуместность, неспособность к учению, неповиновение власти, бесчестие и другие пороки, противоположные мягкости и кротости. Итак, вот на что он смотрел при испытании, и в этом направлении он развивал учеников. Тех же, кто подходил для восприятия благ его мудрости, он принимал и таким образом старался подвести их к восприятию наук. Но если он видел, что кто-то не поддается этому воздействию, он изгонял его, как какого-нибудь иноплеменника или чужеземца.

ГЛАВА XXI

После этого я расскажу об обычаях, которые он учил своих учеников соблюдать в течение дня, и они, по его указаниям, поступали так. (96) Утренние прогулки эти мужи совершали в одиночестве и в таких местах, где были подходящие спокойствие и тишина, где были храмы, священные рощи или что-либо другое, отрадное для души. Они считали, что не следует встречаться с кем-либо, прежде чем не приведешь в порядок собственную душу и не настроишь гармонично разум, а для упорядочения разума благоприятна именно такая тишина. Они считали, что приходишь в смятение, если

тотчас, встав с постели, идешь толкаться среди шумной толпы, и поэтому все пифагорейцы всегда выбирали места, наиболее подходящие для святилищ. После утренней прогулки они встречались друг с другом, по большей части в храмах или в других священных местах. Это время они использовали для лекций и заучивания, а также для исправления своего нрава. (97) После этих дел они занимались уходом за телом. Большинство натиралось маслом и участвовало в беге, меньшая часть занималась борьбой в садах и в рощах, некоторые занимались прыжками с гимнастическими гирями или вели кулачный бой, выбирая упражнения, соответствующие своей силе. На завтрак они ели хлеб и мед или медовые соты, вина днем не пили. После завтрака они занимались общественными делами, чужеземцами и гостеприимцами — в соответствии с предписаниями законов, так как со всем этим они хотели управиться после завтрака. Вечером они снова стремились на прогулку, но не порознь, как утром, а вдвоем или втроем, припоминая уроки и посвящая себя благородным занятиям. (98) После прогулки они совершали омовение и после омовения встречались за совместной трапезой, причем не более, чем по десять человек. Когда сотрапезники собирались, они совершали возлияния, приносили в жертву благовония и ладан. Затем они шли на обед, чтобы закончить его до захода солнца. На обед были вино, ячменный и пшеничный хлеб, закуска, вареные и сырые овощи. Подавалось и мясо жертвенных животных[89], рыбу они ели редко, так как некоторые виды рыб по определенным причинам считались непригодными для еды. (99) После обеда совершались возлияния, затем — чтение вслух. Обычно самый младший читал, а самый старший указывал, что нужно читать и как читать.

Когда они собирались уходить, виночерпий наливал им вина для возлияния, а после возлияния старший говорил так: «Садовому и плодоносному растению не вредить и не губить его, равно как и живому существу, если оно не способно вредить человеческому роду, не причинять вреда и не губить его». (100) Кроме этого: «К роду богов, роду демонов и роду героев относиться хорошо и благоговейно, также как и к родителям и благодетелям»[90]. «Закону помогать, с беззаконием воевать»[91]. После этих слов все расходились по домам. Одежду они носили белую и чистую, постель также была белой и чистой. Одежда и постель были из льна, так как овчинами они не пользовались[92]. Охоту они не одобряли и к такому виду упражнений не прибегали. Вот какие были предписания на каждый день относительно пищи и образа жизни для общины пифагорейцев.

ГЛАВА XXII

(101) Другой способ воспитания известен из «пифагорейских изречений», касающихся как образа жизни, так и человеческих мнений, из множества которых приведу несколько примеров. Пифагорейцы призывали изгонять дух соперничества и вражды из истинной дружбы, а также из любой дружбы, если это возможно, а если нет — то по крайней мере из дружбы с отцом и вообще со старшими, также и из дружбы с благодетелями.[93] Ведь состязание или спор с родителями и благодетелями под влиянием приступа гнева или какой-нибудь другой страсти не способствуют сохранению этой дружбы. Они говорили, что в дружбе должно быть как можно меньше ран и язв. Это происходит в том случае, если оба умеют

уступать и смирять свой гнев, но особенно если это делает младший, находящийся в указанных отношениях[94]. Исправления и наставления, которые они называли «настройкой», старшие должны производить над младшими, по их мнению, с большой благожелательностью и осторожностью, и при наставлениях следует проявлять большую заботу и участие, тогда наставление будет приличным и полезным. (102) Из дружбы никогда не нужно изгонять доверия — ни в игре, ни в занятиях. Ведь дружба сохраняется с трудом, если однажды в отношения тех, кто называет себя друзьями, вкрадется ложь[95]. Не нужно отказываться от дружбы из-за несчастья или неожиданно оказавшись неспособным ее поддерживать, отказ от друга и дружбы оправдан только из-за его большой испорченности и неисправимости. Итак, вот что такое было исправление, совершавшееся у них посредством изречений, и оно распространялось на все добродетели и на жизнь в целом.

ГЛАВА XXIII

(103) Важнейшим у него был способ обучения посредством символов. Этот способ, как очень древний, был в почтении почти у всех эллинов, но особенно был разработан египтянами. В этом отношении также и Пифагор считал очень важным, если кто-либо мог понятно разъяснить значение и тайный смысл пифагорейских символов и показать, как много правильного и истинного содержится в них, если раскрыть и освободить их от иносказательной формы и сблизить эти символы с их простым и безыскусным учением, с величием этих философов, признанных, подобно богам, превышающими

человеческое разумение. (104) Те, кто принадлежал к этой школе, особенно самые старшие, современники Пифагора, а также те, кто начинал учебу, когда Пифагор был уже стар, то есть Филолай, Эврит, Харонд, Залевк, Брисон, Архит старший, Аристей, Лисид, Эмпедокл, Замолксис, Эпименид, Милон, Левкипп, Алкмеон, Гиппас, Тимарид[96] и все те, кто был с ними связан, — множество замечательных и выдающихся мужей, — свои разговоры и беседы друг с другом, воспоминания и заметки, сами сочинения и все издания, большая часть которых сохранилась до наших дней, не писали общеупотребительными, простонародными и привычными выражениями и не создавали понятными для слушателей, которые стремятся к тому, чтобы сказанное ими охотно повторяли, но, согласно предписанному им Пифагором молчанию, они занимались божественными мистериями и методами преподавания, закрытыми для непосвященных, и с помощью символов скрывали смысл своих диалогов и сочинений. (105) И если кто-нибудь, выбрав эти символы, не раскроет их смысла и не объяснит без насмешек, то их содержание покажется слушателям смешным и пустым, полным вздора и пустословия. Но если эти символы будут раскрыты соответственно их стилю, они станут для многих не темными, а ясными и чистыми. Они окажутся подобны неким оракулам и изречениям Аполлона, обнаружат замечательный образ мысли и сообщат божественное вдохновение тем, кто правильно понял их смысл. Неплохо упомянуть некоторые из них, чтобы более ясно представить этот метод обучения: «Мимоходом не следует ни входить в храм, ни вообще поклоняться богам, даже если будешь проходить мимо самых дверей»; «приноси жертвы и поклоняйся богам босым»;

«избегая многолюдных дорог, ходи тропинками»; «о пифагорейских вещах без света не говори». Таков, в общих чертах, был его метод обучения посредством символов.

ГЛАВА XXIV

(106) Поскольку питание очень содействует наилучшему обучению, если оно доброкачественно и упорядоченно, рассмотрим предписания Пифагора относительно питания. Он полностью отвергал такую пищу, которая вызывает образование газов и причиняет беспокойство, а пищу, оказывающую противоположное воздействие, которая приводит тело в здоровое и собранное состояние, напротив, одобрял и рекомендовал употреблять. Поэтому он считал пригодным в пищу также и просо. Он полностью отвергал виды пищи, чуждые богам, поскольку они отвращают нас от наших родственных отношений с богами. А также, с другой стороны, он особенно призывал воздерживаться от пищи, которая считается священной, так как она достойна почитания, а не обычного поедания ее людьми. Он также призывал остерегаться любой пищи, которая мешает искусству прорицания, чистоте и непорочности души и благоразумному и добродетельному нраву. (107) Он также отвергал виды пищи, враждебные непорочности и замутняющие всякие проявления душевной чистоты, в частности, сновидения[97]. Это были его общие предписания относительно пищи. А в частности он раз и навсегда запретил философам, наиболее преуспевшим в созерцании и потому достигшим высших ступеней, излишние и непригодные виды пищи, предписав им никогда не употреблять в пищу никаких одушевленных существ, совершенно не пить вина,

не приносить в жертву богам животных и не причинять им никакого вреда, но, напротив, всячески соблюдать по отношению к ним справедливость. (108) Сам он жил в соответствии с этими принципами, воздерживаясь от животной пищи и принося бескровные жертвы и желая, чтобы другие не уничтожали родственных нам живых существ, и укрощая и приручая диких животных более словами и делами, чем причиняющим вред битьем. Он предписал законодателям общин не употреблять в пищу одушевленных существ: если они хотят поступать во всем по справедливости, то они, конечно, не должны причинять вреда родственным нам живым существам. Как бы они могли убедить других поступать по справедливости, когда они сами охвачены своекорыстием? Родственное соучастие живых существ как бы посредством общности жизни, общих элементов и образованного из этих элементов соединения связано с нами некой братской связью. (109) Впрочем, другим ученикам, чья жизнь не была совершенно чистой, праведной и философской, он разрешал употреблять в пищу некоторых животных, но и им назначил воздержание в течение определенного времени. Он предписал им не есть сердца и мозгов, и это касалось всех пифагорейцев, так как это главные органы, представляющие как бы доступ к мышлению и жизни и их местопребывание[98]. Отвергал же он эти виды пищи из-за природы божественного разума. Так и мальву он запретил есть, потому что она — первый вестник и свидетельство сочувствия небесного к земному, и рыбы чернохвостки советовал не есть, так как она относится к богам земли, и по такой же причине не есть рыбы краснушки[99]. Он также предписывал не касаться бобов по многим божественным и природным причинам, а также причинам, касающимся

души. Он предписывал многое другое, подобное вышеизложенному, и, начиная с питания, он указывал путь людей к добродетели.

ГЛАВА XXV

(110) Он также полагал, что музыка очень благотворно действует на здоровье, если заниматься ею подобающим образом. Он часто прибегал к этому важному виду очищения, и действительно этот вид очищения он называл «лечением музыкой». Весной он устраивал такое исполнение песен: усаживал посередине кого-нибудь с лирой, а вокруг садились те, кто был способен петь, и так под его аккомпанемент они хором пели какие-нибудь пеаны[100], и они полагали, что таким образом веселились и учились петь стройно и ритмично. В других случаях они использовали музыку в медицинских целях. (111) У них были мелодии, сочиненные для разных душевных состояний. Одни мелодии предназначались как самое действенное средство против уныния и терзаний, а другие также против раздражения, гнева и против всякого умственного помрачения разгневанной души; был также и еще один род музыкального творчества, предназначенный для ограждения желаний[101]. Они также сопровождали пение плясками. Музыкальным инструментом у них была лира, потому что Пифагор считал, что флейты имеют звучание резкое, напыщенное и совершенно не благородное. Для исправления души они применяли также избранные стихи Гомера и Гесиода. (112) Что касается его дел, то про Пифагора среди прочего говорили, что он унял однажды спондеической мелодией[102], исполняемой флейтистом, ярость пья-

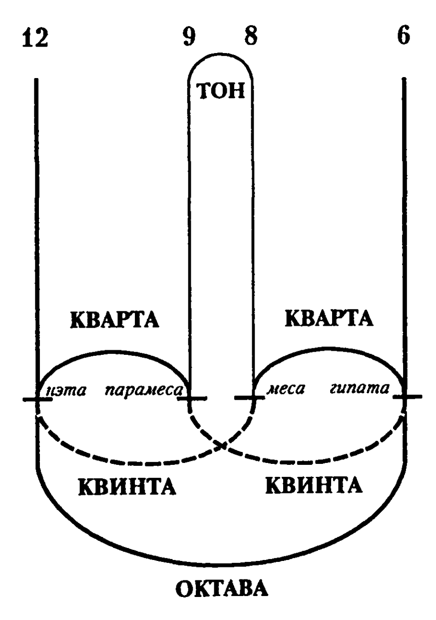
ного юноши из Тавромения, который ночью домогался своей любовницы перед воротами соперника и намеревался их поджечь. Юноша был возбужден и распален фригийским напевом флейты, который Пифагор остановил как можно скорее (он в поздний час занимался астрономией). Он убедил флейтиста перейти на спондеический ритм, благодаря чему юноша, сразу успокоившись, в пристойном виде отправился домой, хотя только что он не воспринимал его и просто не хотел слышать обращенных к нему доводов, более того, безрассудно отвергал участие Пифагора. (113) Также Эмпедокл однажды спас своего гостеприимца Анхита, когда один юноша поднял против него меч, потому что тот, будучи судьей, приговорил отца юноши к смерти. Юноша бросился, в помрачении рассудка и в гневе, чтобы поразить мечом приговорившего к смерти его отца, как будто Анхит был убийцей. Эмпедокл же, имея под рукой лиру, изменил мотив и, исполнив какой-то успокаивающий и умиротворяющий напев, тотчас, как сказал поэт, влил «соку гореусладного, миротворящего, сердцу забвенье бедствий дающего»[103] и спас своего гостеприимца Анхита от смерти, а юношу от убийства. (114) Рассказывают, что после этого юноша стал самым верным учеником Эмпедокла. Кроме того, вся пифагорейская школа осуществляла то, что они называли «настройкой», «музыкальным сочетанием» и «прикосновением», соответствующими мелодиями с пользой сообщая душе эмоции, противоположные ее состоянию. Отходя ко сну, они очищали разум от дневного смятения и шума определенными песнями и особого рода мелодиями и этим обеспечивали себе спокойный сон с немногими и приятными сновидениями. Встав с постели, они вновь снимали вялость и оцепенение

песнями другого рода, иногда это были песни без слов. Были случаи, когда они излечивали чувства и некоторые болезни, как говорят, настоящим пением (то есть заклинанием), и, вероятно, отсюда и вошло в употребление это понятие «заклинание». Так Пифагор ввел в употребление исключительно полезный способ исправления человеческих нравов и образа жизни с помощью музыки. (115) Раз у нас зашла здесь речь о мастерстве Пифагора-воспитателя, то дальше можно рассказать и о том, что связано с этим: как он открыл знание гармонии и гармонические законы. Начнем несколько издалека.

ГЛАВА XXVI

Однажды он пребывал в напряженном размышлении над проблемой, можно ли придумать для слуха какой-нибудь вспомогательный инструмент, надежный и не вводящий в заблуждение, каким для глаза является циркуль, отвес и, разумеется, диоптры, а для осязания — весы и изобретение мер. По счастливой случайности проходя мимо кузницы, Пифагор услышал, как на наковальне ковали железо и одновременные удары молотов издавали очень гармоничные звуки, кроме одного сочетания. Он различил в них октаву и созвучия, построенные на квинте и кварте, а интервал между квартой и квинтой он видел как не образующий гармонии сам по себе, но заполняющий расстояние между ними. (116) Радуясь, как будто он получил эту идею от богов, он вбежал в кузницу и методом проб выяснил, что звучание зависит от тяжести молота, а не от силы удара, формы молота или изменения положения железа, которое ковали. Узнав

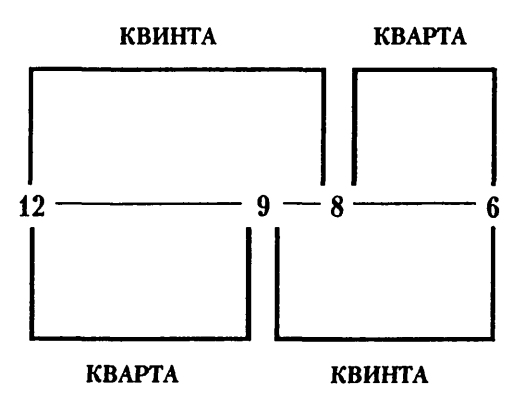
точный вес молотов и установив, что их наклон при ударе одинаков, он удалился к себе домой. На один колышек, вбитый между углами стен (чтобы не внести в эксперимент никаких различных данных и чтобы вообще не было разницы между колышками), он повесил четыре струны из одного и того же материала, сплетенные из равного числа нитей, с одинаковой толщиной и одинаково скрученные. Он подвесил к ним разные грузы и сохранил равную их длину. (117) Затем, ударяя поочередно по паре струн, он нашел созвучия, о которых говорилось выше, в разных сочетаниях струн. Он установил, что струна, к которой прикреплен самый большой груз, и струна, к которой прикреплен наименьший груз, образуют октаву. Так как к первой было подвешено 12 гирек, а ко второй — шесть, то он открыл, что октаве свойственно отношение 2:1, что подтверждало и весовое соотношение гирек. С другой стороны, он открыл, что между струной с самым большим весом и ближайшей к самой легкой, имевшей восемь гирек, был интервал в квинту и, следовательно, полуторное отношение, и в полуторном отношении находились и подвешенные к ним грузы[104]. Между струной с самым большим весом и следующей, которая была с большим грузом, чем другие, — к которой были подвешены девять гирек, — был интервал в кварту соответственно подвешенным грузам[105]. Он выяснил, что эта струна (с девятью грузами) находится в отношении 3:4 к струне с самым большим грузом и что одновременно эта струна находится в полуторном отношении к струне с наименьшим весом, (118) поскольку девять именно так относится к шести[106]. Равным образом струна, следующая за струной с наименьшим весом, к которой было прикреплено восемь гирек, образовывала со струной,

имевшей шесть гирек, отношение 4:3, а со струной, которая имела 12 гирек, находилась в полуторном отношении. Следовательно, интервал между квинтой и квартой, на который квинта превосходит кварту, был установлен в отношении 9:8[107]. Звукоряд в октаве раскрывался двояко, либо с сочетанием квинты с квартой, как трехчленная пропорция 12:8:6[108], либо, в обратном порядке, с сочетанием кварты с квинтой, как трехчленная пропорция 12:9:6[109].

Набив руку и изощрив слух на опытах с весами и открыв их пропорции, он искусно перенес общее крепление струн с вбитого на углу стены колышка на подставку под струны в лире, которую он назвал орудием натяжения струн, а натяжение струн в повороте колков в верхней части инструмента было аналогично подвешенным грузам. (119) Благодаря этому эксперименту, словно с помощью точного инструмента, он распространил наконец свой опыт на различные инструменты: цимбалы, флейты, свирели, монохорды, тригон[110] и подобные им и нашел, что во всех них арифметическое отношение было одинаково гармоничным. Он назвал звук,

соответствующий числу 6, гипатой[111], звук, соответствующий числу 8 и находящийся в отношении 4:3 к гипате, — месой[112], звук, следующий за месой, выражающийся числом 9 и звучащий тоном выше, чем меса, и находящийся к ней в отношении 9:8, — парамесой[113], а звук, соответствующий числу 12, — нэтой[114]. Заполнив интервалы соответствен-

но диатоническому роду пропорциональными звуками, он подчинил таким образом октахорд[115] числовой гармонии, существующей в отношениях 2:1, 3:2, 4:3 и отличном от них отношении 9:8. (120) Таким образом он обнаружил в диатоническом роде необходимую и естественную прогрессию тонов от самого низкого звука к самому высокому. Начав с диатонического рода, он описал хроматический и энгармонический род, о чем мы расскажем, когда речь пойдет специально о музыке. Диатонический же род являет следующие ступени и такое естественное движение: полутон, тон, затем еще тон, и это есть кварта, соединение двух тонов и так

6 - 6132

называемого полутона. Затем, с прибавлением другого тона, вставленного в середину, образуется квинта, соединение трех тонов и полутона. Затем следуют полутон, тон и еще тон — другая кварта, то есть еще одно отношение 4:3. Поэтому в более древнем гептахорде[116] каждый четвертый звук, начиная с самого низкого звука, образовывал созвучие кварты во всем звукоряде, причем полутон занимал поочередно первое, среднее и третье места тетрахорда. В пифагорейском октахорде, (121) представлял ли он сочетание тетрахорда с пентахордом или два несовпадающих тетрахорда, отделенные друг от друга целым тоном, мелодическое движение начиналось от самого низкого звука, так что каждый пятый звук образовывал созвучие квинты, а полутон здесь последовательно занимал четыре места: первое, второе, третье и четвертое. Вот так, рассказывают, открыл он искусство музыки и, изложив систематически, передал его ученикам для всех самых прекрасных целей.

ГЛАВА XXVII

(122) Восхваляют также многое из того, что сделали в общественной жизни его ближайшие ученики. Говорят, что, когда у жителей Кротона появилось желание совершать пышные выносы и погребения, один пифагореец сказал народу, что он слышал рассуждение Пифагора о богах: Пифагор якобы говорил, что Олимпийские боги обращают внимание на образ мыслей жертвующих, а не на количество жертв, подземные же боги, напротив, из-за того, что им досталась худшая доля, радуются битью в грудь и рыданиям и, более того, постоянным возлияниям и приношениям на могилу и

заупокойным жертвам, совершаемым с большой расточительностью. (123) Поэтому Аида из-за его предпочтения к такого рода подношениям называют Плутоном[117], и тем, кто скромно воздает ему честь, он позволяет подолгу оставаться в верхнем мире, а кого-нибудь из тех, кто проявляет расточительность в горе, он всегда сводит под землю, чтобы получить приношения на могилу. Этим наставлением Пифагор внушил слушателям убеждение, что они будут благополучны, если в невзгодах будут проявлять умеренность, а проявляя расточительность, все погибнут раньше положенного срока. (124) Другой пифагореец взял на себя роль третейского судьи в деле, где не было свидетелей. Каждого из ведущих тяжбу он по отдельности подвел к какому-то надгробному памятнику и, остановившись, сказал, что лежащий здесь был в высшей степени достойным человеком. Когда один из тяжущихся восхвалил умершего за многие добрые дела, а другой лишь спросил: «И что он от этого получил?», пифагореец стал с подозрением относиться ко второму и не без основания взял сторону того, кто похвалил добронравие умершего. Еще один пифагореец взял на себя важное судебное разбирательство. Убедив одного из тяжущихся уплатить четыре таланта, другого — получить два, он вынес решение относительно трех талантов и, как представляется, дал каждому по таланту.[118] Однажды два человека со злым умыслом оставили у женщины с рынка плащ, договорившись с ней, что она отдаст его, только когда они явятся за ним вместе. Затем они так обманули ее: вскоре один из них взял то, что они оставили вместе, сказав, что другой разрешил ему это сделать, второй же, который не пришел, донес на нее и рассказал должностным лицам о первоначальном договоре. Один пифагореец,

взявшийся рассудить это дело, сказал, что женщина выполнит договор, если они явятся вместе.[119] (125) Еще два человека, как казалось, были очень дружны, но потом стали взаимно подозрительны, ничего не говоря друг другу, потому что кто-то, заискивая, сказал одному из них, что другой соблазнил его жену. Один пифагореец случайно зашел в кузницу тогда, когда считавший себя обесчещенным показывал острый нож кузнецу, выражая ему недовольство за то, что он его недостаточно наточил. Догадавшись, что этот нож заготовлен против того, кого оклеветали, пифагореец сказал: «Нож у тебя острее всего чего угодно, но только не клеветы». Этими словами пифагореец заставил его переменить решение, и он не совершил необдуманно ошибки в отношении друга, которого уже пригласил к себе домой. (126) Когда один посетитель в храме Асклепия уронил пояс с золотом и сетовал, потому что закон запрещал поднимать упавшее в храме, то другой пифагореец велел вынуть золото, которое не падало на землю, пояс же оставить, так как он лежал на земле. А вот что произошло, как говорят, в Кротоне, хотя неосведомленные люди относят это происшествие к другим местам: когда во время представления над театром пролетали журавли, один зритель, вернувшийся из плавания, сказал соседу: «Видишь свидетелей?» Один пифагореец, услышав это, отвел их на заседание Совета Тысячи[120], предположив (что и было установлено в результате допроса их рабов), что они утопили в море каких-то людей, свидетелями чего были журавли, пролетавшие над кораблем. Еще пример: два человека, недавно примкнувшие к Пифагору, по-видимому, поссорились. Младший, подойдя к старшему, предложил примириться, говоря, что не нужно брать судьей третьего, но

они сами способны забыть о гневе. Тот сказал ему, что он в других отношениях совершенно удовлетворен, но стыдится того, что, будучи старшим, не подошел для примирения первым.[121] (127) Он рассказал ему это, а также истории о Финтии и Дамоне, о Платоне и Архите, о Клинии и Проре[122]. Кроме того, об Эвбуле из Мессины в самом деле рассказывают, что он, плывя домой, попал в плен к этрускам и был увезен в Этрурию. Этруск Навсифой, будучи пифагорейцем, узнал, что Эвбул — ученик Пифагора, поэтому он похитил его у пиратов и в полной безопасности вернул его в Мессину. (128) Когда карфагеняне собирались отправить на пустынный остров больше пяти тысяч пленников, карфагенянин Мильтиад увидел среди них аргивянина Посида (оба были пифагорейцами). Он подошел к нему, и, не раскрывая ему того, что готовилось, убедил его как можно скорее бежать к себе домой, посадил его на плывший мимо корабль, дал припасы на дорогу и спас таким образом человека от опасности. В общем, если бы кто-нибудь стал излагать все случаи общения пифагорейцев друг с другом, то он превзошел бы объем и должную меру этой книги.

(129) Лучше я перейду вот к чему: как пифагорейцы были государственными деятелями и правителями. Некоторые из них соблюдали законы и управляли городами Италии, проявляя то, что они считали наилучшим, и обсуждая это, и притом они не пользовались общественными доходами. И хотя против них стали выдвигать множество клеветнических обвинений, до некоторых пор все-таки одерживало верх добронравие пифагорейцев и воля самих городов, желавших, чтобы государственными делами управляли пифагорейцы. Считается, что именно в это время в Италии и в Сицилии

были наилучшие государственные устройства. (130) Харонд из Катаны, считающийся одним из лучших законодателей, был пифагореец, и локрийцы Залевк и Тимар, известные законодательной деятельностью, тоже были пифагорейцами, и, как говорят, были пифагорейцами те, кто составил регийские законы: одни называемые «гимнасиарховыми», и другие, названные в честь Феокла, — Фитий, Феокл, Геликаон и Аристократ. Они выделялись образом жизни и нравами, которые в то время процветали в расположенных в тех местностях городах.

Вообще, как утверждают, Пифагор изобрел всю систему гражданского воспитания. Он говорил, что ничто существующее не лишено примесей: земля причастна огню, огонь — воде, воздух — земле и огню, а они, в свою очередь, причастны воздуху. Далее, что прекрасное есть в безобразном, справедливое — в несправедливом, и все остальное подчиняется этому же закону (по этой причине разум получает импульс либо в одну, либо в другую сторону, и есть два вида движения тела и души: неразумный и сознательный), и он составил три линии конституций так, что концами они пересекались и образовывали прямой угол, причем одна линия находилась к другой в отношении 4:3, другая была пропорциональна пяти, а третья была средней между ними[123]. (131) Если мы подсчитаем числовые соотношения этих линий и образующиеся из них фигуры, то получится изображение наилучшего государственного устройства. Платон же позаимствовал это представление, открыто написав в «Государстве», что пара чисел, дающая пропорцию 4:3, соотносится с числом пять и образует два гармонических сочетания[124]. Говорят, что Пифагор проявлял сдержанность в стра-

стях и придерживался представления о середине[125] и о том, что каждую жизнь можно сделалась счастливой, если провести ее согласуясь с каким-либо одним благом. В целом, он открыл представление о выборе благ и соответствующих им деяний.

(132) Считается, что Пифагор заставил кротонцев отказаться от наложниц и вообще от незаконных связей. Существует прекрасное и славное изречение Дино, жены пифагорейца Бронтина, женщины мудрой и обладающей выдающимися душевными качествами: «Женщина должна совершать жертвоприношение сразу после того, как она встанет с ложа своего мужа» (некоторые приписывают это высказываение Феано). К Дино пришли жены кротонцев и просили ее вместе с ними обратиться к Пифагору, чтобы он высказался относительно благоразумного отношения к ним, ожидаемого ими от их мужей. Это и было сделано: женщина передала просьбу, и Пифагор поговорил с кротонцами и убедил их совершенно оставить царящую в то время распущенность. (133) Рассказывают также[126], что, когда из Сибариса в Кротон пришли послы с просьбой о выдаче беглых рабов, Пифагор, увидев, что один из послов был убийцей его друзей, ничего не ответил ему. Когда же тот вновь спросил его и захотел вступить с ним в общение, Пифагор сказал, что таким людям он не будет давать прорицаний. Поэтому некоторые стали считать его Аполлоном. Все это, а также то, о чем мы рассказали чуть выше, — о низложении тиранов, о том, как стали свободными города в Италии и на Сицилии, и о многом другом, — пусть будет свидетельством его благотворного влияния на общественные дела, которое пошло на пользу людям.

ГЛАВА XXVIII

(134) Вслед за этим прославим словами его благородные деяния уже не в общих чертах, но соответственно каждой его добродетели[127]. Позвольте начать, как обычно, с богов, и мы постараемся показать его благочестие, раскроем для самих себя его удивительные деяния, проистекающие от благочестия, и изложим их достойным образом. Приведем еще такой пример этого благочестия, который мы уже упоминали[128], что он познал свою собственную душу, кем она была и откуда она вошла в тело, и ее прежние жизни, и представил ясные доказательства этого. А вот еще пример: переходя однажды реку Несс со многими учениками, он обратился к ней с речью, и все слышали, как река громко и отчетливо ответила: «Здравствуй, Пифагор!» Кроме того, почти все авторы подтверждают, что в один и тот же день он был в Метапонте в Италии и в Тавромении на Сицилии и разговаривал со своими учениками и в том, и в другом месте, хотя эти города отстоят друг от друга на расстояние многих стадий по суше и по морю, которое не преодолеть даже за много дней. (135) Общеизвестно, что он показывал золотое бедро гиперборейцу Абариду, который догадался, что он — Гиперборейский Аполлон, а Абарид был его жрецом. Он сделал это, чтобы уверить Абарида, что он догадался правильно и не ошибся. Об этом человеке единодушно и без расхождений рассказывают огромное количество других случаев, еще более удивительных и еще более проявляющих его божественную природу: верные предсказания землетрясений, быстрые прекращения чумы, мгновенные остановки шквальных ветров, градов и ливней, умиротворение мор-

ских и речных волн, позволяющее легко переправиться ученикам. Этими способностями в разной степени обладали Эмпедокл из Акраганта, Эпименид Критский и Абарид Гиперборейский, которые тоже делали подобные вещи. (136) Об этом ясно свидетельствуют их сочинения[129]. Кроме того, у Эмпедокла было прозвище «Отвращающий ветер», у Эпименида — «Очиститель»[130], а у Абарида — «Ступающий по воздуху», так как когда он ехал на дарованной ему стреле Аполлона Гиперборейского, как бы ступая по воздуху, он переправлялся через реки, моря и непроходимые места. Некоторые подозревали, что нечто подобное случилось и с Пифагором, когда в один и тот же день он беседовал в Метапонте и в Тавромении со своими учениками из того и другого города. Говорят и то, что он предсказал землетрясение, узнав это из колодца, из которого пил, и о корабле, плывшем при попутном ветре, сказал, что он утонет. (137) А то, что я собираюсь сказать, пусть будет свидетельством его благочестия. Я хочу еще раз показать основы религиозного служения, которые Пифагор и его ученики считали главными.

Все подобные предписания что-либо делать или не делать имеют целью согласование действий с волей божества, и это первый принцип, и вся жизнь пифагорейцев состоит в следовании богу, и это принцип их философии: смешно поступают люди, ищущие источник блага где-то в другом месте, а не у богов. Это похоже на то, как если бы кто-нибудь в стране, где правит царь, стал бы прислуживать какому-нибудь начальнику, пренебрегая самим главным начальником, царствующим над всеми. Люди, по их мнению, поступают именно так. Ведь если есть бог и если он — господин всего,

то, по единодушному мнению пифагорейцев, нужно просить благо у господина, потому что все дают блага тем, кого любят и кому рады, а с теми, к кому питают противоположные чувства, и поступают противоположным образом. Поэтому ясно, что следует делать то, что богу угодно. (138) Это нелегко узнать, если не прибегнуть к помощи того, кто слышал бога, или узнать это от самого бога, или посредством божественного искусства. Вот почему они придают большое значение искусству предсказания, так как только оно позволяет истолковать волю богов. Однако их занятия кажутся достойными тем, кто считает, что боги существуют, а для тех, кто либо существование богов, либо искусство предсказания считает наивным, глупо и то, и другое. В их запретах многое взято из мистерий, потому что они воспринимают эти запреты такими, какие они есть, не считают их хвастливой ложью и полагают, что они исходят от некого бога. И все пифагорейцы единодушно доверяют этому (вере в божественное), например, баснословным рассказам об Аристее из Проконнеса[131], Абариде Гиперборейском и другим рассказам такого рода. Они верят всем таким рассказам, и сами достаточно имеют такой опыт, и сохраняют в памяти такого рода истории, кажущиеся баснословными, так как верят всему, что ведет к божеству. (139) Например, такой случай: Эврит рассказывал, будто пастух сказал, что, когда он пас неподалеку от могилы Филолая скот, он слышал, как кто-то пел. Эврит, нисколько не усомнившись, спросил, какой был лад. Оба были пифагорейцы, а Эврит — ученик Филолая[132]. Говорят также, что один человек как-то рассказал Пифагору, что ему приснилось, будто он разговаривал с умершим отцом, и спросил: «Что это предвещает?» Пифагор же сказал

ему, что это ничего не предвещает, но говорил он с отцом по-настоящему. «Как ничего не предвещает то, что ты сейчас разговариваешь со мной, — добавил он, — также и тот разговор ничего не предвещает». Так что, учитывая все это, пифагорейцы не себя считают простодушными, а тех, кто не верит этому. Ведь дело обстоит не так, что для бога одно возможно, а другое невозможно, как думают изощряющиеся в мудрости, но для бога возможно все. И есть начало стихов, которые, как они говорят, принадлежат Лину[133], но, вероятно, они сочинили их сами:

Нужно всего ожидать, ибо все надежде доступно.
Богу легко сделать все, и для бога ничто не напрасно.

(140) Подтверждением своих представлений они считают то, что первый, кто изрек это, был не случайный человек, но бог. И одна из их акусм звучит так: «Кто ты, Пифагор?» Они говорят, что Пифагор — это Гиперборейский Аполлон. Доказательства этого такие: Пифагор на атлетических состязаниях, вставая, показал золотое бедро, а также он принимал Абарида Гиперборейского[134] и отобрал у него стрелу, с помощью которой тот передвигался. (141) Абарид, как говорят, пришел из страны гиперборейцев, собирая золото для храма Аполлона и предсказывая мор. Он останавливался в святилищах, и никогда не видели, чтобы он пил или ел. Говорят также, что у лакедемонян он принес предупредительные жертвы, и поэтому в Лакедемоне никогда больше не было мора. Итак, отобрав у Абарида золотую стрелу, которая у него была и без которой он не мог находить дорогу, Пифагор сделал его своим учеником. (142) А в Метапонте, когда какие-то люди выразили желание, чтобы им досталось

то, что находилось на подплывавшем корабле, Пифагор сказал им: «Точно, будет вам мертвец». И оказалось, что судно везло мертвеца. В Сибарисе Пифагор поймал толстую ядовитую змею и отпустил ее, и то же сделал в Тиррении с маленькой змеей, укус которой был смертелен. В Кротоне, как говорят, он гладил белого орла, а тот сидел спокойно. Когда кто-то захотел послушать его, он сказал, что не будет говорить, пока не появится какое-нибудь знамение, и после этого в Кавлонии появилась белая медведица. Он опередил человека, собиравшегося сообщить ему о смерти сына, и сказал о ней сам. (143) Миллию из Кротона Пифагор напомнил, что тот был Мидасом, сыном Гордия, и Миллий отправился в Азию, чтобы совершить на его могиле обряд согласно указаниям Пифагора.[135] Рассказывают также, что человек, купивший дом Пифагора и все перерывший в нем, никому не осмелился сказать, что он в нем видел, и за этот проступок как за святотатство он был схвачен в Кротоне и казнен, ведь видели, что он взял отвалившуюся от статуи золотую бороду. Пифагорейцы рассказывают эти истории и подобные им, чтобы им верили. Поскольку относительно всего сказанного нет расхождений и поскольку невозможно, чтобы это происходило с человеком, то пифагорейцы считают ясным, что необходимо воспринимать сказанное им как слова существа высшей природы, а не просто человека. Это и означает следующая загадка. (144) Они говорят, что

люди двуногие, птицы и что-то еще есть и третье.

Под третьим подразумевается Пифагор. Таков он был благодаря своему благочестию, и его считали таким справед-

ливо. К клятвам все пифагорейцы относились очень осторожно, помня наставление Пифагора:

Прежде всего почитай бессмертных богов, соблюдая
Их старшинство согласно закону, и верным будь клятве,
Славных героев... [чти по закону],[136] —

так что один из них, вынуждаемый законом дать клятву, хотя и собирался дать истинную клятву, но все же, ради соблюдения этого запрета, предпочел вместо клятвы подвергнуться штрафу в три таланта: такую сумму он был должен заплатить тому, кто привел его в суд.[137] (145) Их мнение о том, что ничто не происходит самопроизвольно и случайно, но все совершается согласно божественному промыслу, особенно с людьми добрыми и благочестивыми, подтверждает рассказ о пифагорейце Тимариде из Тарента, который приводит Андрокид в книге «О пифагорейских символах». Когда Тимарид собирался отплыть, уезжая по каким-то обстоятельствам, друзья пришли проводить его, обнимая и напутствуя на прощание. И один из них, когда он уже всходил на корабль, сказал: «Пусть боги тебе дадут все, что ты хочешь, Тимарид!» А тот ответил: «Боже сохрани! Лучше я буду желать того, что боги сами мне посылают». Ибо он считал более осмысленным и благоразумным не сопротивляться божественному промыслу и не досадовать на него. Если кто-нибудь захотел бы узнать, откуда у этих людей такое благочестие, то нужно сказать, что наглядный образец пифагорейского числового учения о богах содержался у Орфея. (146) Не вызывает сомнения, что, заимствовав идею у Орфея[138], Пифагор написал книгу о богах, которую он также назвал «Священным словом», потому что он как бы сорвал цветок в самой

мистической части сочинений Орфея, независимо от того, было ли это сочинение его собственным, как утверждает большинство авторов, или сочинением Телавга, как говорят некоторые известные и наиболее заслуживающие доверия пифагорейцы, ссылаясь на записки Пифагора, адресованные им своей дочери Дамо, сестре Телавга. Эти записки, как сообщают, после смерти Дамо были переданы Битале, ее дочери, и Телавгу, сыну Пифагора, который по достижении совершеннолетия стал мужем Биталы. Телавг, разумеется, был юным, когда умер Пифагор, и он был оставлен при своей матери Теано. Из этого «Священного слова» (или «Слова о богах», встречаются оба названия) ясно, кто передал Пифагору сочинение о богах. Ведь там сказано: «Это слово о богах я, Пифагор, сын Мнемарха, постиг, пройдя посвящение в Либетрах Фракийских[139] с помощью Аглаофама. Он сообщил мне мистическое знание, что Орфей, сын Каллиопы, наставленный матерью на горе Пангей, говорил, что вечная сущность числа является наиболее провидящим принципом всего неба, земли и находящейся между ними природы, более того, она есть корень постоянства божественных людей, богов и демонов». (147) Из этих слов ясно, что идею о том, что сущность богов определяется числом, он заимствовал у орфиков. С помощью тех же чисел он делал удивительные предсказания и совершал служение богам соответственно числам, считая такое служение наиболее родственным их природе. Это можно понять вот откуда (ведь нужно представить какое-нибудь доказательство для подтверждения слов): поскольку Абарид продолжал совершать жертвоприношения по своему обряду и совершал предсказания по распространенному у всех варваров типу — посредством жертвоприношения

животных, особенно птиц (ибо считается, что внутренности птиц дают наиболее точные предсказания), Пифагор, желая не лишать его стремления к истине и показать ему, как это сделать более достоверными методами, без крови и умерщвления жертвы (особенно потому, что считал петуха посвященным солнцу), осуществил для него то, что называется совершенной истиной, построенной на арифметической науке. (148) Вера в богов была у него от благочестия. Он всегда предписывал не питать недоверия ни к удивительным рассказам о богах, ни к учениям о богах, поскольку боги могут все. А божественные учения (которым следует верить) подразумевают те учения, которые передал Пифагор. Его ученики до такой степени верили и усваивали то, что они считали правильным, что когда какой-то пастух рассказал Эвриту из Кротона, слушателю Филолая, что в полдень слышал из могилы голос Филолая (а он умер много лет назад), и при этом голос как бы пел, то Эврит спросил пастуха: «Что за лад был, скажи, умоляю?» Когда кто-то спросил Пифагора, что предвещает видеть во сне давно умершего отца, который разговаривал со спящим, то он сам ответил: «Ничего, как ничего не предвещает то, что ты разговариваешь сейчас со мной»[140]. (149) Одежду он носил белую и чистую, постель также была белой и чистой. Одежда и постель были из льна, так как овчинами он не пользовался.[141] И он передал этот обычай ученикам. О высших существах он говорил иносказательно и по всякому случаю вспоминал богов и воздавал им почести, так что даже за обедом совершал возлияния богам и призывал каждый день прославлять в гимнах высших существ. Он обращал внимание на изречения, оракулы и знамения, в общем, на все случайное. (150) В жертву богам он приносил ладан,

просо, жертвенные лепешки, соты, миро, другие благовония, а животных ни сам он не приносил в жертву, ни кто-либо из философов его школы, достигших созерцания; другим же ученикам, акусматикам или политикам, он предписывал иногда приносить в жертву одушевленных существ: вероятно, петуха, или барана, или какое-нибудь другое новорожденное животное, быков же приносить в жертву запрещал. Свидетельством почитания им богов служит и то, что он призывал не клясться всуе именем богов. Поэтому Силл, пифагореец из Кротона, ради того, чтобы не приносить клятву, даже заплатил денежный штраф, хотя и собирался принести истинную клятву.[142] Пифагорейцам же приписывают такую клятву (благоговейно избегая упоминания имени Пифагора, так же, как очень скупо они упоминают имена богов, они указывают на него, говоря о муже, открывшем четверицу):

Именем клятву даю открывшего нам четверицу,
Неиссякаемой жизни источник.[143]

(151) Пифагор, как говорят, в целом был приверженцем стиля и образа мыслей Орфея и почитал богов подобно Орфею, воздвигая их в медных изваяниях, связанных не с нашими формами, а с образами богов, которые всеобъемлющи, обо всем пекутся и природа и образ которых подобны Вселенной.[144] Он возвещал их очистительные обряды и так называемые мистерии и имел об этом самое точное знание. Еще говорят, что он соединил божественную философию с религией, одному научившись у орфиков, другому — у египетских жрецов, третьему — у халдеев и магов[145], четвертое заимствовав из мистерий, совершающихся в Элевсине, на

Имбросе, Лемносе и в Самофракии[146], а кое-что заимствовав у сообществ, существующих у кельтов и иберов. (152) У латинян читают «Священное слово» Пифагора, но не для всех и не всеми, а лишь теми, кто благосклонно относится к его учению о благе и не совершает ничего постыдного. Он говорил, что нужно трижды совершать возлияние богам и что Аполлон прорицает с треножника из-за того, что тройка — первое по природе число[147], Афродите же нужно жертвовать что-нибудь на шестой день, так как это число первое, которое является общим для всей природы чисел[148], а будучи поделенным любым образом, дает одинаковое значение вычитаемого и остатка. Гераклу нужно приносить жертвы на восьмой день месяца, помня, что он рожден семимесячным. (153) Пифагор также говорит, что в храм нужно входить в чистой и белой одежде, в которой не спали, помня о том, что сон, так же как черный и огненный цвет, — свидетельство праздности, а чистота — свидетельство честности и справедливости помыслов. Он предписывает, что, если в храме нечаянно прольется кровь, нужно очистить храм или золотом, или морской водой, потому что вода возникла первой, а золото — самая прекрасная вещь, и по ним измеряется ценность всех вещей. (154) Он также запрещает рожать в храме, так как неблагочестиво в храме облачать божественную часть души в тело. Он запрещает на праздниках стричь волосы и ногти, считая, что власть богов нельзя оставлять ради умножения наших благ. Он запрещает убивать в храме даже вошь, полагая, что божество не должно быть причастно ничему чрезмерному и гибельному. Он говорит: «Почитай богов кедром, лавром, кипарисом, дубом и миртом, не чисти ими ни тело, ни зубы, считая, что это[149] первое

7 – 6132

порождение влажной природы, питавшее первую нерасчлененную материю». Вареную пищу он запрещает жарить, говоря, что кроткое не нуждается в гневе[150]. Следуя магам, он не позволяет сжигать тела умерших, желая, чтобы смертное не было причастно ничему божественному.[151] (155) Он считает благочестивым сопровождать к могиле умершего в белых одеждах, намекая этим на простую и первую природу соответственно числу и началу всех вещей.[152] Главное — он призывает клясться честно, и хотя будущее далеко, но для богов нет ничего далекого. Он говорит, что больше благочестия в том, чтобы претерпеть несправедливость, чем в том, чтобы убить человека (ибо суд совершается в Аиде), если подумать о природе души и природе ее первой сущности. Он запрещал делать гроб из кипариса, так как из кипариса сделан скипетр Зевса, или по какой-либо другой мистической причине. Он предписывал совершать возлияние перед алтарем Зевса-Спасителя, Геракла и Диоскуров, воспевая Зевса, начало и главу пищи, Геракла — природную силу и Диоскуров как образец согласия всех вещей[153]. (156) Он говорит, что возлияние следует нести не закрывая глаз, так как он считал, что ничто прекрасное не заслуживает стыда и позора. Он предписывал всякий раз, когда гремит гром, прикасаться к земле, показывая, что мы помним о происхождении всех вещей. Входить в храм он предписывал справа, а выходить слева, полагая, что правое — начало так называемой нечетности чисел, которая божественна, а левое — символ четного и распадающегося.[154] Вот так описывают проявления благочестия Пифагора, а об остальном, что касается его благочестия, можно догадаться из сказанного, так что я заканчиваю разговор об этом.

ГЛАВА XXIX

(157) Важнейшим свидетельством его мудрости, если говорить прямо, следует считать записки пифагорейцев, содержащие правду обо всем, отделанные по сравнению со всеми прочими сочинениями такого рода, покрытые, словно нетронутым пухом, старомодным налетом древности, составленные с помощью божественного знания, полученного свыше, полные мыслей и проницательные, замысловатые и разнообразные по форме и содержанию, исключительно простые и совершенные по стилю, насыщенные до предела очевидными и бесспорными фактами, изложенными научно и полно (такое изложение называется силлогизмом), если читать эти записки соответствующим образом, чтобы это чтение не было второстепенным или поверхностным. Итак, эти записки передают от первоисточников знание об умопостигаемом мире и богах. (158) Итак, Пифагор учит обо всех природных явлениях и дает полный очерк двух частей философии — этики и логики. Он дает всяческие математические знания и излагает лучшие науки. В целом, в человеческих знаниях о чем бы то ни было нет ничего, что не было бы детально изложено в этих сочинениях. Итак, если признать, что из приписываемых Пифагору сочинений одни подлинные, а другие составлены на основе его лекций и поэтому не называют авторов и отсылают как к автору к Пифагору, то из всего этого очевидно, что Пифагор был достаточно сведущим во всей мудрости. Но говорят, что он отдавал предпочтение геометрии. Ведь у египтян хорошо разработана геометрия, так как еще с древних времен и из-за разливов по воле богов Нила образованные египтяне были вынуждены

измерять всю землю, на которой они жили, и поэтому наука была названа «геометрией» (землемерие). Но и исследование небесных явлений, в котором также был сведущ Пифагор, не остается у них в небрежении. Действительно, представляется, что все его геометрические теоремы происходят из Египта, а теоремы о счете и числах, как говорят, изобретены финикийцами. Учения о небесных явлениях некоторые равно относят и к египтянам, и к халдеям. (159) Пифагор, как говорят, заимствовав все это и умножив знания, развил их и вместе с тем ясно и стройно изложил своим ученикам.

Действительно, он первым придумал название «философия» и сказал, что она есть стремление, как бы любовь к мудрости, а мудрость есть знание истины, заключенной в сущем. Сущее он признавал и говорил, что оно нематериально, вечно и что только оно деятельно, — такими признаками обладают лишь бестелесные вещи. Далее, материальные и телесные виды, называющиеся похожим именем существующих, по причастности к сущему, подвержены рождению и гибели и никогда не являются истинно сущими. Мудрость же есть знание о собственно сущем, а не о соименных ему подобиях, поскольку телесные вещи непознаваемы и не дают точного знания, как лишенные предела и не доступные познанию и как бы вовсе не существующие соответственно их отличию от целостности и соответственно их неспособности получить ясное определение. (160) Невозможно получить знание о вещах по природе непознаваемых. Следовательно, следует стремиться не к знанию о несущественном, но скорее к знанию об истинно-сущем, всегда неизменном и постоянном и существующем одновременно с понятием «существование». Обычно постижение существующих вещей сопровож-

дается постижением соименных им сущностей, даже если не делать этого специально, как постижение частичного связано с постижением общего. «Поэтому, — говорит Архит, — кто хорошо постиг общее, тот сможет хорошо рассмотреть и частности, что они собой представляют». Поскольку существующие вещи не являются едиными, однородными и простыми, они сразу представляются в разнообразных и многочисленных видах: как мысленные и бестелесные виды, которые называются сущим, и как телесные и доступные восприятию, которые участвуют в истино сущем. (161) Обо всем этом он передал точнейшие знания и ничего не оставил неисследованным. Он передал людям общие знания, как, например, искусство демонстрации, определения и различения, как можно понять из пифагорейских сочинений. Он обычно возвещал предельно короткими изречениями в символической форме своим ученикам грандиозные и разветвленные рассуждения, подобно тому как Аполлон и сама природа, первый — добрыми словами, вторая — при помощи малых по величине семян, являют нескончаемое и труднопостижимое обилие мыслей и сотворенных вещей. (162) Например, такое изречение самого Пифагора: «Начало — половина всего»[155]. Не только в этом полустишии, но и в других, подобных, божественнейший Пифагор заключил искру истины для способных разжечь ее, утаив за краткостью речи необозримый и огромный размах умозрения. Или такой пример: «Все приличествует числу», — изречение, которое он очень часто произносил перед всеми. Или: «дружба есть равенство»[156], или слово «космос»[157], или, в самом деле, слово «философия», а также понятие «существование»[158], или[159], или прославленное понятие «четверица». Все эти и многие другие образы и

стихи Пифагор придумал для пользы и исправления учеников, и те, кто понимал его слова, так чтили и боготворили их, что для общины учеников они стали формой клятвы:

Именем клятву даю открывшего нам четверицу,
Неиссякаемой жизни источник.[160]

Вот каким удивительным было это проявление его мудрости.

(163) Из наук, почитаемых пифагорейцами, как говорят, на первом месте были музыка, врачевание и ведовство. Они были молчаливы и послушны, и у них вызывал одобрение тот, кто умел повиноваться. Из медицины они более всего принимали то, что касается образа жизни, и этот вопрос у них был подробно разработан, и прежде всего старались найти определения правильного соотношения питья, еды и отдыха. Поэтому они едва ли не первыми занялись вопросами питания и стали определять порядок приготовления пищи. В большей степени, чем их предшественники, пифагорейцы применяли мази, но применение лекарств одобряли меньше и использовали их главным образом для лечения гнойных ран, а хирургия и прижигания у них были менее всего в употреблении. (164) При некоторых болезнях они произносили заклинания.

Они считали, что музыка также очень благотворно действует на здоровье, если заниматься ею подобающим образом.[161] Для исправления души они применяли также избранные стихи Гомера и Гесиода.[162] Они думали, что нужно удерживать и сохранять в памяти все, чему учат, и все, что было сказано, и что нужно до тех пор готовить себя в соответствии с обучением и лекциями, пока это позволяет способность восприятия

и запоминания, потому что именно этой способностью человек познает и ею хранит познанное. По крайней мере, они высоко ценили память, очень упражняли ее и уделяли ей много внимания. В учебе они не оставляли то, что им преподавалось, пока не усваивали твердо элементарные знания, и каждый день они перебирали в памяти сказанное следующим образом. (165) Пифагореец не вставал с постели до тех пор, пока не вспоминал все случившееся накануне. Он совершал эту процедуру следующим образом. Он пытался восстановить мысленно, сначала что он сказал, или услышал, или какое приказание, встав после сна, отдал домашним, и что было вслед за этим, а что — еще позже, и свои следующие поступки он оценивал таким же образом. И опять вспоминал, кого первого он встретил, выйдя из дома, кого второго и что было сказано сначала, что потом, и что еще позже. И о других событиях вспоминал точно так же. Он пытался восстановить в памяти все случившееся за целый день, стремясь припоминать в том порядке, в каком произошло каждое событие. Если свободного времени после сна у него было больше, чем обычно, он пытался припомнить таким же образом, что произошло позавчера. (166) И более всего они старались развивать память, так как ничто так не содействует приобретению знаний, опыта и рассудительности, как память.

Благодаря этим занятиям всю Италию наводнили философы, и Италия, прежде безвестная, впоследствии благодаря Пифагору стала называться Великой Грецией, и многие в ней стали философами, поэтами и законодателями. Написанные ими учебники по риторике, торжественные речи и законы были принесены в Элладу. И если упоминают натурфилософов, то прежде всего, как правило, называют Эмпедокла

и Парменида из Элеи[163], а если хотят привести какие-либо сентенции о жизни, то приводят сентенции Эпихарма[164], и почти все философы знают их наизусть. Вот что мы сказали о мудрости Пифагора, о том, как он в высшей степени побуждал к ней людей, и насколько каждый мог приобщиться к ней, и о совершенстве его учения.

ГЛАВА XXX

(167) Мы лучше всего поймем, как Пифагор соблюдал справедливость и учил ей людей, если рассмотрим ее первоосновы и подумаем, от каких причин она возникает, а также если поймем первопричину несправедливости. А вслед за тем мы узнаем, как Пифагор остерегался несправедливости и способствовал тому, чтобы наилучшим образом осуществлялась справедливость. Итак, основа справедливости — общность и равенство, а также представление о том, что единство одного тела и одной души дает всем единство переживаний, когда одним словом называют свое и чужое, как свидетельствует и Платон, заимствовав эту мысль у пифагорейцев[165]. (168) Итак, Пифагор сделал это лучше всего из смертных, полностью изгнав из обычаев все частное и укрепляя общее вплоть до самых последних мелочей, которые бывают причиной раздора и смятения. Ведь у всех них все было общим и одинаковым, и никто ничем не владел отдельно. И если кто-либо был доволен общиной, он пользовался общим добром самым справедливым образом, а если нет, то, забрав свое имущество, и даже больше того, что внес в общее достояние, он уходил. Так, исходя из первоначала, Пифагор наилучшим образом установил справедливость.

Далее, к справедливости ведет чувство родства с людьми, а отчуждение и презрение к общему роду вселяет несправедливость. Поэтому, желая еще более внушить людям это родственное чувство, он ставил людей в один ряд с родственными им животными, призывая считать их сородичами и друзьями, ни в чем не чинить им обиды, не убивать и не употреблять их в пищу. (169) Раз он сблизил людей с животными, ибо их тела состоят из тех же самых элементов, что и наши, и они участвуют в общих основах жизни вместе с нами, то насколько больше он установил общность тех, кто имеет однородную и разумную душу! Из этого ясно, что он установил справедливость, происходящую из самого главного начала.

Поскольку недостаток средств иногда заставляет многих действовать вопреки справедливости, Пифагор хорошо предусмотрел также и это обстоятельство, обеспечив себе ведением хозяйства такие средства, какие должны быть, достаточные для расходов свободного человека. И, кроме того, порядок в доме — основа благополучия в полисах в целом, так как полисы состоят из домохозяйств. (170) Поэтому говорят, что сам Пифагор, получив в наследство имущество Алкея, умершего после посольства в Лакедемон, не менее, чем философией, вызывал удивление своим умением управлять хозяйством. Свою дочь, родившуюся у него после женитьбы, которая впоследствии была выдан замуж за кротонца Мемнона, он воспитал так, что до замужества она была первой в хороводе девушек, а став замужней женщиной, первой подходила к алтарям. Жители Метапонта, сохранявшие память о Пифагоре и в последующие времена, его дом как храм посвятили Деметре, а переулок, где он стоял, стал

святилищем Муз. (171) Поскольку высокомерие, роскошь и презрение к законам часто приводят к несправедливости, Пифагор каждый день призывал помогать закону и воевать с беззаконием. Поэтому он установил такую последовательность: первым из зол проникает в дома и города роскошь, вторым — высокомерие, третьим — погибель. Поэтому он призывал всячески противодействовать роскоши и отвергать ее и с рождения приучать себя к тому, чтобы жить благоразумно и достойно мужчины и не осквернять себя никаким злословием, выражающим негодование, воинственность, брань, грубость и насмешку. (172) Кроме того, он прочно утвердил другой вид справедливости, законодательный, который предписывает, что нужно делать, и запрещает то, что делать не нужно. Он выше судебного вида справедливости, так как последний подобен искусству врачевания и исцеляет больных, а первый с самого начала не позволяет болеть и заблаговременно печется о душевном здоровье. Этим объясняется то обстоятельство, что самые лучшие законодатели были учениками Пифагора: сначала Харонд из Катаны, затем Залевк и Тимарат[166], написавшие законы локрийцам, а еще Теэтет, Геликаон, Аристократ и Фитий, ставшие законодателями в Регии. Все эти законодатели удостоились от сограждан почестей, подобающих богам. (173) Не так, как Гераклит, который сказал, что напишет для эфесцев законы, и постановил, чтобы граждане поголовно были повешены, — нет, они брались устанавливать законы с большой мудростью и знанием общественных дел. Нужно ли удивляться этому? Ведь они получили образование и воспитание как свободные люди. Фракиец Замолксис, который был рабом Пифагора и стал его учеником, получив свободу и вернувшись к гетам, установил для

них законы, как мы говорили в начале[167], и вселил мужество в сограждан, убедив их, что душа бессмертна. Еще и поныне все галлы, траллии и многие варвары внушают своим сыновьям, что душа не разрушается и сохраняется после смерти и что нужно не бояться смерти и противостоять опасностям. За то, что Замолксис научил этому гетов и дал им законы, он считается у них величайшим богом. (174) Далее, Пифагор считал, что власть богов более всего полезна для установления справедливости, и на этой власти он построил государственность, законы, справедливость, правосудие. Не лишним будет рассказать и о том, как он определял каждое из этих понятий. Думать о божестве, что оно существует и что его отношение к человеческому роду таково, что оно взирает на людей и не оставляет их в небрежении, — это представление, усвоенное от Пифагора, пифагорейцы считали полезным. Ведь мы нуждаемся в таком руководстве, которому не всякий осмелится противиться. Такова власть, происходящая от божества, если божество достойно власти над миром. Пифагорейцы были правы, когда говорили, что живое существо по природе дерзко и непредсказуемо в своих порывах, влечениях и остальных страстях. Значит, оно нуждается в чьем-либо превосходстве и такой угрозе, от которых исходят благоразумие и порядок. (175) Они считали, что никто не должен забывать о благочестии и служении божеству, сознавая неоднородность своей природы, и каждый всегда должен помнить о том, что божество взирает на людей и наблюдает за их поведением. После богов и демонов наибольшее значение они придавали родителям и закону и готовили себя не к притворному, а к сознательному послушанию им.[168] Вообще они считали, что нужно признать, что нет большего зла, чем анархия, ибо

человек по природе не способен выжить, если над ним нет руководителя. (176) Эти мужи считали правильным сохранять верность отеческим нравам и обычаям, даже если они были в чем-то хуже других. Никоим образом не может быть полезным или спасительным, если с легкостью отвергнуть существующие законы ради собственных нововведений. Пифагор также во многих других поступках проявил благочестие в отношении богов, доказывая согласие своей жизни со своими словами. Стоит упомянуть об одном деянии, которое поможет объяснить все остальные. (177) Я расскажу о том, что сказал и сделал Пифагор, когда посольство прибыло из Сибариса в Кротон, чтобы потребовать выдачи беглых рабов. Близкие ученики Пифагора были убиты участниками посольства (один был убийца, а другой — сын одного из участников мятежа, позже умершего от болезни). Поскольку сограждане (кротонцы) все еще раздумывали, как поступить, то Пифагор сказал ученикам, что он не хотел бы, чтобы у него были большие разногласия с кротонцами, и как он не одобряет принесение в жертву животных, то так же он считает, что эти люди не имеют права отрывать умоляющих о защите от алтарей. Когда же послы из Сибариса подошли к нему и стали упрекать его, Пифагор сказал убийце, который и выражал это недовольство, что он не будет прорицать ему.[169] Поэтому его обвиняли в том, что он утверждал, будто он — Аполлон. Точно так же и раньше, когда кто-то хотел знать и спросил, почему это так происходит, он ответил вопросом: «Подобает ли Аполлону, когда он дает оракул, объяснять его?» (178) Другой участник посольства, высмеивая, как ему казалось, рассуждения, в которых Пифагор доказывал возвращение душ, сказал, что даст ему письмо отцу, когда Пифагор

соберется отправиться в подземное царство, и попросил его взять ответное письмо, когда тот будет возвращаться от отца. Пифагор сказал ему, что не собирается отправляться в места для нечестивых, где, как он ясно знал, наказывали убийц. Когда послы стали бранить его, он пошел в сопровождении многих людей к морю и совершил омовение. Тогда один из членов совета сказал кротонцам, раскритиковав послов во всех прочих отношениях, что они к тому же потеряли рассудок, оскорбляя Пифагора, о котором ни одно живое существо не осмелилось бы сказать ничего плохого, даже если бы все живые существа говорили на том же языке, что и люди, как это было вначале согласно мифам. (179) Пифагор нашел и другой способ отвращать людей от несправедливости — посредством веры в суд над душами. Он знал, что то, что об этом говорят, происходит в действительности и что напоминать о нем полезно для страха перед несправедливостью. Он заявлял, что гораздо лучше претерпеть несправедливость, чем убить человека (ибо суд совершается в Аиде), если подумать о душе, ее сущности и первой природе существующих вещей.[170] Желая показать, что в неравных, непропорциональных и неопределенных вещах справедливость определенна, равна и пропорциональна, и желая дать наставление, как ее следует соблюдать, Пифагор сказал, что справедливость подобна той единственной геометрической фигуре, которая обладает бесчисленными вариантами комбинаций фигур, различно расположенных друг относительно друга, с одним и тем же значением квадратного корня[171]. (180) Поскольку справедливость присутствует и в общении с другим человеком, то пифагорейцы, как говорят, передавали такой способ наставления в справедливости. В общении одно уместно, а

другое неуместно, и это различие определяется возрастом, достоинством, степенью родства, обязательствами и другими различиями, которые бывают между людьми. Ибо есть род общения, который не кажется неуместным между молодыми людьми, но недопустим по отношению к старшему. В отношении младшего к старшему неуместны гнев, угрозы и дерзость, и младшему при общении со старшим следует остерегаться всякого неуместного поведения такого рода. То же самое можно сказать и о достоинстве. (181) С человеком, достигшим добронравием истинного достоинства, не является приличной или уместной фамильярность или что-либо другое, о чем только что шла речь. Подобные предписания касались также общения с родителями и благодетелями. Выбор подходящего времени сложен и разнообразен. Ведь одни сердятся и гневаются вовремя, а другие — не вовремя, и так же из тех, кто стремится к чему-либо или желает чего бы то ни было, одним выпадает удачный момент, а другим — неудачный[172]. То же можно сказать обо всех прочих страстях, поступках, настроениях, отношениях, встречах. (182) Сама же уместность в некоторой степени может быть объектом наставления и ожидания и допускает систематическое изложение, но если говорить прямо и в целом, то ничто из этого к ней не относится. Согласуются с природой уместного и близко сопутствуют ей понятия срока, подобающего, соответствия и всего, что еще можно найти однородного с ними. Пифагорейцы утверждали, что первооснова — один из самых почитаемых принципов во всех вещах, будь то наука, или практика, или род, а также домашнее хозяйство, государство, армия или любые подобные им организации. Но природа первоосновы во всех названных понятиях с трудом поддается рас-

смотрению и оценке. В науках только незаурядный ум способен, глядя на части работы, понять их начало и составить о нем суждение. (183) Имеет большое значение и важно для всей работы в целом правильно постичь начало, ибо ничего, говоря прямо, не возникнет из этого разумного, если истинное начало останется непознанным. То же самое касается и начала в другом смысле. Никогда не будет порядка ни в доме, ни в государстве, если они не признают добровольно начальство истинного повелителя и руководящую власть и господство. Власть возникает при желании обеих сторон, равно правителя и подчиненного. Также они говорили, что обучение осуществляется правильно при добровольном желании обеих сторон, учителя и ученика Если один из них будет когда-либо противодействовать, намеченное дело не может быть выполнено надлежащим образом. Итак, Пифагор считал правильным повиновение властителям и послушание учителям. Он убедительно подтвердил это своими делами следующим образом. (184) Он приехал из Италии на Делос к Ферекиду Сиросскому, который был его учителем, когда тот заболел так называемой вшивой болезнью, чтобы ухаживать за ним и похоронить его. Он оставался при нем вплоть до его кончины и исполнил религиозные обряды в честь покойного наставника. Вот как ревностно он заботился о своем учителе.

(185) Что касается договоров и честного их соблюдения, то Пифагор так хорошо учил этому своих учеников, что рассказывают следующее. Однажды Лисид помолился в храме Геры и, выходя, встретил сиракузянина Эврифама, с которым вместе слушал Пифагора, когда Эврифам входил в храм богини. Эврифам попросил подождать, пока он выйдет после молитвы, и Лисид сел на стоявшее там каменное сиденье.

Но когда Эврифам помолился, он погрузился в глубокое размышление и, забыв о просьбе, вышел через другие двери. Лисид провел неподвижно оставшуюся часть дня, ночь и большую часть следующего дня. Может быть, он оставался бы там и дольше, если бы Эврифам не пришел на следующий день в пифагорейскую школу и не вспомнил о нем, услышав, что товарищи спрашивали, почему его нет. Вернувшись, он застал Лисида в ожидании, как и было условлено, и увел его с собой, объяснив причину своей забывчивости, и добавил: «Кто-то из богов на меня ее наслал, чтобы проверить твою верность договору». (186) Пифагор запрещал употребление в пищу живых существ по многим другим причинам, но главным образом как средство миротворчества. Ведь если люди станут гнушаться убийства животных как беззаконного и противоестественного, то, сочтя убийство человека еще более нечестивым, они не будут воевать. Война совершает и оправдывает убийство, так как убийством она существует. Предписание «не перешагивай через весы» есть призыв к справедливости, предписывающий все совершать справедливо, как будет показано, когда речь пойдет о символах[173]. Итак, из всего сказанного ясно, что Пифагор и на словах, и на деле очень старался быть справедливым и передать это людям.

ГЛАВА XXXI

(187) За рассказом о справедливости Пифагора последует рассказ о его благоразумии — в чем оно выражалось и как он передал его ученикам. Уже упоминались общие наставления относительно благоразумия[174], в которых предписывалось отсекать огнем и железом всякую несоразмерность. Такого же

рода требования воздерживаться от употребления в пищу одушевленных существ и от употребления некоторых видов пищи, вызывающих неумеренность, и обычай подавать при трапезах изысканные и дорогие яства, а затем отдавать их рабам только для того, чтобы умерить страсть к ним, и дозволение носить золотые украшения одним гетерам, но не благородным женщинам, и поддержание ума бодрым и свободным от того, что этому мешает. (188) Кроме того, к этой же добродетели следует отнести также словесную сдержанность и полное молчание, которые способствуют владению языком; и напряженное и неустанное постижение и изучение труднейших основоположений, и поэтому воздержание от вина, умеренность в пище и сне, неподдельное отвращение к славе, богатству и подобным вещам; искреннее уважение к старшим, неподдельное чувство близости и дружелюбие в отношении ровесников, безотказное участие и поощрение в отношении младших, и все прочее такого рода. (189) Из того, что рассказывают Гиппобот и Неант о пифагорейцах Миллии и Тимихе[175], можно понять благоразумие этих мужей и как им внушил его Пифагор. Они рассказывают, что правитель Дионисий, хотя и сделал все возможное, не добился дружбы ни одного из пифагорейцев, потому что они остерегались и сторонились его единовластия и беззакония. Он послал отряд в тридцать человек под предводительством сиракузянина Эвримена, брата Диона[176], навстречу пифагорейцам, чтобы устроить им засаду, когда они совершали свой обычный переход в положенное время из Тарента в Метапонт, так как они соответственно смене времен года выбирали для этого подходящие места. (190) В Фанах, ущелье близ Тарента, через которое лежал их путь, Эврименн устроил

8 – 6132

засаду, спрятав большую часть отряда. Когда ничего не подозревавшие пифагорейцы в полдень пришли к этому месту, воины, подняв военный крик, напали на них как разбойники. Пифагорейцы испугались и были приведены в смятение внезапностью нападения и большим числом воинов (самих их было около десяти). Так как они были бы захвачены, если бы сражались безоружные с хорошо вооруженными воинами, они решили спастись бегством, не считая это противным добродетели. Ведь они знали, что мужество — это знание того, чего следует избегать, а что следует терпеть, как этого требует разум. (191) И беглецы уже были близки к спасению (ведь воины Эвримена с тяжелым оружием отстали, преследуя их), если бы не очутились на каком-то поле, засеянном бобами, которые как раз цвели. Не желая нарушить заповедь, предписывающую не касаться бобов, они остановились и были вынуждены обороняться от преследователей камнями, палками и чем попало до тех пор, пока они не отбили их, убив одних и ранив многих других. Но все же воины убили их всех, никого не взяли в плен живым, и за эти бобы они с радостью встретили смерть соответственно заповедям школы. (192) Эвримен и его воины были в большом смущении, что они не могли привести ни одного живого к Дионисию, который для этого их и посылал. Итак, насыпав над погибшими земли и устроив там кладбище героев, воины пошли домой. Затем им встретились кротонец Миллий и лаконянка Тимиха, его жена, отставшие от всех, потому что Тимиха была уже на последнем месяце беременности и шла медленно. Обрадовавшись, что их можно взять живыми, воины содержали их под стражей очень бережно и заботливо и привели к Диониию. (193) Узнав о случившемся, он очень

опечалился и сказал: «Но вы за всех получите от меня заслуженные почести, если будете моими соправителями». Но когда Миллий и Тимиха на все его обещания ответили отказом, Дионисий сказал: «Объясните мне хотя бы одну вещь, и вы выйдете на свободу с подобающей охраной». Когда Миллий спросил, что хочет знать Дионисий, тот сказал: «То, почему твои товарищи предпочли умереть, чем наступить на бобы». На что Миллий тотчас ответил: «Они претерпели смерть, чтобы не наступить на бобы, я же предпочту скорее наступить на бобы, чем сказать тебе, почему они это сделали». (194) Пораженный его ответом, Дионисий приказал отдать его под стражу, а Тимиху пытать (он думал, что беременная женщина, и к тому же изолированная от мужа, легче выдаст тайну из страха перед пытками), но благородная женщина, стиснув язык зубами, отгрызла его и выплюнула в лицо тирану, показав, что если ее женская природа, побежденная пытками, будет вынуждена открыть что-либо из того, что держат в тайне, то орудие этого она отбросила от себя. Вот как не любили пифагорейцы вступать в дружеские отношения вне школы, даже если это были отношения с царями. (195) Подобные предписания были у них и относительно молчания, способствующего умеренности в поведении. Ведь владение языком — самый трудный вид самоконтроля. Именно благоразумие побудило Пифагора внушить кротонцам воздержание от нечестивых и незаконных связей с наложницами, а также исправление музыкой, с помощью которой Пифагор привел к благоразумию безумного от любви юношу.[177] К той же добродетели относится заповедь не поддаваться высокомерию. (196) Все это предписал ученикам Пифагор, и первооткрывателем этого был он сам. Они всегда обращали

внимание на то, чтобы тело было в одном и том же состоянии: чтобы не было так, что оно то сморщивается, то делается тучным, так как они считали это свидетельством беспорядочного образа жизни. То же самое касается образа мыслей: они не были то веселы, то унылы, но постоянно пребывали в спокойной радости. Они избегали гнева, уныния и беспокойства, и у них была заповедь, что никакое человеческое несчастье не должно быть неожиданностью для разумного существа, но следует ожидать всего, над чем сами они не властны. Если же ими когда-либо овладевал гнев, печаль или что-то другое в этом роде, то они уходили прочь, и каждый наедине с собой старался сдержать и излечить это состояние души. (197) О пифагорейцах говорят и такое: никто из них в гневе не наказывал рабов и не наставлял свободного человека, но каждый ждал, когда восстановится душевное спокойствие (вразумление они называли «настройкой»), и они восстанавливали душевное спокойствие молчанием и спокойствием. Во всяком случае, Спинтар часто рассказывал об Архите из Тарента такой случай: после длительной отлучки он вернулся в свое имение, как только закончился поход, который город предпринял против мессапов, и когда увидел, что управляющий и другие рабы плохо работали и совершенно обленились, то, придя в ярость и гнев, как и любой другой в таком случае, он сказал им, как представляется, только вот что: им повезло, что он на них рассердился, и если бы не это, они бы не остались безнаказанными после такого проступка. (198) Спинтар говорил, что и о Клинии рассказывали нечто подобное, ибо он тоже откладывал все увещания и наказания до тех пор, пока не восстановит спокойствие души. Пифагорейцы чуждались жалоб, слез и по-

добных вещей, и ни корысть, ни стремление к чему-либо, ни гнев, ни тщеславие, ни что-либо другое в таком роде не становились причиной раздора, но все они относились друг к другу так, как заботливый отец относится к детям.

У них также был замечательный обычай приписывать все Пифагору и нисколько не присваивать себе славы первооткрывателей, кроме, может быть, нескольких случаев. И действительно, про очень немногих пифагорейцев известно, что они были авторами сочинений. (199) Замечательно также и их упорство в неразглашении учения: за столько лет до поколения Филолая, как представляется, никто не столкнулся ни с одним пифагорейским сочинением. Филолай первым из пифагорейцев опубликовал три нашумевшие книги, которые, как говорят, Дион из Сиракуз купил за сто мин по указанию Платона, когда Филолай впал в крайнюю нужду (Филолай принадлежал к пифагорейскому братству и поэтому был знаком с их книгами). (200) О славе они, как говорят, высказывались так. Неразумно обращать внимание на любое мнение всякого человека, и особенно если это мнение большинства. Хорошо понимать и судить дано немногим. Ясно, что это могут делать лишь знающие люди, а таких немного, так что понятно, что на многих эта способность не может распространяться. Но неразумно и презирать любые соображения и мнения, ибо может оказаться, что тот, кто так настроен, невежествен и неисправим. Незнающему необходимо учиться тому, чего он не понимает и не знает, а тому, кто учится, необходимо обращать внимание на понимание и мнение знающего и способного научить, (201) и, говоря в целом, необходимо, чтобы юноши, которые хотят быть благополучными, обращали внимание на соображения и мнения старших и проживших

хорошую жизнь. В человеческой жизни в целом есть определенные возрастные этапы (говоря их словами), которые обычному человеку невозможно сочетать друг с другом. Эти периоды находятся в конфликте друг с другом, если никто не руководил человеком благородно и правильно с рождения. Поэтому необходимо, чтобы благородное, благоразумное и подобающее мужчине воспитание ребенка переходило в большей своей части юношескому возрасту, так же как и забота о юноше и его воспитание, если они благородны, достойны мужчины и благоразумны, переходили бы в большей части взрослому возрасту, поскольку то, что происходит с большинством людей, нелепо и смешно. (202) Люди думают, что детей нужно приучать к порядку и благоразумию, а также к уклонению от всего, что считается грубым и постыдным; а когда дети становятся юношами, то они получают свободу, по крайней мере у многих, делать все, что они захотят. В этом возрасте бывает неправильное поведение и того, и другого рода, ибо юноша совершает многие и детские, и взрослые ошибки. Избегать всякого усилия и порядка, попросту говоря, гоняться за разного рода забавами, шалостями и ребяческими дерзостями в высшей степени свойственно детскому возрасту. Поэтому такое настроение из этого возраста переходит в юношеский. А сильные желания, так же как и честолюбие и прочие порывы и состояния угнетенности и смятения, приходят в юношеский возраст из зрелого. Поэтому юношеский возраст, по сравнению с другими возрастами, требует наибольшего внимания. (203) Говоря в целом, никогда не нужно позволять человеку делать все, что он захочет, и всегда должны быть законные и пристойные руководство и власть, которым будет послушен каждый гражда-

нин. Ведь живое существо, оставленное в одиночестве и пренебрежении, быстро впадает в порочность и низость. Говорят, что они часто спрашивали и обсуждали вопрос, почему мы привыкли давать пищу детям своевременно и в умеренном количестве и почему считаем своевременность и умеренность для них полезными, а противоположные качества, беспорядочность и неумеренность, вредными (вот почему более всего порицают пьяниц и обжор). Ведь если ничто из этого не значимо для нас в зрелом возрасте, нет смысла приучать нас к такому порядку в детстве. То же самое касается и других привычек. (204) Но у домашних животных ничего подобного не наблюдается. Напротив, с самого начала и щенка, и жеребенка приучают к тому, что им нужно будет делать тогда, когда они вырастут. В целом говорили, что пифагорейцы призывали тех, кто общался с ними, и тех, кто вступал в их сообщество, остерегаться наслаждения, если вообще что-либо заслуживает осторожности, ибо ничто не обманывает нас и не ввергает в заблуждение так, как страсть к наслаждениям. Вообще, как представляется, они старались никогда ничего не делать ради наслаждения (ибо эта цель во многом постыдна и вредна), но поступать во всем, имея в виду, во-первых, прекрасное и благопристойное, а затем полезное, а такой выбор требует неординарного решения. (205) О так называемой телесной страсти, как говорят, эти мужи рассуждали так. Сама страсть есть некая устремленность души, порыв, стремление либо к некому удовлетворению, либо к наличию определенного ощущения, либо к настроению, отражающему состояние чувств. Но бывает страстное желание и противоположных вещей, например, желание опорожнения, отсутствия ощущения или нежелание воспринимать

некоторые вещи. Это состояние души сложно и, пожалуй, наиболее разнообразно из всех человеческих чувств. Но большую часть страстей люди приобрели и развили сами, и поэтому это состояние души требует величайшего внимания и заботы и незаурядной физической подготовки. Ведь желание пищи после опорожнения тела естественно, как и естественно, наоборот, желать после наполнения соответствующего опорожнения. Желание же излишней пищи, или бесполезной и роскошной одежды и постели, или бесполезного, дорогого и роскошно отделанного жилья есть желание приобретенное. То же касается обстановки, утвари, слуг и животных, употребляемых в пищу. (206) Вообще, почти из всех человеческих страстей желание таково, что оно ни на чем не останавливается и уводит в бесконечность. Поэтому с самого раннего детства подрастающее поколение должно быть предметом заботы, чтобы дети желали того, что следует, остерегались пустых и бесполезных желаний, оставались безмятежными и свободными от подобного рода стремлений и презирали то, что заслуживает презрения, и тех, кто запутался в этих страстях. Особенно заметны напрасные, пагубные, бесполезные и дерзкие стремления, исходящие от людей, находящихся у власти, и нет ничего столь нелепого, к чему не устремлялась бы душа этих детей, мужчин и женщин. (207) Вообще в человеческом роде существует огромное разнообразие всевозможных желаний. Об этом ясно свидетельствует разнообразие пищи: безгранично множество плодов и корней, которые употребляет в пищу человеческий род. Более того, употребляется в пищу и разнообразное мясо, и трудно найти на суше, в воде и в воздухе такое животное, мясо которого не отведывал бы человек. Для этого придуманы все-

возможные способы приготовления пищи и самые разные способы сочетания вкусов. Поэтому человеческий род действительно склонен к разным формам безумия, отражающим душевные порывы. (208) Ведь каждый вид пищи вызывает определенное состояние души. Но люди замечают лишь то, что сразу оказывается причиной перемены душевного состояния, как, например, вино: выпитое в большом количестве, до известного предела оно вызывает веселье, а затем делает людей безумными и безобразными. А того, что не проявляет такого воздействия, люди не замечают. Между тем, все, что употребляется в пищу, вызывает определенное состояние души. Поэтому лишь обладающие большой мудростью могут понять и увидеть, что и в каком количестве нужно употреблять в пищу. Это знание было вначале у Аполлона и Пеана, а затем у учеников Асклепия. (209) Что касается деторождения, то они, как говорят, утверждали следующее. Вообще они считали нужным предостерегать против того, что называется преждевременным плодом (ведь ни у растений, ни у животных такие плоды не бывают зрелыми), и до плодоношения должно пройти некоторое время, чтобы семена и плоды произошли из сильных и совершенных тел. Поэтому нужно, чтобы мальчики и девочки воспитывались в трудах и в физических упражнениях и соответствующей выносливости и получали пищу соответственно своей трудовой, благоразумной и терпеливой жизни. В человеческой жизни есть многое такое, что лучше узнать позже, и сюда относятся любовные наслаждения. (210) Поэтому подросток должен воспитываться так, чтобы не стремиться к такой близости до двадцати лет, а достигнув этого возраста, заниматься этим, но редко, и в том случае, если физическое здоровье признается

достойным и прекрасным, ведь невоздержанность и здоровье в одном человеке несовместимы. Из тех обычаев, которые существовали еще раньше в греческих городах, пифагорейцы, как говорят, хвалили такие, которые запрещали сходиться с матерью, дочерью и сестрой или делать это в храме и открыто, так как хорошо и полезно, если для проявлений этой страсти существует как можно больше препятствий. Эти мужи, как представляется, полагали, что следует предотвращать рождение, противное природе, или рождение в результате насилия, а из тех, кто произведен полноценным и благоразумно, оставлять лишь таких, кто рожден в результате осмысленного и законного деторождения. (211) Они считали, что родители должны многое предусмотреть для своего будущего ребенка. Первая и главная предосторожность состоит в том, чтобы приступать к деторождению, ведя в прошлом и в настоящем благоразумный и здоровый образ жизни, не употребляя пищу неумеренно и несвоевременно, а также не употребляя такой пищи, от которой ухудшаются телесные свойства; не говоря о самом худшем — пьянстве, так как они считали, что от плохого, нестройного и беспорядочного смешения возникают плохие семена. (212) В общем, они полагали, что очень легкомысленно и непредусмотрительно поступает тот, кто собирается произвести на свет ребенка, дать ему рождение и существование, но не заботится самым старательным образом о том, чтобы его приход к бытию и жизни был как можно более радостным. Напротив, любители собак со всей тщательностью заботятся о них, чтобы щеночки рождались от кого нужно и когда нужно и чтобы их родители имели соответствующие качества. Точно так же поступают и любители птиц. (213) Ясно, что и те, кто занимается

разведением других животных, прилагают всяческие старания, чтобы их потомство было такое, какое надо. Люди же не принимают во внимание собственных отпрысков, производят их необдуманно и как попало, во всем поступая небрежно, а после этого кормят и воспитывают их с полным небрежением. А это самая главная и ясная причина того, что многие люди дурны и порочны, ибо многие люди производят потомство подобно животным и необдуманно. Вот какие предписания и нравы проявляли на словах и на деле в сочетании с благоразумием эти мужи, с самого начала получившие заповеди, как оракулы пифийского бога, от самого Пифагора.

ГЛАВА XXXII

(214) О мужестве уже много говорилось в этой книге, — это, например, замечательные поступки пифагорейцев в истории о Тимихе, тех, кто решился умереть, но не нарушить запрет Пифагора относительно бобов, и другие поступки, свидетельствующие о таком образе действий, а также благородные деяния самого Пифагора, которые он совершил, путешествуя повсюду один, подвергаясь тяжелым испытаниям и опасностям, приняв решение оставить родину и жить на чужбине, свергая тирании и устанавливая порядок в объятых смутой полисах, даруя им свободу взамен рабства и прекращая беззаконие, ниспровергая дерзость и препятствуя гордецам и тиранам. С одной стороны, он был кротким наставником для людей справедливых и культурных, с другой — изгонял из своего общества людей необузданных и дерзких, запрещая им давать наставления, и первым он охотно помогал, вторым же всеми силами противодействовал.[178] (215) Итак,

можно привести множество примеров таких поступков, которые часто удавались Пифагору, но самым замечательным является то, что он сказал и сделал с неотразимой откровенностью при встрече с Фаларидом[179]. Когда его держал у себя жесточайший тиран Фаларид, с ним вступил в общение мудрый муж по имени Абарид, родом из гиперборейцев. Абарид пришел ради того, чтобы беседовать с Пифагором, и задавал вопросы преимущественно о божественных предметах: о статуях богов, о правильном почитании богов, о божественном предопределении, о том, что происходит на земле и на небе, и о многом другом. (216) Пифагор, как это было в его характере, отвечал ему с большим пророческим воодушевлением и со всей правдивостью и убедительностью, так что привлек к себе слушателей. Фаларид во время этой беседы, воспылав гневом к Абариду, хвалившему Пифагора, и к самому Пифагору, осмелился произнести в адрес самих богов ужасные проклятия, которые мог позволить себе только такой муж. Абарид же поблагодарил за это Пифагора, а потом расспросил у него о том, как все управляется небесами и зависит от небес, а также от многих других вещей и от действия жертвоприношений. Абарид, не считая Пифагора, учившего о таких вещах, шарлатаном, необычайно восхищался им, как богом. В ответ на это Фаларид отверг искусство прорицания, а также священнодействия, открыто совершающиеся в храмах. (217) Абарид же перевел разговор с этих предметов на всем очевидные вещи: он ссылался на чудесную и божественную помощь в безвыходных ситуациях: в невыносимых войнах, при неизлечимых болезнях, при гибели урожая, во время мора и в подобных тяжелейших и ужасных ситуациях, и пытался убедить Фаларида, что существует

божественное провидение, превосходящее любые чаяния и силы человека. Но Фаларид и на это отвечал так же бесстыдно. Тогда Пифагор, подозревая, что Фаларид собирается предать его смерти, и вместе с тем зная, что ему не суждена смерть от Фаларида, стал говорить авторитетно. Глядя на Абарида, он сказал, что переход с неба в воздушные слои и на землю происходит от природы. (218) Он также рассказал хорошо всем известные вещи о связи всех явлений с небом и ясно показал, что у души есть свобода выбора, затем подробно рассказал о совершенной деятельности рассудка и разума. После этого он откровенно говорил о тирании, о всяческих преимуществах, приобретенных благодаря случаю, о несправедливости и всяческом человеческом корыстолюбии, убедительно разъяснив, что все это ничего не стоит. Вслед за тем он произнес боговдохновенное наставление о наилучшем образе жизни, энергично противопоставил его наихудшему, ясно раскрыл правду относительно природы души, ее способностей и состояний. Самое замечательное то, что он показал, что боги невиновны в зле и что все болезни и все проблемы физического состояния есть результат распущенности. Он раскритиковал писателей и поэтов за ту ложь, которую они говорили в мифах. Затем, изобличая Фаларида, он стал наставлять его и показал, сколь велика и обширна власть небес на примере ее проявлений. Что касается наказания по закону, то он представил множество подтверждений тому, что оно совершается правильно. Он ясно показал различие между людьми и другими живыми существами, со знанием дела рассуждал о заключенном в человеке разуме и его внешнем выражении, дал совершенное представление об уме и происходящем от него познании. (219) Он дал исключительно

полезные наставления по многим другим нравственным вопросам, связанным с ними, касающимся того, что является в жизни благом, и очень кстати добавил дополняющие их увещевания и запреты относительно того, чего не следует делать. И самое главное: он провел различие между тем, что делается по воле судьбы, и тем, что делается согласно уму, сказал много мудрых мыслей о демонах и бессмертии души. Но это уже требовало бы другой манеры изложения, а то, о чем уже говорилось, вполне в духе проявляемого им мужества. (220) Ведь если он, оказавшись в этих ужасных обстоятельствах, показал философствование с твердым рассудком, с полным самообладанием и стойко защищался в суровых обстоятельствах и если к тому, кто подвергал его опасности, он проявил самостоятельность и откровенность, то это значит, что он с полным презрением относился к тому, что считается страшным, как к вещам, не заслуживающим внимания. И если тогда, когда с обычной точки зрения ему угрожала смерть, он полностью пренебрегал ею и не обращал внимания на грозящую опасность, то, как я полагаю, ясно, что он совершенно не знал страха смерти. И еще более благородный по сравнению с этим поступок совершил Пифагор, когда он побудил свергнуть тиранию Фаларида и обуздать тирана, который принес бы непоправимые беды людям, и освободил Сицилию от жесточайшей тирании. (221) То, что именно он совершил это, подтверждают и оракулы Аполлона, гласящие, что власть Фаларида будет свергнута тогда, когда его подданные станут более могущественными, более единодушными и объединятся друг с другом, что и случилось, когда там был Пифагор, и благодаря его указаниям и наставлениям. Но еще большим доказательством служит то,

когда это произошло: именно в тот день, когда Фаларид угрожал смертью Пифагору и Абариду, он сам был убит заговорщиками. Подтверждением сказанного следует считать также то, что случилось с Эпименидом. (222) Эпименид, ученик Пифагора, когда какие-то люди собирались его убить, призвал Эриний[180] и богов-мстителей и заставил заговорщиков перебить друг друга, и так же, как представляется, и Пифагор, помогая людям по примеру справедливости и мужества Геракла, для пользы людей наказал и предал смерти того, кто поступал высокомерно и жестоко, и он совершил это посредством самих оракулов Аполлона, с которыми по своей природе он был связан с рождения. Мы сочли достойным вспомнить по этому поводу тот замечательный успех, который имело его смелое поведение. (223) Как еще одно доказательство мужества Пифагора отметим его постоянство в своем справедливом мнении, проявлявшееся в том, что он делал только то, что было ему угодно и что диктовал ему истинный разум, и ни удовольствие, ни горе, ни какое-либо другое настроение или опасность не отвращали его от этого. И его ученики предпочитали умереть, чем нарушить его заповеди. Испытав всевозможные злоключения, они сохранили свой образ мыслей неизменным и, вовлеченные во множество опасностей, они никогда не изменяли учению Пифагора. Постоянно звучали у них призывы «закону всегда помогать и с беззаконием воевать»[181], отвергать и гнать от себя роскошь, и с рождения приучать себя к разумному и достойному мужчины образу жизни. (224) У них были мелодии, сочиненные для разных душевных состояний. Одни мелодии предназначались как самое действенное средство против уныния и терзаний, другие также против раздражения

и гнева.[182] С помощью этих мелодий они усиливали эмоции или ослабляли их до умеренного состояния и делали их соразмерными мужеству. Более всего укрепляло благородство их натуры убеждение, что никакое человеческое несчастье не должно быть неожиданностью для разумного существа, но следует ожидать всего, над чем сами они не властны. (225) Если же ими когда-либо овладевал гнев, печаль или что-то другое в этом роде, то они уходили прочь, и каждый наедине с собой мужественно старался сдержать и излечить это состояние души.[183] Благородны также были усилия пифагорейцев в познании и ученых занятиях, и испытания свойственной всем от природы невоздержанности и жадности, и разнообразные способы сдерживания и подавления их, неумолимо действующие огнем и железом, требующие большого напряжения и терпения. Поэтому они благородно воздерживались от употребления в пищу любого мяса живых существ и от некоторых других видов пищи[184], поэтому поддерживали ум бодрым и свободным от того, что этому мешает, и поэтому словесная сдержанность и полное молчание, которые способствовали владению ими языком в течение многих лет, воспитывали в них мужество. Также у них было в обычае напряженное и неустанное постижение и изучение труднейших основоположений и поэтому воздержание от вина, умеренность в пище и сне, неподдельное отвращение к славе, богатству и подобным вещам.[185] (226). Все это воспитывало в них мужество. Эти мужи, как говорят, чуждались жалоб, слез и подобных вещей.[186] Воздерживались они и от молений, просьб и подобной рабской лести, считая это трусостью и малодушием. Этим же их качеством следует объяснить то обстоятельство, что самые главные и основополага-

ющие принципы все они всегда хранили в тайне, строго не допуская посторонних к своему учению и храня его в памяти, незаписанным, чтобы не предавать огласке, и передавали его преемникам, как таинства богов. (227) Поэтому долгое время широко не разглашалось ничего достойного упоминания, и то, что преподавалось и изучалось, было известно лишь в стенах школы. В присутствии посторонних, так сказать непосвященных, если это и случалось, то они объяснялись друг с другом инсказательно, посредством символов, следы которых до нашего времени сохранились в известных выражениях, например, «огня ножом не разгребать» и тому подобных, которые в буквальном смысле напоминают старушечьи наставления, а после разъяснения удивительно полезны тому, кто их понял. Но самой главной заповедью относительно мужества является конечная цель пифагорейцев (228) — защитить и освободить от стольких темниц и оков плененный с рождения ум, без которого никто вообще не может познать ничего разумного, ничего истинного и не может ничего воспринять посредством какого-либо чувства. Ведь, по их словам, «ум все видит и слышит, а остальное глухо и слепо». Вторая по значению заповедь такая: прилагать все усилия к тому, чтобы ум наконец очистился и всячески подготовился таинствами наук, и тогда приобщить его к полезному и божественному учению, внедрив в него знания, чтобы ум не боялся отвлекаться от телесных предметов и чтобы, ведомый к бестелесным предметам, не отводил бы от них взгляда из-за их слишком яркого блеска и не обращался бы к страстям, пригвоздившим душу к телу, и чтобы он вообще был недосягаем для всех чувственных и низменных страстей. Ведь укрепление духа в этих страстях и возвышение над

9 – 6132

ними было проявлением совершенного мужества. Итак, пусть все сказанное будет для нас свидетельством мужества Пифагора и пифагорейцев.

ГЛАВА XXXIII

(229) Пифагор исключительно ясно учил согласию всех со всеми: богов с людьми — через благочестие и умелое им служение, основоположений — друг с другом, и вообще души с телом и разумной ее части с неразумными — через философию и согласное с ней умозрение, людей — друг с другом: сограждан — через разумное соблюдение законов, иноплеменников — через соблюдение естественного права, мужа с женой, детьми, братьями и домочадцами — через неиспорченный дух единения, — одним словом, дружеское согласие всех со всеми и, более того, с неразумными животными — через справедливость, природную взаимосвязь и обходительность, и к согласию смертного тела с самим собой путем примирения и умиротворения скрытых в нем противоборствующих сил — через здоровье и способствующие здоровью образ жизни и благоразумие в подражание согласию космических элементов. (230) Все это вместе называется одним и тем же словом «дружба», и, по общему признанию, первым, кто придумал это слово и ввел его в употребление, был Пифагор.[187] Он так научил этой замечательной дружбе своих слушателей, что даже теперь тех, кого объединяет крепкая дружба, многие называют пифагорейцами. Теперь следует рассказать о методах воспитания и о наставлениях Пифагора также и в отношении дружбы, которые он применял к своим ученикам. Эти мужи призывали изгонять дух соперничества и

вражды из истинной дружбы, а также из любой дружбы, если это возможно, а если нет — то по крайней мере из дружбы с отцом и вообще со старшими, также и из дружбы с благодетелями. Ибо состязание или спор с ними под влиянием гнева или какой-нибудь другой страсти не способствуют сохранению этой дружбы. (231) Они говорили, что в дружбе должно быть как можно меньше ран и язв. Это происходит в том случае, если обе стороны умеют уступать и смирять свой гнев, но особенно если это делает младший, находящийся в каких-либо из указанных отношений. Исправления и наставления, которые они называли «настройкой», старшие должны производить над младшими, по их мнению, с большой благожелательностью и осторожностью, и при наставлениях следует проявлять большую заботу и участие, тогда наставление будет приличным и полезным. (232) Из дружбы никогда не нужно изгонять доверия — ни в игре, ни в занятиях. Ведь нелегко сохранить дружбу, если однажды в отношения тех, кто называет себя друзьями, вкрадется ложь. Не нужно отказываться от дружбы из-за несчастья или обнаружив свою неспособность в чем-то другом, ибо отказ от друга и дружбы оправдан только из-за его большой испорченности и неисправимости.[188] Никогда не следует начинать вражду с людьми не совсем дурными, но если она началась, держаться достойно и твердо, если нрав враждующего не переменится и у него не появится благоразумие. Враждовать нужно не на словах, а на деле: законно и справедливо быть врагом, если воевать, как человек с человеком. По возможности никогда не следует провоцировать раздор, и нужно более всего опасаться быть его причиной. (233) Если собираешься вступить в настоящую дружбу, то, как они говорили, следует как можно

больше вопросов разрешить и распределить, и это следует рассудить правильно и не случайно и соотнести с нравом каждой стороны, чтобы ни одна встреча не была незначительной и случайной, и чтобы соблюдались уважение друг к другу, единомыслие и порядок, и чтобы случайно, порочно и ошибочно не вспыхнула бы какая-либо страсть, например гнев или желание. То же касается прочих страстей и настроений. Можно понять, что они не случайно прекращали дружбу с посторонними, но всячески сторонились и остерегались их, а прочную дружбу между собою верно сохраняли в течение многих поколений. Это ясно из того, что Аристоксен, как он пишет в своем сочинении «О пифагорейской жизни», узнал от сицилийского тирана Дионисия, когда тот, лишившись власти, преподавал грамматику в Коринфе. (234) Аристоксен[189] рассказывает следующее: «Эти мужи как можно более чуждались жалоб, слез и подобных вещей.[190] Итак, Дионисий, лишившись власти и прибыв в Коринф, часто рассказывал нам историю о пифагорейцах Финтии и Дамоне. Речь шла о поручительстве за смерть. Это случилось так. Дионисий говорил, что некоторые из его окружения часто упоминали пифагорейцев, бранили и высмеивали их и называли хвастунами, говоря, что с них слетела бы эта важность, притворная верность принципам и бесстрастие, заставь их кто-нибудь испытать настоящий страх. (235) Так как другие им возражали и возник спор, то против Финтия и тех, кто его защищал, был устроено следующее. Дионисий, призвав Финтия, сказал в присутствии одного из обвинителей, что стало известно, что он состоит в заговоре против него, Дионисия, и присутствующие подтвердили это, так что негодование Дионисия выглядело очень правдоподобным. Финтия

поразили эти слова. Но так как сам Дионисий точно сказал, что это было тщательно проверено и он должен умереть, Финтий ответил, что если таково его решение, то он просит предоставить ему оставшуюся часть дня, чтобы уладить домашние дела, свои и Дамона. Эти мужи жили вместе и все имущество у них было общее, а Финтий, как старший, большую часть домашних дел взял на себя. Поэтому он хотел, чтобы его отпустили под поручительство Дамона. (236) Дионисий сказал, что он был удивлен этим и спросил, найдется ли такой человек, который останется поручителем смерти. Когда Финтий сказал, что найдется, то послали за Дамоном. Он явился и, услышав о том, что произошло, сказал, что он ручается за Финтия и будет ждать, пока тот не возвратится. Конечно, Дионисий, как он говорил, был искренне поражен этим; а те, кто с самого начала устроил это испытание, смеялись над Дамоном, что его бросили в беде, и острили, что его оставили взамен как лань[191]. Но уже на закате дня Финтий явился, чтобы умереть, и все были этим поражены и покорены. Дионисий, как он говорит, обняв и поцеловав этих мужей, просил принять его третьим в их дружеский союз, но они решительно отказались это сделать, несмотря на его настоятельные просьбы». (237) Аристоксен говорит все это как сведения, исходящие от самого Дионисия. Говорят, что пифагорейцы, даже не зная друг друга, стремились оказать дружескую помощь тем, кого они никогда не видели, если получали какое-либо свидетельство того, что это приверженцы того же самого учения. Поэтому, учитывая такие поступки, не кажется невероятным, что благородные люди, даже живущие на разных концах земли, друзья еще до того, как познакомятся и разговорятся. Говорят, что один пифагореец

после долгого и безлюдного пути завернул на постоялый двор. От усталости и по другим причинам он заболел долгой и тяжелой болезнью, так что у него закончились съестные припасы. (238) Однако хозяин двора, то ли из жалости к человеку, то ли из гостеприимства, все предоставил ему, оказывая всяческую помощь и не жалея средств. Когда же болезнь усилилась, умирающий написал на доске какой-то знак и поручил, если он умрет, поместить доску возле дороги и следить, не узнает ли какой-нибудь путник этот знак. Он сказал хозяину, что этот человек возместит его расходы и поблагодарит за него. Хозяин после кончины позаботился о теле и похоронил его, хотя не надеялся ни на возмещение расходов, ни на то, что получит что-либо от того, кто узнает знак. Тем не менее, хотя он был удивлен поручением, он решил это проверить и ежедневно выставлял доску у дороги. Прошло много времени, и один пифагореец, проходя мимо, остановился, выяснил, кто выставил знак, расспросил о случившемся и выплатил хозяину двора денег значительно больше, чем тот истратил. (239) Говорят, что Клиний из Тарента, услышав, что Прор из Кирены, ревностный ученик Пифагора, мог потерять все имущество, собрал деньги, поплыл в Кирену и поправил дела Прора, невзирая на уменьшение собственного имущества и не избегая опасностей путешествия. Точно так же, как только до Тестора из Посидонии дошел слух, что Тимарид был пифагореец с Пароса, который обеднел после большого достатка, то он, как говорят, отправился на Парос, собрав много денег, и вернул Тимариду его владения. (240) Все это прекрасные и яркие свидетельства дружбы. Но большее удивление вызывает их представление об общности божественных благ, единстве ума и божест-

венной душе, и они часто призывали не уничтожать в себе бога. Итак, все их усердие в дружбе и на словах, и на деле было нацелено на некую связь с божеством, единение с ним и на единение с умом и божественной душой. Никто не смог бы найти ничего лучше этого ни в произносимых речах, ни в совершенных поступках. Думаю, что в этом также содержатся и все блага дружбы. Поэтому, дав краткий обзор всех преимуществ пифагорейской дружбы, мы заканчиваем разговор о ней.

ГЛАВА XXXIV

(241) Поскольку мы рассказали о Пифагоре и пифагорейцах, расположив материал по темам, то после этого давайте приведем также обычно упоминаемые разрозненные свидетельства, которые не вписываются в указанный порядок. Итак, рассказывают, что они призывали всех эллинов, вступавших в их братство, говорить на родном говоре[192], так как быть иноплеменником у них не поощрялось. В пифагорейскую школу приходили также и чужестранцы: япиги, луканцы, выходцы из Пицена[193], римляне. Метродор, брат Тирса, сын Эпихарма[194], применивший к медицине большую часть учения своего отца, говорит, объясняя брату учение отца, что Эпихарм, а до него Пифагор лучшим говором считали дорийский, так же как и лучшей музыкальной гармонией — дорийскую. Ионийский и эолийский говоры относятся к гармонии системы хроматизма, в еще большей степени это касается аттического говора. Дорийский же говор относится к энгармонике, (242) так как построен на гласных. О древности дорийского говора говорит такой миф. Нерей женился на

Дориде, дочери Океана, и, по преданию, у него родились пятьдесят дочерей, и среди них мать Ахиллеса. Метродор говорит, что некоторые утверждают, что от Девкалиона, сына Прометея, и Пирры, дочери Эпиметея, родился Дор, от Дора родился Эллин[195], от Эллина — Эол. В вавилонских храмах мы слышали, что Эллин родился от Зевса, а от Эллина родились Дор, Ксут и Эол, и с этим согласен сам Гесиод. Более поздним поколениям нелегко понять, который из этих двух рассказов о древности правильный, или узнать что-либо достоверно. (243) Но очевидно, что и из того, и из другого рассказа следует, что старейшим говором является дорийский, после него возник эолийский, получивший имя в честь Эола, третьим возник аттический, названный в честь Аттики, дочери Краная, четвертым — ионийский, названный по имени Иона, сына Ксута и Креусы, дочери Эрехтея, и этот говор датируют тремя поколениями позже первых говоров, временем фракийцев и похищения Оритии[196], как свидетельствует большинство историков. Орфей, старейший поэт, также говорил на дорийском говоре. (244) Из медицины пифагорейцы, как говорят, более всего принимали то, что касается образа жизни, и этот вопрос у них был подробно разработан, и прежде всего они старались найти определения правильного соотношения питья, еды и отдыха. Поэтому они едва ли не первыми попытались изложить и определить нормами вопросы приготовления пищи. В большей степени, чем предшественники, пифагорейцы применяли мази, но применение лекарств одобряли меньше и использовали их главным образом для лечения гнойных ран, а хирургия и прижигания у них были менее всего в употреблении. При некоторых болезнях они произносили заклинания.[197] (245) Они, как говорят, избегали

людей, разменивающих на мелочи свои знания и открывающих свои души, словно ворота харчевни, всякому встречному. Такие люди, если не находятся покупатели, сами наводняют города и, короче говоря, занимаются в гимнасиях и с юношами за деньги, беря плату за то, что не оценивается в деньгах. Пифагор же скрывал за иносказаниями многое из того, что говорил, чтобы те, кто воспитан в нравственной чистоте, поняли его ясно, а остальные, как Тантал у Гомера[198], лишь скорбели бы, слушая его наставления и ничего не вкусив. Я думаю, пифагорейцы говорили и о том, что не следует брать плату за обучение с тех, кто приходит к ним. Тех, кто берет плату, они считали хуже скульпторов и возничих, так как скульпторы, когда кто-нибудь закажет им герму, ищут дерево, пригодное для создания образа, а обучающие за плату тут же сообщают добродетельный образ жизни любому характеру. (246) Пифагорейцы говорят, что философии следует уделять больше внимания, чем родителям и земледелию, так как родителям и земледельцам мы обязаны жизнью, а философам и нашим воспитателям — хорошей и разумной жизнью, ибо они нашли правильный способ ведения дел. Пифагор считал, что не нужно ничего ни говорить, ни записывать, чтобы мысли были понятны любому обычному человеку, но первое, чему он, как говорят, учил своих слушателей, так это умению, избавившись от всякого рода невоздержанности, хранить в тайне все то, что они слышали. По крайней мере тот, кто первым разгласил природу симметрии и асимметрии среди непосвященных, вызвал, как говорят, такую ненависть, что его не только изгнали из общины и отлучили от пифагорейского образа жизни, но и соорудили ему надгробие, как будто действительно ушел из

жизни тот, кто некогда был их товарищем. (247) Другие говорят, что даже божество было в гневе на тех, кто разглашал учение Пифагора. Так погиб в море, как нечестивец, тот, кто разгласил построение двадцатиугольника, то есть двенадцатигранника, одной из пяти объемных фигур, которая вписывается в шар.[199] Но некоторые говорили, что это претерпел тот, кто разгласил учение об иррациональности и бесконечно больших величинах. Все обучение у Пифагора было своеобразным и построенным на символах, афористичностью и старомодной манерой напоминающее какие-то намеки и загадки, так же как подлинно божественные изречения пифийского оракула кажутся несколько темными и труднообъяснимыми для тех, кто вопрошает оракул праздно. Вот сколько сведений о Пифагоре и пифагорейцах можно извлечь из разрозненных высказываний.

ГЛАВА XXXV

(248) Но были люди, которые враждовали с этими мужами и восставали против них. Все авторы согласны с тем, что заговор возник в отсутствие Пифагора, разногласия имеются лишь относительно того, куда он уехал: одни говорят, что он уехал к Ферекиду Сиросскому, другие — что он уехал в Метапонт. Причин заговора называют много. По одной версии, заговор составили так называемые килоновцы. Дело было так. Кротонец Килон, выделявшийся среди граждан родом, славой и богатством, но с тяжелым характером, склонный к насилию, буйный и деспотический человек, приложил все старания к тому, чтобы приобщиться к пифагорейскому образу жизни, и обратился к самому Пифагору, который был уже

тогда пожилым, но по указанным причинам получил отказ. (249) Когда это произошло, и он сам, и его друзья начали жестокую войну против Пифагора и его учеников. Честолюбие Килона и его сторонников оказалось столь сильным и неодолимым, что распространилось на всех пифагорейцев до последнего. Итак, Пифагор по этой причине отправился в Метапонт и там, как говорят, умер. Сторонники же Килона продолжали враждовать с пифагорейцами и проявлять к ним всяческую неприязнь. Но все-таки некоторое время одерживало верх добронравие пифагорейцев и воля самих городов, так что, как того хотели города, общественными делами руководили пифагорейцы. Наконец злой умысел килоновцев против этих мужей достиг того, что, когда пифагорейцы устроили собрание в доме Милона в Кротоне и обсуждали общественные дела, они поджгли дом и сожгли их всех, кроме двоих, Архиппа и Лисида — они были самыми молодыми и сильными и как-то вырвались наружу. (250) Когда это произошло и города не придали никакого значения случившейся беде, пифагорейцы отошли от дел. Это произошло по обеим причинам: из-за бездействия городов (ведь они не обратили никакого внимания на столь великое бедствие) и из-за гибели самых авторитетных пифагорейцев. Из двоих спасшихся (оба были из Тарента) Архипп вернулся в Тарент, Лисид же, возненавидев проявленное бездействие, уехал в Элладу и жил в Ахайе Пелопоннесской, а затем, когда возник интерес к нему, переселился в Фивы, где Эпаминонд[200] стал его учеником и называл его отцом. Здесь он и умер. Остальные пифагорейцы, за исключением Архита из Тарента, покинули Италию. Собравшись в Регии, они восстановили там свою общину. (251) Через некоторое время, поскольку управление

в городах шло все хуже...[201] Самыми главными были Фантон, Эхекрат, Полимнаст и Диокл из Флиунта, а также халкидянин Ксенофил из фракийских халкидян. И хотя школа уже приходила в упадок, они сохраняли первоначальные нравы и знания до тех пор, пока достойно не ушли из жизни.

Так говорит Аристоксен. Никомах[202] согласен с этим рассказом, но утверждает, что заговор возник в отсутствие Пифагора. (252) Он уехал на Делос, чтобы ухаживать за своим учителем Ферекидом Сиросским, который внезапно заболел так называемой вшивой болезнью, и чтобы похоронить его, и в это время те, кого пифагорейцы ранее отвергли и записали на стелах[203], напали на них и повсюду сожгли их всех, но самих их италийцы после этого побили камнями до смерти и бросили без погребения. Тогда знание у знающих иссякло, так как сохранялось у них в сердцах до той поры неизреченным, а непосвященные упоминали только непонятные и не поддающиеся объяснению речи. Только на чужбине пифагорейцы сохранили какие-то остатки знаний, очень темные и труднопостижимые. (253) Попавшие в изоляцию и из-за случившегося сверх меры павшие духом, они рассеялись по разным местам и совершенно не могли ни с кем общаться. Они неизменно оказывались в одиночестве, в безлюдных местах и, пребывая большей частью в затворничестве, предпочитали общению с кем бы то ни было общение с самим собой. Опасаясь, что слово «философия» может совсем исчезнуть из употребления и сами они станут ненавистны богам, если совершенно погубят столь великий дар, какой они имели, они собрали записи, содержащие главные положения учения и символы, а также сочинения старших товарищей и то, что сами помнили из них. Они оставили в

наследство все эти записи там, где кому довелось умереть, наказав сыновьям, дочерям и женам не давать их посторонним. Они выполняли этот наказ очень долгое время, завещая то же потомкам.

(254) Поскольку рассказ Аполлония[204] о тех же событиях несколько отличается, и он добавляет много подробностей, не упоминаемых Аристоксеном и Никомахом, приведем и его рассказ о заговоре против пифагорейцев. Он говорит, что некоторые с самого детства недоброжелательно относились к Пифагору. Людям нравилось, когда Пифагор беседовал со всеми посетителями, но когда он начал общаться с одними учениками, остальные были обижены. Кротонцы легко бы позволили продвинуться чужеземцу, но, как представляется, больше тяготились, если это приходилось терпеть от соотечественников, и распространилось мнение, что община им враждебна. Кроме того, поскольку юноши были родом из уважаемых и богатых семей, с возрастом они стали не только первенствовать в частной жизни, но и управлять городскими делами. Они образовали большое сообщество (их было более трехсот), но оно составляло лишь небольшую часть города, который уже не управлялся согласно тем же обычаям и нравам. Впрочем, пока кротонцы владели своей землей и Пифагор находился у них, (255) сохранялось государственное устройство, существовавшее от основания города, хотя были недовольные, ожидавшие удобного случая для переворота. Но когда завоевали Сибарис, Пифагор уехал, а пифагорейцы, управлявшие завоеванной землей, не распределили ее по жребию, как хотело большинство, то затаенная ненависть вспыхнула, и множество граждан выступило против них. Зачинщиками мятежа стали люди, наиболее близкие к пифаго-

рейцам по родству и домашним связям. Причиной было то, что многое, что сделали пифагорейцы, в той мере, в какой их поступки отличались от остальных, не нравилось лидерам, так же как и обычным людям, а в самых важных делах утрату привилегий они считали направленной исключительно против себя. Не нравилось им, например, то, что никто из пифагорейцев не называл Пифагора по имени: при жизни, если они хотели упомянуть его, они называли его «божественный», а после смерти они говорили о нем «тот муж»[205], так же, как Гомер показывает Эвмея, упоминающего об Одиссее:

Гость мой, его и далекого здесь не могу называть я
Просто по имени (так он со мною был милостив)...[206]

(256) Точно так же не нравилось им то, что пифагорейцы встают с постели не позже восхода солнца и ждут, чтобы помолиться восходящему солнцу, а также не носят перстня с изображением бога из опасения приносить его к местам погребений или другому нечистому месту[207], также что они не делают ничего необдуманного и бесконтрольного, но рано утром решают, что следует сделать, а ложась спать, перебирают в уме, что совершили, одновременно раздумывая и упражняя память. Вызывало раздражение также и то, что, когда кто-либо из пифагорейцев назначал другому встречу, тот дожидался его на этом месте весь день и всю ночь до тех пор, пока он не придет, в этом опять же видно, что пифагорейцы были приучены помнить договор и не говорить необдуманно. (257) Вообще некоторые их предписания распространялись на всю жизнь вплоть до смерти: Пифагор предписывает в последний час не богохульствовать, но, как перед выходом в плавание, ждать предзнаменования в благоговейном молча-

нии, как делают те, кто переплывает Адриатическое море. Все это, как я уже сказал, огорчало всех без исключения в той мере, в какой они поняли, что пифагорейцы, воспитанные в совместном образе жизни, поддерживают это своеобразие. Родственники пифагорейцев относились с еще большим раздражением к тому, что те подают правую руку только своим, а из близких — только родителям, и что они предоставляют свое имущество для общего пользования, а от имущества родственников оно отделено. Когда родственники начали эту вражду, остальные с готовностью присоединились к конфликту. И когда Гиппас, Диодор и Теаг, члены Совета Тысячи, от имени всех граждан потребовали равного для всех участия в органах власти и народном собрании и отчета высших должностных лиц перед теми, кто избран по жребию из всего народа, то пифагорейцы Алкимах, Динарх, Метон и Демокед воспрепятствовали этому и не позволили разрушать государственное устройство, унаследованное от отцов, (258) но победу одержали защитники большинства. Когда после этого собрался народ, ораторы Килон и Нинон, договорившись о том, кто что на себя берет, обвинили их самих. Первый был из богатых, второй — из простого народа. Когда они произнесли свои речи (речь Килона была длиннее), Нинон продолжил говорить и притворился, что знаком с тайным пифагорейским учением. Написав подложное сочинение с целью как можно более их оклеветать, он дал его секретарю и приказал читать вслух. (259) Оно называлось «Священное слово», в общих чертах содержание его было следующим. Друзей следует почитать как богов, а остальных подчинять как зверей. Ту же мысль высказывают, вспоминая о Пифагоре в стихах, его ученики:

Как к блаженным богам, он к своим друзьям относился,
Но не считал, что нужно с прочими так же считаться.

(260) Далее там говорилось, что Гомер особенно заслуживает похвалы за стихи, в которых он говорит о «пастыре народов»[208], ибо как сторонник олигархии он изобразил прочих как скот. К бобам пифагорейцы якобы относятся враждебно, так как они главные в жеребьевке и в избрании на должность по жребию[209]. Пифагорейцы якобы призывают добиваться тирании, говоря, что лучше на один день стать быком, чем весь век быть коровой. Они одобряют послушание закону у других, но требуют соблюдения только своих постановлений. Нинон решительно представил их философию как заговор против народа, призывал не обращать никакого внимания на их мнения и иметь в виду, что они вообще не пришли бы на собрание, если бы пифагорейцы убедили Совет Тысячи принять их предложение. Так что не следует позволять говорить тем, кто сколько может мешает слушать остальных. Правая рука, которую они отказываются пожимать, должна стать орудием борьбы против пифагорейцев, когда они голосуют поднятием руки за постановление или берут камешек для голосования. Граждане должны считать позором, если, одержав верх над 300 000 врагов у реки Тетраэнт[210], они в своем городе станут жертвой заговорщиков, составляющих тысячную их долю. (261) В целом он настолько ожесточил слушателей клеветой, что через несколько дней, когда пифагорейцы приносили жертвы Музам в доме близ храма Аполлона, собралась толпа, готовая напасть на них. Пифагорейцы предвидели это, и одни бежали на постоялый двор, а Демокед с эфебами уплыл на Платию[211]. Граждане

отменили законы и приняли постановления, в которых обвинили Демокеда в том, что он собрал молодежь для установления тирании, и установили награду в три таланта за его смерть. Затем произошло сражение, грозящую опасность (Демокеда) победил Феаг, и они выплатили ему от города три таланта. (262) Так как в городе и его окрестностях совершались многие злодеяния, беглецов отдали под суд, третейский суд был поручен представителям трех городов — Тарента, Метапонта и Кавлонии, и те, кого направили для вынесения приговора, получив плату, как сказано в записях кротонцев, постановили изгнать виновных. Выиграв дело, они сверх этого еще изгнали всех недовольных установившимися порядками, а вместе с ними и их семьи, говоря, что не нужно быть нечестивыми и отрывать детей от родителей. Они также отменили долги и произвели передел земли. (263) Через много лет, после гибели сторонников Динарха в другой битве и смерти Литата, главаря мятежников, кротонцами овладели сожаление и раскаяние, и они решили вернуть в город тех пифагорейцев, которые еще были живы. Пригласив послов из Ахайи, они при их посредничестве помирились с изгнанниками и свои клятвы выставили в Дельфах. (264) Возвратилось около шестидесяти пифагорейцев, не считая совсем старых.[212] Некоторые из них занялись врачеванием и лечили больных диетой, и они стали во главе упомянутого возвращения. Уцелевшие пифагорейцы были очень уважаемы в глазах народа, и именно в это время возникла поговорка о преступивших закон: «Теперь не так, как при Ниноне». И случилось так, что в это же время в земли кротонцев вторглись жители Фурий[213], а пифагорейцы вышли на помощь городу и погибли, рискуя жизнью вместе с другими. Тогда отношение

10 – 6132

кротонцев к ним настолько переменилось, что, не ограничиваясь похвалами этим мужам, они сочли, что для муз будет приятнее праздник, если общественные жертвоприношения будут совершаться в храме муз, построенном ранее кротонцами для нужд пифагорейской общины, в котором горожане почитали богинь. Вот что я хотел сказать о случившемся гонении на пифагорейцев.

ГЛАВА XXXVI

(265) Все авторы единодушны во мнении, что преемником Пифагора был Аристей, сын кротонца Дамофонта, современник Пифагора, живший примерно за семь поколений до Платона. Аристей удостоился не только руководства школой, но и воспитания детей и брака с Теано благодаря своему исключительному знанию учения. Сам Пифагор, как говорят, возглавлял школу тридцать девять лет, а всего прожил почти сто лет, а руководство школой передал Аристею как самому старшему. После Аристея школой руководил сын Пифагора Мнемарх, он передал руководство школой Булагору, при котором был разграблен Кротон[214]. Его преемником стал кротонец Гартид, когда он вернулся из путешествия, которое он совершил до войны, но из-за бедствия, случившегося с его отечеством, он ушел из жизни. (266) Гартид был единственным пифагорейцем, который умер от скорби, остальные пифагорейцы обычно доживали до глубокой старости и освобождались от тела, как от оков. Позже школой руководил Аресан из Лукании, спасенный какими-то чужестранцами; к нему приехал Диодор из Аспенда, которого приняли из-за недостатка людей в общине. Диодор, вернувшись

в Элладу, распространил там пифагорейские изречения. Проявили усердие, изложив учение письменно, в Гераклее Клиний и Филолай, в Метапонте Теорид и Эврит, в Таренте Архит[215]. Одним из учеников вне школы стал также Эпихарм, но он не входил в общину пифагорейцев. Приехав в Сиракузы, он не занимался философией открыто, опасаясь тирании Гиерона, но излагал стихами идеи пифагорейцев и для забавы и не афишируя этого разглашал учение Пифагора.

(267) Многие пифагорейцы, естественно, остались неизвестными, и их имена забыты. Вот имена тех, кто известен. Из Кротона: Гиппострат, Димант, Эгон, Гемон, Силл, Клеостен, Агел, Эписил, Фикиад, Экфант, Тимей, Бут, Эрат, Итаней, Родипп, Брий, Эвандр, Миллий, Антимедонт, Агей, Леофрон, Агил, Онат, Гиппостен, Клеофрон, Алкмеон, Дамокл, Милон, Менон.

Из Метапонта: Бронтин, Пармиск, Орестад, Леонт, Дамармен, Эней, Хилант, Мелесий, Аристей, Лафаон, Эвандр, Агесидам, Ксенокад, Эврифем, Аристомен, Агесарх, Алкий, Ксенофант, Трасей, Эврит, Эпифрон, Ириск, Мегистий, Леокид, Трасимед, Эвфем, Прокл, Антимен, Лакрит, Дамотаг, Пиррон, Рексибий, Алопек, Астил, Лакид, Аниох, Лакрат, Гликин.

Из Акраганта: Эмепедокл.

Из Элеи: Парменид.

Из Тарента: Филолай, Эврит, Архит, Теодор, Аристипп, Ликон, Гестией, Полемарх, Астей, Кений, Клеон, Эвримедонт, Аркей, Клинагор, Архипп, Зопир, Эвтин, Дикеарх, Филонид, Фронтид, Лисид, Лисибий, Динократ, Эхекрат, Пактион, Акусилад, Икк, Писикрат, Клеарат, Леонтей, Фриних, Симихий, Аристоклид, Клиний, Габротел, Писиррод,

Бриант, Геландр, Архемах, Мимномах, Акмонид, Дикант, Карофантид.

Из Сибариса: Метоп, Гиппас, Проксен, Эванор, Леанакт, Менестор, Диокл, Эмпед, Тимасий, Полемей, Эндий, Тирсен.

Из Карфагена: Мильтиад, Антен, Годий, Леокрит.

С Пароса: Ээтий, Фенекл, Декситей, Алкимах, Динарх, Метон, Тимей, Тимесианакт, Эвмер, Тимарид.

Локрийцы: Гиттий, Ксенон, Филодам, Эвет, Эвдик, Стенонид, Сосистрат, Эвтин, Залевк, Тимар.

Из Посидонии: Атамант, Сим, Проксен, Кранай, Мий, Батилай, Федон.

Из Лукании: Оккел и Оккил (братья), Аресандр, Керамб.

Из Дардана: Малион.

Из Аргоса: Гиппомедонт, Тимостен, Эвельтонт, Трасидам, Критон, Поликтор.

Лаконцы: Автохарид, Клеанор, Эврикрат.

Гипербореец: Абарид.

Из Регия: Аристид, Демосфен, Аристократ, Фитий, Геликаон, Мнесибул, Гиппархид, Эвтосион, Эвтикл, Опсим, Калаид, Селинунтий.

Из Сиракуз: Лептин, Финтий, Дамон.

С Самоса: Мелисс, Лакон, Архипп, Гелорипп, Гелорид, Гиппон.

Из Кавлонии: Каллимброт, Дикон, Наст, Дримон, Ксеней.

Из Флиунта: Диокл, Эхекрат, Полимнаст, Фантон.

Из Сикиона: Полиад, Демон, Стратий, Состен.

Из Кирены: Прор, Меланипп, Аристангел, Теодор.

Из Кизика: Питодор, Гиппостен, Бутер, Ксенофил.

Из Катаны: Харонд, Лисиад.

Из Коринфа: Хрисипп.

Этруск: Навсифой[216].

Из Афин: Неокрит.

С Понта: Лирамн.

Всего: двести восемнадцать.

Самые известные пифагорейские женщины: Тимиха, жена Миллия из Кротона; Фильтида, дочь Теофрия из Кротона; сестра Биндака; Оккело и Эккело (или сестры Оккело и Оккило), из луканцев; Хилонида, дочь лаконца Хилона; лаконянка Кратесиклея, жена лаконца Клеонора; Теано, жена Бронтина из Метапонта; Мия, жена кротонца Милона; Ластения из Аркадии; Габротелия, дочь Габротела из Тарента; Эхекратия из Флиунта; Тирсенида из Сибариса; Писиррода из Тарента; лаконянка Теадуса; Бео из Аргоса; Бабелика из Аргоса; Клеэхма, сестра лаконца Автохарида. Всего: семнадцать.

Примечания и указатель имен

ПРИМЕЧАНИЯ

Перевод выполнен по следующему изданию:

Iamblichi de vita Pythagorica liber / Ed. Lud. Deubner; Ed. add. et corr. U. Klein.— Stutgardiae: Teubner, 1975.

Кроме того, было использовано следующее издание:

Iamblichi De vita Pythagorica; accedit epimetrum De Pythagorae Aureo carmine / Ed. A. Nauck. — St.-Petersburg, 1884.

Из переводов на новые языки автор сверялся с английскими переводами:

Iamblichus. On the Pythagorean way of life / Tr. by J. Dillon, J. Hershbell.— Atlanta; Georgia: Scholars Press, 1991;

Iamblichus. On the Pythagorean life / Tr. by G. Clark.— Liverpool: Liverpool University Press, 1989;

Iamblichus' Life of Pythagoras, or Pythagoric Life. Accompanied by Fragments of the Ethical Writings... and a Collection of Pythagoric Sentences from Stobaeus and Others... / Tr. by T. Taylor. — London, 1818; repr. London: J.M. Watkins, 1965

и с немецким переводом:

Iamblichos. Pythagoras. Legende, Lehre, Lebensgestaltung / Übers. von M. von Albrecht.— Zürich; Stuttgart: Artemis, 1963.

На русский язык фрагменты сочинения Ямвлиха «О Пифагоровой жизни» были переведены в книге: А.О. Маковельский. Досократики. — Ч. 3. Пифагорейцы. — Казань, 1919; и в книге: Фрагменты ранних греческих философов. — Ч. 1 / Изд. А.В. Лебедев. —

М., 1989. Полностью на русский язык сочинение Ямвлиха «О Пифагоровой жизни» под названием «Жизнь Пифагора» было переведено дважды:

Ямвлих. Жизнь Пифагора / Пер. Ю.А. Полуэктова. — СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997.

Ямвлих. Жизнь Пифагора / Пер. В.Б. Черниговского. — М.: Алетейа, Новый Акрополь, 1998.

У каждого из этих переводов есть свои особенности. Ю.А. Полуэктов более заботится о легкости для читателя, В.Б. Черниговский — о дословной передаче подлинника, однако оба эти перевода не отвечают современным требованиям, что вызвало необходимость появления нового издания.

1. В эллинистическую эпоху были очень распространены псевдо-пифагорейские сочинения, появлявшиеся под именами Архита, Филолая и др. Об этом можно прочитать: Kingsley P. Ancient Philosophy, Mystery and Magic. Empedocles and Pythagorean Tradition. — Oxford, 1995; Thesleff H. The Pythagorean Texts of the Hellenistic Period. — Åbo, 1965.

2. По-видимому, здесь имеется в виду Анкей из Тегеи — легендарный царь древней Аркадии, сын бога Посейдона, один из участников похода аргонавтов (см. Аполлоний Родосский. Аргонавтика).

3. *Кефалления* — остров и область в Ионийском море, куда входили острова Сама, Занкиф, Итака и Дулихий.

4. *Меламфилл* — букв. «Черные листья».

5. В большинстве источников — Мнесарх.

6. У Порфирия («Жизнь Пифагора») отец Пифагора является сирийцем из Тира, ставшим гражданином Самоса.

7. Пер. М.Л. Гаспарова.

8. *Пифагор* — букв. «Тот, о ком объявила Пифия».

9. *Эпименид* — возможно, греческий писатель (см. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых филосо-

фов, I.115) или пифагореец, упоминаемый ниже в тексте (104). *Эвдокс* — историк Эвдокс Родосский, или же пифагореец Эвдокс Книдский (V–IV вв. до н.э.), известный астроном и геометр, врач и законодатель. *Ксенократ* — ученик Платона (IV в. до н.э.), автор «Пифагорейских вопросов».

10. Платон в «Федре» говорит, что наиболее благородные человеческие души следуют за сонмом богов в их шествии по небу, и, находясь в свите разных богов — Зевса, Аполлона, Ареса и др. — приобщаются к высочайшим таинствам. Родившись же на земле, они сохраняют воспоминание о созерцаемых ранее таинствах и во всем ищут и проявляют идею того бога, спутником которого были.

11. По Порфирию (Жизнь Пифагора, 1), Пифагор учится у *Гермодаманта*, сына *Креофила*. *Ферекид с Сироса* — один из первых греческих философов, современник семи мудрецов; по словам Диогена Лаэртского, «первым написал о природе и происхождении богов» (Диоген Лаэртский, I.116).

12. Платон в «Пире» говорит о демонах как о роде между богами и людьми, передающих людям волю богов, а богам — молитвы и просьбы людей. По Гесиоду, в человеколюбивых демонов превратились души людей золотого века.

Неоплатоник Гиерокл в комментариях к «Пифагорейским Золотым стихам» дает пифагорейское представление об устройстве мира: выше всего находится Бог-творец, далее следуют бессмертные боги — высокие сущности, которые не умирают и не лишаются божественного подобия. Далее — смертные боги, называемые также ангелами, героями или благими демонами (ниже в тексте Ямвлих называет Пифагора благим демоном). Ими считаются высокие сущности, постоянно обращенные мыслью к демиургу и освещенные исходящим от него блаженством, но, в отличие от бессмертных богов, претерпевающие изменения. Они благи и никогда не впадают в порок, герои, потому что они «страстные почитатели бога, поднимающие и возвышающие нас от земной жизни к божественному царству. Их также принято

называть добрыми демонами, как опытных и сведущих в божественных законах, а иногда и ангелами, ибо они являют и возвещают нам устои божественной жизни» (Пифагорейские Золотые стихи с комментариями Гиерокла / Пер. И.Ю. Петер. — М.: Алетейа, 2000. — 3.3). Далее следуют демоны, или подземные демоны, «человеческие души, украшенные правдивостью и добродетелью». Демонами их называют, чтобы отличить от невежественных людей, — это те, кто, будучи по природе человеком, стал по характеру демоном. Далее следуют все остальные люди.

В любом случае, речь идет о существах, которые покровительствуют людям и оберегают их, являются посредниками между богами и людьми и посылаются богами в помощь последним и чтобы нести им божественную волю. Таким демоном у Ямвлиха мыслится и Пифагор.

13. *Фалес* и *Биант* входили в античный канон семи мудрецов, мыслителей и государственных деятелей VII—VI вв. до н.э. Всего их называется около 20, но Фалес, Биант из Приены, Солон и Питтак из Митилены встречаются чаще всего.

14. Игра слов: kometes — 1) волосатый; 2) комета. Другой вариант перевода: «Стало поговоркой, что на Самосе появилась комета, которую все превозносили до небес и прославляли».

15. В 538 г. до н.э.

16. *Анаксимандр* (ок. 610—546 гг. до н.э.), один из наиболее знаменитых ионических натурфилософов, последователь Фалеса.

17. *Диосполь* — возможно, египетский город Фивы, где было святилище Зевса-Аммона. Пифагору, как и целому ряду греческих философов, традиция приписывает путешествие в Египет и обучение там у жрецов.

18. Выше у Ямвлиха (2.7) говорится, что Пифаида родила Пифагора в Сидоне.

19. *Мох* — финикийский мудрец (XII в. до н.э.), которому приписывали создание учения об атоме и финикийской космогонии.

20. Евсевий утверждает, что греческие мистерии произошли от финикийских. По крайней мере, мистерии умирающего и возрождающегося бога Адониса и Астарты были широко распространены в греко-римском мире, а Мелькарт, широко почитавшийся в Сирии, в Греции часто отождествлялся с Гераклом.

21. На горе *Кармел* было святилище Зевса. Эта гора, как ниже говорит Ямвлих, считалась самой священной и неприступной.

22. Порфирий в «Жизни Пифагора» пишет, что Пифагор обучался у жрецов Гелиополя, Мемфиса и Диосполя, причем так поразил последних своим рвением, что они «допустили его и к жертвоприношениям и к богослужениям, куда не допускался никто из чужеземцев» (Жизнь Пифагора, 8).

23. *Камбис II*, сын Кира II, — персидский царь с 529 по 522 гг. до н.э. Завоевание Египта Камбисом произошло в 525—524 гг. до н.э., следовательно, если учитывать этот факт, Пифагор пробыл в Египте всего 13 лет.

24. *Маги* — название древних потомственных жрецов Персии и Мидии. Первоначально, до VII в. до н.э, это название носило восточнолидийское племя, из которого позже выделилось особое сословие жрецов зороастрийской религии. Во времена Ямвлиха магами также называли жрецов всех религий иранского происхождения.

25. Обучение с помощью символов практиковалось древнеегипетскими жрецами (как, впрочем, и в Древней Индии, Тибете, у орфиков и т. д.). Слово σύμβολον в переводе означает «соединение», то есть возможность соединения мира материального с некой высшей реальностью. Французский антрополог-традиционалист Р. Генон в книге «Символы священной науки» пишет: «Подлинным основанием символики является соответствие, связующее вместе все уровни реальности, присоединяющее их один к другому и, следовательно, простирающееся от природного порядка в целом к сверхъестественному порядку. Благодаря этому соответствию, вся природа есть не что иное, как символ, то есть ее подлинное значение становится очевидным, только если она

рассматривается как указатель, могущий заставить нас осознать сверхъестественные или метафизические истины... в этом и состоит сущностная функция символики». Об этом же говорит и Е.П. Блаватская в «Тайной доктрине»: «Символика — зримое выражение идеи или мысли. Первоначальное письмо не имело знаков, и символ выражал целую фразу или предложение». А по словам китайского философа Линь Юй-Дана, символика имеет способность содержать в немногих условных линиях мысль веков и мечты поколений, воспламеняет воображение и ведет в царство бессловесного мышления. Таким образом, символ представляет внешнее выражение высшей истины и позволяет узнавать то, что при всех других способах было бы сложно выразить. Это некий ключ к реальности высшего порядка. Поэтому неудивительно, что в древних традициях, таких, как египетская, практиковался способ обучения с помощью символов, позволяющий на языке бессознательного понимать то, что невозможно понять с помощью линейной логики. И именно поэтому Пифагор и другие досократики предпочитали обучать с помощью акусм и аллегорий.

26. Бескровным этот алтарь называли из-за нехарактерных для культа Аполлона растительных жертвоприношений (для культа большинства античных богов, наоборот, характерно принесение в жертву животных). Порфирий в своем трактате «О воздержании от животной пищи» утверждает, что такой способ жертвоприношения был наиболее древним и что именно ему следовали пифагорейцы, которые были против убийства животных и не употребляли их в пищу.

27. Считалось, что законодательство Крита было дано первым критским царем Миносом, который, по легенде, раз в девять лет беседовал с Зевсом в пещере горы Ида (в этой пещере при раскопках были найдены следы культа Зевса в образе бога-быка). Так что критские законы считались полученными от Зевса и поэтому — совершенными. По сообщению Диогена Лаэртского (8.3) и Порфирия (Жизнь Пифагора, 17), Пифагор вместе с

Эпименидом спускался в пещеру Зевса на горе Иде. Что касается законов Спарты, данных Ликургом (между IX в. и первой половиной VII в. до н.э.), то считалось, что они были даны либо Дельфийским оракулом, либо взяты с того же Крита. Платон, создавая законы для своего идеального государства, опирался на спартанское законодательство.

28. «*Акусматик*» — от ἀκούω («слушаю»). Об акусматиках см. ниже, 81.

29. Так назывались греческие колонии в Сицилии и Южной Италии.

30. *Страна гиперборейцев* — легендарная Гиперборея, расположенная на севере страна, которую каждую осень посещал Аполлон, весной возвращаясь обратно в Грецию. В одной из ипостасей Аполлон — бог Солнца, и особенно эти черты выражены в Аполлоне Гиперборейском, связывающемся с силой солнечного света. Гиперборейцы считались потомками, слугами и жрецами Аполлона, а сама страна была посвящена богу и особенно любима им (подробнее см. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян).

31. *Пеан* — согласно Гомеру, врачеватель богов (Илиада, 5.401), позднее был отождествлен с богом Асклепием, исцеляющим людей (также Пеан — одна из ипостасей Аполлона-Врачевателя). По канонам древней медицины, лечение тела было неразрывно связано с исцелением души. Пифагорейцы и сам Ямвлих считали Пифагора врачевателем человеческих душ и потому отождествляли его с Пеаном.

32. Некоторые авторы помещают демонов в область Луны. Например, у Евсевия (Praeparatio evangelia, IV.5.2) боги населяют небо и эфир вплоть до Луны, демоны — лунную область и воздух, души — Землю и подземный мир. У Порфирия (О воздержании от животной пищи, 11.38) души, отделившиеся от Мировой Души, населяют пространство под Луной и являются добрыми демонами.

33. Ср. выше, 11.

34. Сочинение Аристотеля «О пифагорейцах» не сохранилось.

35. У Гиерокла демоны и герои часто отождествляются (см. прим. 12). Обычно героями называли полубогов, то есть потомков богов и смертных.

36. *Эксцентриситет* (орбиты) — элемент, характеризующий форму орбиты. В зависимости от величины эксцентриситета орбита может иметь форму эллипса, параболы или гиперболы. *Эпицикл* — вспомогательная окружность в геоцентрической системе: планета движется равномерно по эпициклу, в то время как его центр перемещается по другой окружности с центром в Земле — так называемому деференту. С помощью эпицикла и деферента объясняли попятное движение планет.

37. По словам Платона (Государство, 527е), «в науках очищается и вновь оживает некое орудие души каждого человека, которое другие занятия губят и делают слепым, а между тем сохранить его в целости более ценно, чем иметь тысячу глаз, — ведь только при его помощи можно увидеть истину».

38. *Тавромений* был основан примерно через 150 лет.

39. *Харонд из Катаны* — известный законодатель, составивший законы для халкидских колоний в Сицилии и на юге Италии, упомянут в списках пифагорейцев (267). Что касается законодателя *Залевка*, он жил за 100 лет до Пифагора. О законодательной деятельности пифагорейцев см. A. Delatte. Essai sur la politique pythagoricienne. — Paris, 1922. — P. 177–202.

40. В 529 г. до н. э. У Ямвлиха много расхождений в хронологии: Пифагор покинул Самос в 538 г. в восемнадцать лет, вернулся в возрасте 56 лет на Самос в 500 г. до н.э., а потом уже уехал в Италию, т. е. это произошло позже 500 г. до н.э. А здесь датой прибытия в Италию оказывается 529 г. до н.э.

41. Миф об основании Кротона Гераклом рассказывается ниже (50).

42. Троянцы навлекли на себя гнев богов и потерпели поражение в войне из-за Париса, который, будучи охвачен страстью, нарушил законы и похитил Елену, супругу царя Менелая.

А эллины — из-за Малого Аякса, который во время разграбления Трои надругался над Кассандрой в храме Афины Илионской. Из-за этого боги потопили корабль, на котором Аякс плыл домой, а на город Аякса Локры и Локриду Афиной был наслан мор. Избавиться от него, как известил Дельфийский оракул, можно было только посылая в течение тысячи лет ежегодно двух девушек из лучших локрийских семей в Трою, в храм Афины, где они служили, пока на смену не придут другие. (Подробнее см. Р. Грейвс. Мифы Древней Греции. — М, 1992.)

43. Ямвлих намекает на семерых кротонцев, четырехкратных победителей в беге на Олимпийских играх (в годы жизни Пифагора в Кротоне) и на семерых мудрецов античного канона.

44. Согласно Гераклиду Понтийскому, Пифагор называл себя любомудром (философом), а не мудрецом, потому что никто не мудр, кроме бога. По свидетельству Диодора Сицилийского (X.10.1), Пифагор и свое учение называл любомудрием, а не мудростью. Упрекая семерых мудрецов, он говорил, что из людей никто не мудр, так как человек по слабости своей природы часто не в силах достичь всего, но тот, кто стремится к нраву и образу жизни мудрого существа, может быть подобающе назван любомудром (философом).

45. Говоря об образовании, Пифагор подразумевает не некую сумму знаний или информации, получаемую человеком, а воспитание, развитие в себе определенных умственных и нравственных качеств.

46. *Дике* — богиня Справедливости в нравственном аспекте, она также вершит справедливость в круговороте душ, то есть связана с посмертным судом и воздаянием, потому ее помещают в царство Плутона. *Фемида* — богиня правосудия и правопорядка, следящая за выполнением божественных законов на земле.

47. Диоген Лаэртский говорит, что Пифагор предписывал «не клясться богам, а стараться, чтоб была вера твоим собственным словам» (22).

11 – 6132

Неоплатоник Гиерокл, комментатор «Пифагорейских Золотых стихов», комментируя фразу «и верным будь клятве», пишет о двух видах клятвы. Первая клятва — клятва божественная, сохраняющая неизменность и постоянство мира, как это было предписано божественным законом. Она соблюдается теми, кто постоянно обращен мыслью к богу и следует ему. Вторая клятва — клятва повседневной жизни, она является «следом» первой, божественной, и ее задача — направлять к истине людей, сообщать им благородный характер, сохранять гражданские добродетели. Однако как первой, так и второй клятвой не следует злоупотреблять и использовать ее часто и беспорядочно, потому что клятва обесценивается и перестает быть священной. Поэтому Гиерокл рекомендует не произносить часто слов клятвы, но, в то же время, соблюдать ее. Возможно, именно это имеет ввиду Ямвлих.

48. В Древней Греции женщина считалась хранительницей и жрицей домашнего очага и священного домашнего огня, посвященного богине Гестии (в Риме — Весте).

49. Παῖς — ребенок, παιδεία — воспитание.

50. Аполлоном.

51. *Архемор* («начинатель рока») — прозвище Офельта («благодетеля»), сына царя Немеи Ликурга, в честь которого семеро вождей во время похода против Фив учредили Немейские игры. Младенца задушила змея, когда его кормилица Гипсипила отлучилась показать воинам родник. Прорицатель Амфиарай истолковал смерть младенца как предвестие гибели войска Семерых и их самих в будущей войне и назвал Офельта Архемором. Немейские игры проходили раз в три года.

Меликерт — сын Ино и Афаманта, царя Беотии. Гера наслала на Афаманта безумие, Ино, спасаясь от него с сыном Меликертом, бросилась в море, и Меликерт стал морским богом, Палемоном, покровителем мореплавателей. В честь него в Истме были учреждены игры.

52. Женщины в Древней Греции, как правило, давали обет через поручителя и гаранта.

53. По-видимому, имеются в виду три мифические сестры Граи («старухи»). У них был один глаз на троих, которым они по очереди обменивались (зрячей была лишь обладательница этого единственного глаза). Здесь Пифагор приводит Грай как пример единства, согласия и благородного взаимодействия. Кстати, если вспомнить мифологию, Персею удалось похитить глаз, когда Граи начали ссориться из-за него и утратили согласие.

54. *Кора* («девушка») — имя Персефоны и целого ряда богинь-дев. *Нимфа* — речное, морское или лесное божество, — означает «невеста». Слово *«мать»* в древнегреческом языке имеет один корень с именем богини Деметры — покровительницы плодородия, дающей плодоносную силу земле, людям и всему живому. *Майя* («бабушка») — имя матери Гермеса.

55. В *Додоне* был знаменитый оракул Зевса, где жрецы, селлы, гадали по шелесту листьев на священном дубе.

56. Ямвлих помещает остров Калипсо близ Кротона.

57. Порфирий в «Жизни Пифагора» пишет: «Числа Пифагора были символами, посредством которых он объяснял все идеи, касающиеся природы всего».

Источником всего Пифагор считал Единицу (она же в геометрическом выражении — точка), далее следовали Двойка (линия), Тройка (плоскость), Четверка (объемное тело), из них — все множество чисел, далее — четыре основы-элемента (Огонь, Воздух, Вода и Земля), а из их комбинаций — весь проявленный мир. У Диогена Лаэртского после числового ряда следуют точки, линии и далее — геометрические фигуры. Подобная трактовка математического учения Пифагора возможна, если учесть, что геометрические фигуры — более формальные проявления идеальных и абстрактных чисел. (См. Диоген Лаэртский, Гиерокл и др.) Числовой ряд от 1 до 10 (см. ниже прим. 80 о Тетрактисе) описывает последовательные этапы сотворения Вселенной — от источника всего, Единицы, до рождения проявленного мира. Таким образом, числа являются выражениями законов гармонии и эволюции мира. Поэтому знание чисел и пропорций ле-

жало в основе понимания мироздания. О числах в учении Пифагора см. ниже, 147, 152.

58. *Давния* — древнее название Апулии, где первым царем был Давн.

59. Порфирий следующим образом объясняет пифагорейский запрет есть бобы: «Бобов он запрещал касаться, все равно как человеческого мяса. Причину этого, говорят, объяснял он так: когда нарушилось всеобщее начало и зарождение, то многое в земле вместе сливалось, сгущалось и перегнивало, а потом из этого вновь происходило зарождение и разделение — зарождались животные, прорастали растения, и тут-то из одного и того же перегноя возникли люди и проросли бобы» (Жизнь Пифагора, 44). Диоген Лаэртский, ссылаясь на Аристотеля, называет еще две, «божественных» причины запрета — то, что боб напоминает врата Аида, и что бобы «подобны природе целокупности» (V.34).

60. Илиада XVII, 51–60. Пер. Н.И. Гнедича.

61. Платон в «Государстве» говорит о двух видах воспитания, которые рекомендованы для стражей: о воспитании мусическом и гимнастическом. Задача мусического воспитания — привести человека к пониманию прекрасного, уравновесить его душу и развить ее благородные качества. Гимнастическое воспитание закаляет тело и развивает волю стража.

62. Диатоника (букв.: «идущая по тонам») — семизвуковая система, все звуки которой могут быть расположены по чистым квинтам. Диатонический тетрахорд выглядит следующим образом: $^1/_2$ T – T – T (полутон и два тона, например e–f–g–a). В хроматическом наклонении третий тон тетрахорда понижался на полтона: $^1/_2$ T – $^1/_2$ T – $1^1/_2$ T (напр. e–f–fis–a). Энгармоническое наклонение было двух видов: более древнее основывалось на пропуске второго тона: $1^1/_2$ T – T (напр. e–g–a). Более позднее делило первый полутон диатонического тетрахорда на два четверть-тона: $^1/_4$ T – $^1/_4$ T – 2T. Об открытии Пифагором диатонического наклонения см. 118–120.

63. Александр Афродисийский в комментариях к «Метафизике» Аристотеля пишет, что пифагорейцы «утверждали, что вся Вселенная составлена согласно некоторому гармоническому отношению». Он выделяли 10 движущихся сфер: в центре «Очаг» Вселенной, или центральный Огонь, вокруг него семь планет (включая Солнце и Луну), сфера неподвижных звезд, Земля и Антиземля. Каждое из движущихся тел издает звук определенной высоты (движущиеся быстрее звучат выше, а движущиеся медленнее — ниже). Скорость движения и звуки, издаваемые телами, пропорциональны расстояниям между ними. Отсюда, по представлению пифагорейцев, движению Неба присуща музыкальная гармония и небо «звучит» как гармоничный аккорд. (Подробнее см. Фрагменты ранних греческих философов, I, 58В.)

Платон в «Тимее» (38b—39e) и в «Государстве» (616d—617d) развивает эту пифагорейскую теорию.

64. О подобном методе привыкания к созерцанию чистых первообразов говорится у Платона в мифе о пещере (Государство, кн. 7), когда он объясняет, как после созерцания теней не ослепнуть от света солнца. Естественно, и пещера, и тени, и солнце — некие аллегории: под пещерой подразумевается иллюзорный мир материальных форм, под тенями — отражение Идей, под вещами, проносимыми перед пещерой, — сами Идеи, а под солнцем подразумевается идея Блага, которая дает свет и жизнь всему сущему. «Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем — на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом — на самые вещи; при этом то, что на небе, и самое небо ему легче было бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и его свет. И наконец, думаю я, этот человек был бы в состоянии смотреть уже на самое Солнце, находящееся в его собственной области, и усматривать его свойства, не ограничиваясь наблюдением его обманчивого отражения в воде или в других, ему чуждых средах». (Государство, 516b, см. также Федон, 99d).

65. H. Diels. Die Fragmente der Vorsokratiker / Ed. W. Kranz. — Berlin, 1956. — B129. Пер. М.Л. Гаспарова.

66. О лечении души музыкой см. 110 след.

67. Пифагор разделял душу человека на ум, рассудок и страсть, причем указывал, что умом и страстью обладают и человек, и животные, а рассудком — только человек (см. Диоген Лаэртский, VIII.30). Подобное разделение можно встретить у Платона, который выделяет три начала человеческой души: разумное, вожделеющее и яростный дух. Разумное начало должно руководить вожделеющим, а яростный дух по своей природе способен присоединяться как к первому, так и ко второму, но в случае справедливого человека он помогает разумному началу управлять страстями.

68. Огня, Воздуха, Воды и Земли. Тело человека, как и Вселенная, складывается из этих элементов, причем тело считается здоровым, когда все элементы находятся в гармонии и правильном соотношении, а при нарушении этой гармонии наступает болезнь (подобные представления характерны как для древнегреческой философии, так и для восточной и для натурфилософии Возрождения).

69. Платон. Государство, 527d–e.

70. Политики — букв. «искусные в государственной деятельности». Пифагорейская школа была государством со своими законами, поэтому часть учеников школы посвящала себя административной деятельности, следя за соблюдением законов общины. Впрочем, известно, что Пифагорейская школа выпускала талантливых законодателей и политиков, которые иногда даже управляли городами-полисами. Помимо законов политики управляли хозяйством и ведали казной общины (см. 74).

71. *Эсотерический* (эзотерический) — букв. «направленный внутрь», «внутренний». Под эсотериками обычно понимаются посвященные в тайные учения. Поэтому занавес может быть аллегорией «завесы тайны» (ср. «покрывало Исиды» в герметиче-

ской традиции), а ученики, слушающие Пифагора за ним — посвященных в сокровенные учения и созерцающих свет Истины.

72. *Лисид* — один из немногих спасшихся после разгрома пифагорейского союза; переехал в Элладу, где в конце жизни стал учителем будущего фиванского полководца и политического деятеля Эпаминонда (250).

73. Речь идет о Деметре и Персефоне и Элевсинских мистериях. Разглашение тайны Мистерий каралось смертью. О пифагорейском запрете разглашать тайны учения см. 104.

74. Письмо Лисида считается подложным.

75. «Пифагорейцы» и «математики», с одной стороны, и «пифагористы» и «акусматики», с другой, — одно и то же. Первые («пифагорейцы» и «математики») — обладатели эзотерического знания, вторые («пифагористы» и «акусматики») — претенденты на него.

76. *«Аттикистами»* называли представителей риторического направления I в. н.э., подражавших языку и стилю знаменитых ораторов и писателей IV в. до н.э., прежде всего Демосфена, Лисия, Ксенофонта, которые считались истинно аттическими авторами.

77. «Акусматики» — «слушатели», «математики» — «занимающиеся науками».

78. Ямвлих в каталоге пифагорейцев (267) называет Гиппаса выходцем из Сибариса. В другом месте (Об общей математической науке, 76.19 в книге Фрагменты.., I, 18) Ямвлих утверждает, что, по мнению акусматиков, учение математиков шло не от Пифагора, а от Гиппаса. Однако пифагорейцы, занимающиеся математикой, признавали себя пифагорейцами в еще большей степени, чем акусматиков. Ниже Ямвлих сообщает о гибели Гиппаса за разглашение тайны сферы из двенадцати пятиугольников (88).

79. Пифагорейские акусмы называются также символами («иносказательными изречениями») и имеют, как это следует

из названия, двойное значение: первое, этическое и воспитательное, — о нем писали все комментаторы Пифагора, в том числе Ямвлих, Диоген Лаэртский и Порфирий в сочинении «Жизнь Пифагора». Однако существовало еще второе, которое открывалось, по-видимому, только эсотерикам. Вообще подобное обучение через символы и иносказания характерно для всей досократической традиции.

80. Дельфийский оракул принадлежал богу гармонии Аполлону.

Четверица (Тетрактида) — священное число, первый квадрат, символ справедливости и божественного равновесия у пифагорейцев. Являлся основой всего существующего (Гиерокл) и деления на четыре ступени мудрости (арифметика, музыка, геометрия, астрономия), четыре стихии, четыре времени года, четыре страны света и т. д. Кроме того, Четверица дает первое тело — пирамиду (четырехгранник).

Математическое выражение Четверицы: 1+2+3+4=10. Это число (см. выше, прим. 57) описывает некий законченный цикл, и тот, кто хочет считать дальше, возвращается опять к одному, двум, трем и т. д. (11=1+1=2; 12=1+2=3 и т. д.) Так что можно дойти до бесконечности, повторяя интервал десяти (см. Пифагорейские Золотые стихи, 465a–b). Гиерокл пишет: «В целом четверица охватывает все существующее: число элементов, времен года, возрастов, сословий, и невозможно сказать, существует ли что-либо, не зависящее от четверицы как от корня и начала. Четверица есть, как мы сказали, творец и причина всего, умопостигаемый бог, причина небесного и чувственно воспринимаемого бога. Как четверица может быть богом? Это ты достоверно узнаешь из приписываемой Пифагору „Священной речи“, где бог воспевается как число чисел» (Пифагорейские Золотые стихи, 466b, 464b). По-видимому, о Четверице можно говорить как о математическом выражении законов высшей гармонии, управляющих Вселенной. Поэтому Гиерокл говорит, что главное в пифагорейском учении — познание Четверицы.

С понятием гармонии пифагорейцы связывали музыкальную гармонию и гармонию восьми небесных сфер (см. выше, прим. 63). Интервалы между небесными телами составляли наиболее гармоничные музыкальные интервалы (октаву, квинту и кварту). А последние имели числовые значения 2:1 (октава), 3:2 (квинта), 4:3 (кварта). Так что числа, составляющие эти интервалы, принадлежали Четверице.

Что касается сирен, то в «Государстве» Платона (617b—с) описывается веретено Ананке, придающее всему миру вращательное движение и состоящее из восьми небесных сфер, на каждой из которых сидит сирена и поет определенную ноту.

81. Под врачеванием здесь подразумевается не просто лечение тела, но, в первую очередь, гармонизация души, поскольку именно проблемы души являются источником болезни тела. В данном случае речь может идти вообще о принципе врачевания, сутью которого является приведение в состояние гармонии любой нарушенной системы, будь то здоровье, душа, государство, природа и т. д.

82. Правая сторона считалась благоприятной. Традиционно правое связывается с благим и добрым, а левое — с дурным.

83. То есть следовать не мнениям толпы, а мнениям немногих понимающих людей (см. Порфирий. Жизнь Пифагора, 42).

84. То есть не говорить попусту.

85. Порфирий комментирует эту акусму так: «Не выставляй напоказ перед людьми, как ты судишь и думаешь о богах» (Жизнь Пифагора, 42).

86. Оказать помощь нуждающемуся в ней — священный долг человека, которым нельзя пренебрегать или делать мимоходом. В то же время совет и помощь не следует навязывать тому, кто в них не нуждается, потому что в этом случае они обесцениваются.

87. *Абарид* — легендарный гиперборейский жрец и чудотворец. Об Абариде писали Пиндар (10 Пифийская ода, 29—47), Геродот, Гекатей Абдерский, Платон, Диодор Сицилийский,

Гераклид Понтийский (диалог «Абарид, или О душе»), Гимерий, Нонн Панополитанский.

88. *Стрела* — символ и атрибут Аполлона в его аспекте бога солнечного света. Солнечные лучи, разгоняющие тьму, часто ассоциируются со стрелами, убивающими темные силы. Например, в мифе о борьбе Аполлона с Пифоном солнечный бог убивает хтоническое чудовище Пифона стрелой. По мнению А.Ф. Лосева, в солнечной стреле объединилось представление о животворящих и исцеляющих лучах солнечного света и о магическом жезле. Одна из ипостасей Аполлона — бог-врачеватель (Пеан), и Абарид с помощью стрелы солнечного бога производит очищение и исцеление. О стреле Абарида сообщают Геродот (IV.36), Пиндар (фрагм. 271), Платон в «Хармиде» (158b) называет Абарида вместе с Замолксисом «заклинателем от болезней».

89. Об этом см. выше, 84.

90. О пифагорейской иерархии богов, демонов и героев см. 31 и прим. 12.

«Прежде всего почитай бессмертных богов, соблюдая
Их старшинство согласно закону, и верным будь клятве,
Славных героев, подземных демонов чти по закону»
(Пифагорейские Золотые стихи, 1—4).

91. См. также 171, 223.

92. Согласно Диогену Лаэртскому, одежда Пифагора, напротив, была из белой шерстяной ткани, «ибо лен в тех местах еще не стал известен» (VIII.19).

93. О пифагорейском понимании дружбы как согласия между богами и людьми, людей — между собой, основоположений — друг с другом, тела с самим собой и вообще всего миропорядка от первочастиц до светил см. 69, 230—232.

94. Внук, сын, младший брат или облагодетельствованный. Ср. ниже, 230.

95. Ср. ниже, 232.

96. Ср. ниже, 267, список пифагорейцев.

Филолай из Кротона — крупнейший пифагореец старшего поколения, современник Сократа. Согласно его учению, в центре Космоса находится центральный огонь, называемый «Очагом» Вселенной (Гестией), вокруг которого вращаются пять планет, Земля, Антиземля и сфера неподвижных звезд. Он занимался математикой и связью чисел и геометрических фигур со свойствами богов. (См. Фрагменты.., I, 44).

Эврит из Тарента — ученик Филолая, занимался вопросом, какое число свойственно той или иной вещи (см. там же, 45).

Харонд из Катаны и *Залевк из Локр* — законодатели, неоднократно упоминаемые Ямвлихом (см. 130 и прим. 39).

Аристей — второй схоларх, преемник Пифагора (см. 265).

Лисид — см. 75.

Эмпедокл — см. 67, прим. 130 (см. Фрагменты.., I, 31).

Замолксис — скиф или фракиец, после смерти Пифагора принес гетам учение о бессмертии души и был причислен ими к богам.

Эпименид — см. прим. 9. Вряд ли здесь имеется в виду знаменитый критский мудрец и ясновидящий, потому что последний жил предположительно в XII в. до н.э.

Алкмеон Кротонский — в основном занимался медициной и изучением небесных тел (см. Фрагменты.., I, 24).

Гиппас — см. 81 и прим. 78.

Тимарид с Пароса — открыл метод эпантемы (нахождения по одному из слагаемых всех остальных), в основном занимался числовыми исследованиями. См. ниже, 145, 239, а также в каталоге.

97. «Кто предается сну чистым и умеренным в поведении и еде, у того та часть души, которая связана с разумом и рассудком, как бы насытившись добрыми мыслями, приходит в деятельное и возвышенное состояние; вторая же часть, что питается наслаждениями, не истощена ни скудостью, ни излишеством (ведь и то и другое притупляет остроту ума: как отсутствие чего-то нужного для природы человека, так и излишнее изобилие).

А третья часть души, вместилище гнева и пылких страстей, умиротворена и спокойна. И вот, когда эти две безрассудные части души укрощены, когда первая часть, вместилище разума, просветляется и становится деятельной и готовой к порождению сновидений, тогда-то сны приходят и спокойные и вещие» (Платон, Государство, 571e—572b). Вся античная традиция придает исключительное значение снам — особенно в том, что касается пророчеств и исцеления (как, например, в храме Асклепия в Эпидавре). Сам Пифагор учил тому, что через сон можно общаться с богами.

98. Плутарх связывает сердце и мозг с источником рождения, а Ямвлих в «Протрептике» трактует запрет есть сердце — чтобы не разрывать единства и согласия мирового целого. Также о запрещенных для еды растениях и животных см. у Порфирия (Жизнь Пифагора, 43).

99. Порфирий утверждает, что Пифагор запрещал есть «почти все, что ловится в море» (Жизнь Пифагора, 45).

100. *Пеан* — здесь гимн в честь Аполлона, а также победная песнь.

101. В пифагорейской традиции, а также позднее в античности, было широко распространено воздействие на душевное состояние с помощью музыки. К примеру, Платон говорил о четырех основных музыкальных ладах, оказывающих разное воздействие, Аристотель — о пяти, а в целом выделяли семь или восемь основных музыкальных ладов. Платон и Аристотель с точки зрения воспитательного воздействия на душу отдавали предпочтение дорийскому ладу, как наиболее мужественному и уравновешивающему. Платон рекомендовал использовать этот лад для занятия мирным делом, философией или молитвой. На второе место по полезности Платон и Аристотель ставили фригийский лад, вызывающий религиозный и гражданский энтузиазм, подходящий для сражающегося воина, помогающий при унылом и расслабленном состоянии души. А лидийский лад Платон и Аристотель считали наихудшим, потому что он оказывает размягча-

ющее и разнеживающее воздействие на душу и подходит только для пирушек. Подробнее о воздействии музыки см. у Плутарха «О музыке».

102. Спондеические мелодии отличались торжественностью и исполнялись на празднествах в честь богов.

103. Гомер. Одиссея, 4.221. Пер. В.А. Жуковского.

104. 12:8=3:2 (квинта).

105. 12:9=4:3 (кварта).

106. 9:6=3:2 (квинта).

107. 3/2 : 4/3 = 9/8 (один тон).

108. 12:6 = 2:1 — октава, 12:8 = 3:2 — квинта, 8:6 = 4:3 — кварта.

109. 12:9 = 4:3 — кварта, 9:6 = 3:2 — квинта.

110. *Монохорд* — однострунный инструмент для определения высоты тона. *Тригон* — инструмент треугольной формы, похожий на арфу.

111. *Гипата* — «крайняя» (струна), дававшая самый низкий тон.

112. *Меса* — «средняя» (струна).

113. *Парамеса* — «ближайшая к средней» (струна), то есть вторая из пяти струн лиры.

114. *Нэта* — «последняя» (струна).

115. *Октахорд* — образуется из двух тетрахордов, так что верхний тон нижнего тетрахорда совпадает с нижним тоном верхнего тетрахорда.

116. *Гептахорд* — «семиструнник».

117. Плутон получил имя от слова πλοῦτοσ «богатство».

118. Вероятно, пифагореец создал видимость разрешения тяжбы для того, чтобы удовлетворить обе тяжущиеся стороны, которые никак не хотели мириться без решения судьи, потому что обе стороны ничего не проиграли и не выиграли из этого спора.

119. Вероятно, один из злоумышленников уже успел бежать.

120. Высший государственный орган.

121. Пропуск в тексте.

122. Платон в седьмом письме говорит, что Архит спас его от рук наемников и помог отплыть в Грецию. Рассказы о дружбе Финтия и Дамона см. ниже, 234–237, Клиния и Прора — 239.

123. Речь идет о знаменитом египетском треугольнике («треугольнике жизни») с катетами 3 и 4 и гипотенузой 5.

124. «Ведь есть круговорот божественного сотворенного [=космоса], обнимаемый совершенным числом; и есть круговорот человеческого, число которого есть первое, где увеличение основ корней степеней, охватив три промежутка и четыре предела уподобляющих, расподобляющих, растущих и исчезающих чисел, все являет пропорциональным и взаимосоизмеримым. Из них отношение 4:3 в качестве базы, сопряженное с пятеркой, дает гармонии числовых формул после трех увеличений» (Государство, 546b–c, пер. А.Ф. Лосева).

125. То есть о состоянии золотой середины между крайностями. Платон также говорит о необходимости умеренности во всем, потому что избыток чего-либо всегда ведет к собственной противоположности и, как результат, — к страданию. В «Филебе» (52c–e) Платон называет истинными те удовольствия, которым присуща мера. Аристотель в «Никомаховой этике» пишет: «Избыток и недостаток присущи порочности, а обладание серединой — добродетели» (1106 b).

126. Ср. ниже, 177.

127. Ямвлих называет шесть видов пифагорейских добродетелей: благочестие, мудрость, справедливость, благоразумие, мужество и дружбу.

128. Ср. выше, 63.

129. Критскому жрецу и чудотворцу Эпимениду приписывались следующие сочинения: «Теогония», «Родословная куретов и корибантов», «Строительство Арго», «Плавание Ясона к колхам», «О критском государственном устройстве», «О Миносе и

Радаманфе», главные произведения — «О природе» и «Очищения» (Фрагменты.., I, 3).

130. Диоген Лаэртский рассказывает, что, когда однажды пассатные ветры дули так сильно, что портились плоды, Эмпедокл приказал содрать кожу с ослов и сделать меха, которые он затем расставил вокруг холмов и горных вершин, чтобы уловить ветер, за что и был прозван «Защитником от ветра» (60).

По сообщению Диогена Лаэртского, Эпименид очистил Афины от чумы. Он взял черных и белых овец, пригнал их к Ареопагу и отпустил, приказав приносить в жертву соответствующему богу каждую овцу, которая приляжет (110).

131. *Аристей из Проконнеса* (род. ок. 550 г. до н.э.) путешествовал по северному Причерноморью, автор поэмы «Об аримаспах», где изображались различные сказочные народы (см. Геродот, 13–15).

132. Ср. ниже, 148.

133. По-видимому, речь идет не о Лине, сыне Аполлона, растерзанном собаками, в честь которого слагали скорбные песни (это породило целый музыкальный жанр), но, скорее всего, о Лине, сыне Аполлона и Урании или Эагра и Каллиопы, брате и продолжателе Орфея. Считается, что он был величайшим из музыкантов и создавал гимны в честь богов и героев, которые потом и записал, создав эпос о творении мира и о героических временах. Ему также приписывают изобретение ритма и мелодии. Лина почитали не только как величайшего музыканта, но и как мудреца и учителя.

134. Ср. выше, 91.

135. О Миллии см. ниже, 189–195.

136. Пифагорейские Золотые стихи, 1–3.

137. Ср. ниже, 150 и выше, 47, и прим. 47.

138. Философия Пифагора имела множество параллелей с учением орфиков и, возможно, имела последнее в качестве одного из своих источников. Среди основных идей пифагорейской

философии — учение о метемпсихозе и об очищении души. Считается, что обе они берут начало в философии орфиков. Согласно философии орфиков, человеческая душа имеет два начала: титаническое и божественное дионисийское. В круге перерождений человеческая душа должна постепенно избавляться от низменной, хаотической и разрушительной «титанической» части, с чем связана важность очищения души и тела, состояние внутренней гармонии, вегетарианство и т. д.

139. *Либетры* — область близ Олимпа, где, по преданию, была могила Орфея.

140. Ср. выше, 139.

141. Ср. выше, 100.

142. Ср. выше, 144.

143. Пифагорейские Золотые стихи, 47—48.

144. Мы понимаем ἱσταμένους как ἱστάμενον.

145. Халдеи — арамейское племя, чьи жрецы (как и жреческая каста магов) считались носителями тайных учений, особенно астрологических вавилонских знаний. Позднее с понятием халдеев и магов связывались любые магические и астрологические знания. О магах см. также прим. 24.

146. Элевсинские мистерии — тайные обряды в честь Деметры и Персефоны, наиболее знаменитые и почитаемые из греческих мистерий. Священная драма, разыгрывавшаяся перед посвящаемыми, рассказывала о похищении Персефоны Аидом и о странствиях Деметры в поисках дочери, что в символическом ключе давало знание о перевоплощении и о странствиях души.

В Имбросе, Лемносе и Самофракии были центры мистерий кабиров — божеств малоазиатского или финикийского происхождения, которые почитались как учителя тайного знания, всех искусств и ремесел. Самофракийские мистерии считались наиболее древними в Греции.

147. В представлении пифагорейцев Единица (монада) — начало всех чисел и всех вещей, символ божества, Единого без

Второго, порождающего весь мир. Двойка (дуада, двойственность) — начало любого разделения, противоречия и, следовательно, изменения (поэтому считалась у пифагорейцев нечистой). Единица и Двойка олицетворяют собой космические начала и творческие силы. Единица связывается с божественным и духовным началом, Двойка — с материальным. Тройка (триада) — первое порождение Двойки, после нее начинается весь ряд чисел (будучи нечетным числом, она восстанавливает нарушенное Двойкой равновесие). Как считали пифагорейцы, все вещи определены «тремя»: началом, серединой и концом или прошлым, настоящим и будущим. С точки зрения теогонии, Единица соответствует первому Божеству, Двойка — разделению на Небесного Отца и Великую Мать, а Тройка — Богу-Сыну, рожденному от Отца и Матери, то есть первому рожденному.

148. В числе 6 четное сочетается с нечетным и объединяются три первых числа, от которых происходит все многообразие остальных чисел (1+2+3).

149. Т. е. кедр, лавр, кипарис и мирт. Все эти растения — священные деревья различных богов, кроме того, их эфирные масла и листья используются в церемониях.

150. Т. е. в огне.

151. Огонь, наиболее легкий и тонкий из четырех элементов, связывался с божественной природой. Любопытно сравнить взгляды Пифагора с отношением к огню в зороастризме в Персии (Пифагор, судя по его биографии, мог соприкасаться с этой культурой), где огонь считается священным, и ничто нечистое не должно его касаться. В зороастризме также запрещено сожжение тел, чтобы не осквернять огонь.

152. Традиционно белый цвет связывается с чистотой и с божественной природой (за исключением некоторых восточных стран, где белый цвет связывается с трауром).

153. *Диоскуры* — близнецы Кастор и Полидевк, сыновья Зевса и Леды. Кастор был смертным, а Полидевк — бессмертным братом, однако после смерти Кастора по просьбе Полидевка оба

12 – 6132

брата стали наполовину смертными, наполовину бессмертными: день проводили на Олимпе, день — в Аиде. В античной традиции Диоскуры — образец дружбы и согласия, а также гармонии противоположностей, где один не может существовать без другого.

154. Правая сторона, являющаяся благоприятной, связывается с Единицей, которая является первым нечетным числом, а левая, неблагоприятная сторона — с Двойкой, символом разделения, которая является первым четным числом.

155. Фраза, ставшая поговоркой. Платон цитирует ее в «Законах» (573e—574a).

156. У Диогена Лаэртского это определение Пифагора выражено так: «Дружба — равенство *ладов*» (33).

157. В «Горгии» (508b) Платон говорит о космосе следующее: «Мудрецы учат... что небо и землю, богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, воздержность, справедливость, по этой причине они и зовут нашу Вселенную „порядком“ („космосом“), а не „беспорядком“».

158. ’Εστώ — пифагорейский термин, предположительно — «материя», «существование».

159. Пропуск в тексте.

160. Ср. выше, 150. В гл. 150 вместо «давшему четверицу нашему (человеческому) роду» сказано: «открывшему четверицу нашей мудрости».

161. Ср. выше, 110.

162. Ср. выше, 111.

163. *Парменид* — глава школы элеатов, законодатель, был учеником известного пифагорейца Аминия.

164. *Эпихарм* — поэт и комедиограф. Был знаком с некоторыми пифагорейцами и разгласил тайны учения (266).

165. Платон. Государство, 462b.

166. Выше (130) он назван Тимаром.

167. См. выше, 104.

168. Ср. Пифагорейские Золотые стихи, 1—4.

169. Ср. выше, 133.

170. Ср. выше, 155.

171. Изложение теоремы Пифагора. *Значение квадратного корня* — гипотенуза.

172. См. у Аристотеля: «Не просто определить, как, против кого, по какому поводу и какой срок следует испытывать гнев, а также до какого предела поступают правильно или погрешают... Действительно, иногда мы хвалим и признаем ровными тех, кому недостает гнева, а злобных признаем воистину мужами за способность начальствовать. Не просто поэтому определить в понятиях, насколько и как переходит грань тот, кто заслуживает обсуждения, ибо судят об этом по обстоятельствам и руководствуясь чувством. Ясно по крайней мере то, что похвалы заслуживает срединный душевный склад, при котором мы испытываем гнев против того, против кого следует, по должному поводу, должным образом и так далее» (Никомахова этика, 1126а, 30).

173. «Протрептик, или Увещание к философии».

174. Ср. выше, 68—69.

175. *Неант* (III в. до н.э.) — ритор и историк из Кизика, автор «Эллинских событий», «Истории Аттала», «О знаменитых мужах» и других книг. *Гиппобот* (III—II вв. до н.э.) — автор трудов по истории философии («О философских школах», «Перечень философов»).

176. *Дион Сиракузский* — один из учеников Платона, пытавшийся путем конституционных реформ создать в Сиракузах идеальное государство по платоновской модели.

177. См. выше, 112.

178. См. выше, 10 и прим. 12, где Ямвлих представляет Пифагора демоном, посланным людям, чтобы покровительствовать им и нести божественную волю. Также Ямвлих говорит, что душа

Пифагора была ниспослана людям по воле Аполлона, и вообще в античной традиции Пифагор часто отождествлялся с Аполлоном (об этом см. выше, 8 и 91). Поэтому, согласно своей природе, он вносил порядок и гармонию во все, с чем ни соприкасался, касалось ли это воспитания человека или создания более справедливого государственного устройства.

179. *Фаларид* — тиран Акраганта, известный своей жестокостью.

180. *Эринии* — богини мщения.

181. Ср. выше, 100 и 171.

182. Ср. выше, 111.

183. Ср. выше, 196. Платон характеризует мужество как добродетель для части души, называемой яростным духом или яростным началом, которая по своей природе является защитником и помощником разумного начала, если только не испорчена неправильным воспитанием (в этом случае яростное начало служит началу вожделеющему и человек либо слаб и изнежен, в случае недостатка яростного духа, либо, в обратном случае, груб и несдержан в проявлениях гнева). Платон подчеркивал важность мусического воспитания, говоря, что «яростное начало оно несколько ослабит, смягчая его словами и успокаивая гармонией и ритмом» (Государство, 442а). Соответственно, мужество определяется способностью яростного духа подчиняться разумному началу.

184. Ср. выше, 68.

185. Ср. выше, 187—188.

186. Ср. выше, 198.

187. Ср. выше, 69—70.

188. Ср. выше, 101—102.

189. *Аристоксен из Тарента* (354—300 гг. до н.э.) — философ, историк и теоретик музыки, ученик Аристотеля и пифагорейцев.

190. Ср. выше, 198.

191. Здесь Ямвлих намекает на миф о жертвоприношении Ифигении, дочери царя Агамемнона, Артемиде. Богиня в послед-

ний момент спасла Ифигению и сделала ее жрицей в своем храме в Тавриде, а взамен ее на жертвеннике оказалась лань.

192. Пифагорейцы говорили на дорийском диалекте.

193. *Япиги* — иллирийское племя, жившее в юго-восточной Италии. *Лукания* — область на юге Италии. *Пицен* — область на восточном побережье Италии на склоне Апеннин.

194. *Эпихарм с Коса* — по сообщению Диогена Лаэртского, слушатель Пифагора, автор «Записок», в которых он писал о природе и врачевании (VIII.78).

195. По наиболее распространенной версии (Павсаний, Евстафий, Аполлодор), *Эллин* — сын Девкалиона, а не Дора, *Дор* же, согласно Аполлодору, — сын либо Эллина и Орсеиды, либо Аполлона и Фтии.

196. *Кранай* — один из первых афинских царей, правивший после легендарного Кекропа. По имени одной из своих дочерей, Аттики, назвал свою страну Аттикой. *Ион* — афинский царь (по Эврипиду — сын Аполлона). *Эрехтей* — один из первых легендарных афинских царей, имевший облик получеловека-полузмея, что свидетельствует о его хтонических корнях. *Орития* — дочь Эрехтея, была похищена северным ветром Бореем.

197. Ср. выше, 163—164.

198. Одиссея, 11.582—592.

199. Вероятно, Гиппас. Ср. выше, 88.

200. *Эпаминонд* — знаменитый беотийский полководец и государственный деятель, возглавлявший фиванское государство.

201. Пропуск в тексте.

202. *Никомах из Герасы* — неопифагореец (II в. н.э.), математик, автор трудов по мистической арифметике и музыке.

203. Имеется в виду пифагорейский обычай воздвигать надгробный памятник живым людям, отвергнутым общиной. Ср. выше, 74.

204. По-видимому, имеется в виду *Аполлоний Тианский*.

205. Ср. выше, 88.

206. Гомер. Одиссея, 14.145–146. Пер. В.А. Жуковского.

207. Ср. выше, 84.

208. Формула, которая встречается в «Илиаде» не менее 44 раз.

209. Бобы использовались для жеребьевки.

210. Правильная форма — Траент. Битва описана Диодором (XII.9–10).

211. Остров у берегов Ливии.

212. Вероятно, для участия в политической жизни.

213. *Фурии* — город в Лукании, основанный выходцами из Афин.

214. О каком именно разграблении Кротона идет речь, неясно. Разрушив еще при Пифагоре Сибарис, кротонцы впоследствии сами были побеждены локрийцами, после чего город потерял свое былое могущество.

215. *Диодор из Аспенда* (кон. IV в. — нач. III в. до н.э.) — судя по высказыванию о нем Диогена Лаэртского (13), по образу жизни был скорее киником, чем пифагорейцем. О *Клинии* см. выше, 127, 198, 239. О *Филолае* см. выше, 199. Он был первым из пифагорейцев, обнародовавшим их идеи. Об *Эврите* см. выше, 104, 139. Он считался в древности автором трактата «О судьбе» (Стобей. Эклоги, 1.6.19). *Архит* был автором сочинений «О математических науках», «О музыке», «О флейтах», «Диатрибы», «Декада», вероятно, «О машинах» и «О земледелии».

216. О *Силле* см. выше, 150.

Экфант (кон. V в. — первая половина IV в.) — последователь Филолая, развивший идею о вращении Земли вокруг своей оси.

О *Миллии* см. выше, 143, 189 и 192.

Алкмеон — известный пифагореец, о нем см. выше, 104 и Фрагменты.., I, 24.

О *Милоне* см. выше, 249.

Бронтину приписывалось авторство некоторых орфических поэм. По сообщению одних источников, был женат на дочери Пифагора Теано, по сообщению других, Пифагор сам был женат на его дочери Теано.

Ликон — врач, принадлежавший к кругу Архита (см. Фрагменты.., I, 57).

О *Архиппе* см. выше, 249—250.

Зопир (IV в.) — пифагореец-инженер, помогший Дионисию Старшему создать боевые машины для флота и армии, принадлежал к кругу Архита.

Эхекрат — ученик Филолая, рассматривал душу как музыкально-числовую гармонию (см. Фрагменты.., I, 53).

Икк (V в.) — врач, занимался вопросами гимнастики и диэтики (см. Фрагменты.., I, 25).

О *Гиппасе* см. выше, 81.

Менестор (V в.) — по утверждению Теофраста, последователь Эмпедокла. Занимался ботаникой, анатомией и физиологией (см. Фрагменты.., I, 32).

О *Мильтиаде* см. выше, 128.

О *Тимариде* см. выше, 104, 145, 239 (см. также Фрагменты.., I, 57a).

Ксенон — вероятно, известный врач, о котором упоминает Диоген Лаэртский (165).

Сим — теоретик гармоники, по утверждению Порфирия, присвоивший сочинения «Канон» и «О гармонии» (Жизнь Пифагора, 3; Фрагменты.., I, 56).

Оккел — автор трактата «О природе Вселенной», доказывавший ее неуничтожимость; как и Аристотель, признавал существование пятого элемента — эфира (см. Фрагменты.., I, 48).

Аристократ, *Фитий* и *Геликаон* — законодатели, см. выше, 130, 172.

Опсим — см. Фрагменты.., I, 46.

Дамон — друг Финтия (см. 234—236), известен как теоретик музыки, изучавший воздействие музыки на родственную ей душу

как средство этического воспитания и разработавший учение об этосе музыки (см. Фрагменты.., I, 37).

Мелисс — по сообщению Диогена Лаэртского (IX.24), ученик Эмпедокла, главное сочинение «О природе, или О сущем» (см. Фрагменты.., 30).

Гиппон (нач. V в.) — занимался ботаникой, медициной, исследовал свойства мозга, описывал космогонию наподобие Гиппаса и Филолая, основой всего сущего считал воду (см. Фрагменты.., I, 38).

О *Диокле*, *Эхекрате*, *Полимнасте* и *Фантоне* см. 251.

Прор — см. 127, 239.

Теодор (род. ок. 475 г. до н.э. — ум. ок. 400 г. до н.э.) — математик, обучавший, по утверждению Диогена Лаэртского, Платона (III.6); развил учение Гиппаса, первооткрывателя иррациональности, и доказал иррациональность величин между $\sqrt{3}$ и $\sqrt{17}$, преподавал квадривиум (музыку, астрономию, геометрию, арифметику). См. Фрагменты.., I, 43.

О *Ксенофиле* см. 251.

О *Навсифое* см. 127.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Ямвлих

О ПИФАГОРОВОЙ ЖИЗНИ

Ответственный редактор *Е.В. Косолобова*
Корректоры *А.С. Усенко, О.В. Наумова*
Художественный редактор *С.Ю. Гордеева*
Технический редактор *С.Ю. Гордеева*
Компьютерная верстка *Н.С. Макогон*

Изд. лиц. ЛР № 040768 от 22.05.96.
Гигиен. заключ. № 77.ФЦ.8.953.П.104.12.98 от 28.12.98.
Выдано Федеральным центром Госсанэпиднадзора.
Сдано в набор 05.04.2002. Подписано в печать 24.04.2002.
Формат 70 × 108 $^1/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4. Тираж 3 000 экз.
Заказ № 6132.

Издательство «Алетейа». 115569, Москва, а/я 135.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.